

МОСКОВСКИЙ ГУБ. СУД и МОСКОВСКИЙ КАБИНЕТ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА и
 ПРЕСТУПНОСТИ

ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Под редакцией

Е. К. КРАСНУШКИНА, Г. М. СЕГАЛА и Ц. М. ФАЙНБЕРГ.

Издание МОСЗДРАВОТДЕЛА
МОСКВА 1927

Отпечатано
в типографии НКРКИ СССР
Москва, Псковский, 2.
Мосгублит № 28.818.
Тираж 3.000

ОТ РЕДАКЦИИ.

Нет никакой нужды лишний раз подчеркивать серьезность и многосложность проблемы т. н. половых отношений. Но все же приходится отметить, что вся сложность этой проблемы заключается в глубочайшем и теснейшем переплетении социальных и биологических элементов.

Поэтому нам представляется особенно значительным и своевременным показать на материале, по своему значению имеющем глубокий криминологический и психопатологический интерес, механизмы антисоциального поведения личности и те биологические и социологические истоки, которые влекут ее на этот путь.

Предлагаемый вниманию читателя сборник представляет собой материал, обработанный сотрудниками Московского Кабинета по изучению личности преступника и преступности по данным Губсуда, Института Судебно-Психиатрической Экспертизы и Кабинета. Этот материал разработан в двух основных направлениях: по линии социологического и бытового его изучения и по линии психопатологического анализа самого явления — криминального поведения в области половых отношений — и изучения его индивидуальных носителей.

Подобно тому, как уродливые реакции душевно-больных дают возможность судить о законах поведения личности, находящейся в пределах нормы, так и индивидуальные отклонения, особенности отдельных правонарушителей в области половых отношений могут наметить и те границы, в которые укладываются нормы полового поведения.

Остатки старого быта, которые в виде сорной травы глушат ростки нового, с особенной яркостью выпячиваются на основе клинического анализа отдельных случаев правонарушений в области половых отношений. Сюда относятся, прежде всего, случаи массового изнасилования, где жизнь и законы так называемой «первобытной орды» являются преобладающими в механизмах этого вида правонарушения.

Отсюда — эта тесная переплетенность быта с психопатологией, их взаимодействие, — прямое и обратное влияние друг на друга.

При обработке и анализе всего этого огромного материала редакция исходила из осознания одного старого и мудрого правила: «не плакать, не смеяться, а только понимать». Мы стремились со всей серьезностью и углубленностью, какой заслуживает с обще-

ственно-психологической стороны поставленная нашим сборником тема, представить читателю, прежде всего, доброкачественный в научном отношении материал. По нашей мысли, этот материал должен служить отнюдь не целям праздного и нездорового любопытства. Не только криминологу, юристу, педагогу и медику, прежде всего, психиатру, но и каждому, интересующемуся рассматриваемой проблемой, представленный материал должен помочь разобраться во всем многообразии полового поведения социально связанного индивида. Если эта цель будет достигнута, редакция почтет себя удовлетворенной и свою задачу будет считать выполненной.

К проблеме половой преступности.

Вторым тематическим сборником, выпускаемым Московским Кабинетом по изучению личности преступника и преступности, является сборник по вопросу о половых преступлениях. Совершенно естественно встает вопрос: чем вызвано внимание к этой именно категории преступности, где в нашей действительности те условия, которые толкают научную мысль на изучение именно этой проблемы?

Предыдущий сборник Кабинета был посвящен вопросу о хулиганстве. Ни у кого из читателей не могло возникнуть сомнения в том, что тема о хулиганстве являлась злободневной, что наблюдавшийся рост хулиганства отражал собою какие-то процессы в нашей общественности, в быту, и что поэтому явление хулиганства требовало особого внимания и изучения. И нам кажется, что в своем сборнике Кабинет представил достаточно убедительные, основанные на научном анализе, данные, подтверждающие, что в наших условиях хулиганство является болезнью роста, следствием несоответствия между ростом экономического благосостояния страны и отстающим от него ростом культуры; вместе с тем, работы сотрудников Кабинета, исследовавших проблему с разных сторон, показали, в чем те специфические условия отдельно современного города и отдельно современной деревни, которые представляют собой почву, непосредственно питающую корни хулиганства; наконец, разработанный в сборнике психопатологический анализ выявил, какие человеческие типы в наших условиях выделяют из себя хулиганствующих.

Между тем, анализ половых преступлений показывает, что этот вид преступности, хотя, разумеется, по своим размерам и уступает хулиганству весьма значительно, однако в неменьшей степени связан с процессами, происходящими в быту нашего города и нашей деревни.

В течение последних лет происходит рост половых преступлений, идущий параллельно росту хулиганства; при этом, если рост хулиганства представлялся нам в несколько преувеличенном виде благодаря отсутствию точной грани между хулиганством и простым нарушением общественного порядка, то о половых преступлениях этого сказать нельзя, — половые преступления в нашем уголовном законе определены достаточно четко, и ни с чем другим их смешать нельзя.

Параллелизм роста хулиганства и половых правонарушений сам по себе наталкивает на мысль о том, что здесь имеются какие-то общие обоим этим явлениям корни.

Изучение половой преступности и личности самих правонарушителей приводит к выводу, что здесь, кроме случаев прямой невменяемости, довольно, впрочем, многочисленных, мы имеем перед собой такое явление, когда накапливающаяся жизнеспособность, жизненная энергия, не поглощаемая целиком борьбой за личное существование, не находит себе выхода по линии действительно человеческого стремления к повышению своей интеллектуальной самооценности, к строительству новых форм человеческого общежития, а в форме чисто физиологической половой энергии обрушивается на другую личность, более слабую в физическом, в бытовом и в социальном отношении.

Половая преступность по своей природе, по характеру своих побудителей несравненно более сложна, чем хулиганство: тут и специфические условия периодов полового созревания и полового увядания, и патологическая умственная недостаточность, и патологические условия садизма и т. д. и т. п.; все эти вопросы разработаны в сборнике. Нас же в настоящей статье интересует та часть проблемы половой преступности, которая имеет отношение к социально бытовым условиям.

Мы переживаем эпоху громадного, всестороннего переустройства жизненного уклада; это переустройство творится самими массами, которые, подобно могучей реке, размывшей препятствия на своем пути, развивают ни перед чем не останавливающуюся энергию в движении вперед.

Но и сама масса неоднородна. Есть слой актива; слой передовиков, ищущих новых путей, решительно отбросивших все ветхое, старое; есть толща, которая медленно раскачивается, но движется вперед основательно и без отступлений, все более пополняя из своего массива ряды передовиков; но есть и отстающая часть, которая сбивается на старое, идет по линии наименьшего сопротивления. В деле переустройства бытовых условий этот отстающий слой чрезвычайно опасен, потому что благодаря ему огромная инерция движения в значительной части приводит к возрождению отживающих бытовых явлений в особенно резких и интенсивных формах; особо опасно влияние этого отстающего слоя на молодежь, который зачастую принимает ухарство, молодечество, наплевательское отношение к новой этике за проявление прогрессивности и даже революционности.

Все это целиком относится и к области половых преступлений. Возьмем наиболее часто встречающийся в судебной практике вид половых преступлений—изнасилование. Приводимые в сборнике статистические данные показывают рост этого явления, в особенности в деревне. Это наиболее грубый, зверский вид насилия над физически более слабой личностью—женщиной. Что мы видим при анализе большого количества случаев изнасилования?

С одной стороны, отпали или ослабли внешние сдержки старобытового уклада: страх перед родителями, боязнь необходимости жениться на изнасилованной и т. п. С другой стороны, еще совершенно не выработались внутренние сдержки: уважение к женщине, как равноправной личности, стремление сохранить внутреннюю чистоту. Наоборот, со всей силой проявляется стародавний, унаследованный от тех самых отцов, страх перед которыми являлся раньше внешней сдержкой, взгляд на женщину, как существо нисшее, с которым вообще считаться не только не нужно, но даже и зазорно для мужчины. А в случаях групповых изнасилований сюда нередко прибавляются еще и другие, самые нелепые, самые изверские предрассудки: так, например, бывают случаи, когда мужчина, живущий половой жизнью с женщиной, сам «организует» ее изнасилование целой бандой, веря в то, что половое сношение с несколькими мужчинами исключает возможность беременности, или желая избавиться от алиментов, сославшись на то, что «не я один», или просто желая опозорить женщину, чтобы иметь предлог бросить ее. Здесь мы видим, как на фоне общего движения, общего культурного роста, встают болотные испарения прошлого, как мертвое хватает живое.

В случаях группового изнасилования обращает на себя внимание еще одно чрезвычайно важное обстоятельство: в большинстве случаев к взрослым насильникам присоединяются мальчики-полудети, которые следуют примеру взрослых, получая свою «долю», после всех; и, разумеется, взрослые насильники пользуются в глазах этих полудетей ореолом героев и образцов для подражания.

В сборнике особо разработан вопрос о половых преступлениях детей. Очерк тов. Озерецкого, посвященный этой теме, оставляет поистине жуткое впечатление; очерк этот дает яркое представление о том, как половая жизнь взрослых, из которой взрослые обычно стараются сделать тайну для детей и которая поэтому особенно привлекает любопытство и наблюдательность последних, болезненно отражается на их психическом состоянии и поведении. Правда, абсолютное количество случаев, служивших объектом наблюдений тов. Озерецкого, сравнительно невелико; но не следует забывать, что в очерке тов. Озерецкого мы имеем дело только с наиболее яркими по уродливости формами проявления полового инстинкта у детей; вопросы же, связанные с этими случаями, несомненно, являются общими вопросами воспитания.

Проблема полового воспитания, без сомнения, является одной из жгучих проблем нашей общественности. Между тем, в этой области до сих пор не выработано ничего определенного. Общие цели полового воспитания для нас ясны: необходимо выработать такой тип людей, для которых половые функции перестали бы играть самодовлеющую роль своего рода цели существования, для которых эти функции стали бы на свое естественное служебное место способа размножения; которые основную массу своей жиз-

ненной энергии, составляющей избыток сверх необходимой для физического существования, превращали бы в энергию интеллектуальную, общественную; лозунг «берегите половую энергию для общественной жизни» становится все более популярным. Но методы воспитания в таком духе по существу еще не разработаны; физкультура, как метод отведения половой энергии по здоровому руслу, без сомнения, весьма ценна, но нередко она, по крайней мере в тех формах, какие она имеет, приводит даже к обратным результатам.

Вопрос этот—не последний в ряду вопросов социалистического строительства. И нам представляется, что изучение особо болезненных проявлений так называемого полового вопроса, составляющее предмет настоящего сборника, не мало света прольет на этот наименее разработанный вопрос нашей общественности.

Для того, чтобы у читателя настоящего сборника было ясное представление об объеме и характере изучаемого явления, необходимо остановиться на отношении советского уголовного законодательства к половой преступности.

Советское законодательство в этом вопросе, как, впрочем, и во всех других, стоит на точке зрения, коренным образом отличающейся от точки зрения буржуазных, в том числе и дореволюционного русского законодательства.

Царский уголовный закон подводил половые преступления под рубрику преступлений «против нравственности». Это—точка зрения крайнего лицемерия. Буржуазно-помещичий строй, строй всяческого рабства, и экономического, и политического, и интеллектуального, и полового выступает здесь в роли благородного обличителя «безнравственности», порождаемой самым существом этого строя, в роли защитника не людей, а лицемерной морали для рабов.

Советское же законодательство стоит на той точке зрения, что область нравственности и морали меньше всего может быть подвергнута воздействию принудительного аппарата государственной власти. Оно совершенно исключает понятие нравственности из поля зрения уголовного закона. В области борьбы с половыми преступлениями наш уголовный кодекс прямо и определенно становится на защиту социально и физически слабых, самые статьи о половых преступлениях находятся в главе о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. Отсюда прямо вытекает перечень действий, подводимых законом под понятие половых преступлений. Кодекс устанавливает уголовную преследуемость: 1) полового сношения с недостижими половой зрелости, устанавливая особо повышенную санкцию (лишение свободы на срок до 8-ми лет) за половое сношение с недостижими половой зрелости, сопряженное с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах; 2) развращения мало-

летних или несовершеннолетних, совершенного путем развратных действий в отношении их; 3) полового сношения с применением физического насилия, угроз, запугивания, или с использованием, путем обмана, беспомощного состояния потерпевшего лица, причем устанавливается повышенная санкция за изнасилование, имевшее своим последствием самоубийство потерпевшего лица, или над лицом, не достигшим половой зрелости, или совершенное несколькими лицами; 4) понуждения женщины к вступлению в половую связь с лицом, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависимой.

В связи с изложенной точкой зрения нашего уголовного законодательства на область половой преступности, оно не устанавливает преследования за мужеложество, скотоложество, половое сношение в извращенных формах с лицами, достигшими половой зрелости и т. п. действия, которые старым законодательством, стоявшим на точке зрения защиты нравственности, считались преступными.

Советский уголовный кодекс в этой области становится на защиту женщины. Однако, в отношении защиты несовершеннолетних и не достигших половой зрелости он не делает различия между полами.

Помимо области чисто половых правонарушений, советское законодательство устанавливает также уголовное преследование за принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата и вербовку женщин для проституции.

Самый перечень предусмотренных советским законодательством половых преступлений показывает, что оно в этой области стоит на ясно выраженной социальной точке зрения.

В заключение необходимо отметить, что уголовные санкции, установленные за половые преступления, почти равны санкциям за убийство. Это обстоятельство подчеркивает то значение, которое советская власть придает защите половой неприкосновенности социально и физически слабейших.

Выпуская настоящий сборник, Кабинет по изучению преступности отдает себе ясный отчет в трудности затронутой сборником темы. Трудность ее заключается не только в сложности и многогранности самого явления половой преступности, но и, главным образом, в том, что тема эта среди некоторых читающих слоев вызывает не столько общественный и научный интерес, сколько любопытство. К сожалению, нельзя не сказать, что на нашем книжном рынке появляются такого рода «труды» о половой преступности, которые, будучи испечены наспех, без всякой научной проработки вопроса, дают один лишь сырой материал, и если, может быть, прямо и не рассчитаны именно на любопытство, то объективно могут удовлетворять лишь ему одному.

В нашем сборнике мы поставили себе цель оперировать лишь с таким научно обработанным материалом, который абсолютно

необходим для освещения вопроса с социально-бытовой и психопатологической точки зрения.

Нам трудно судить, насколько эта цель оказалась достигнутой; однако, нам представляется, что самая постановка проблемы половой преступности, данная в сборнике, меньше всего способна поощрить нездоровое любопытство; она рассчитана на слуховое общественно-научное проникновение в область этой сложной и большой проблемы строительства нового быта.

Г. Сегал.

К психологии и психопатологии половых правонарушений.

Кажется, ни одно из влечений, являющихся основными двигателями человеческого поведения, не сохранило такой биологической чистоты проявления, такой биологической мощи над личностью человека, как половое влечение. Оно ощущается каждым, как властный зов жизни, рождающийся из непонятных биологических глубин организма. Оно украшается лучшими цветами поэтического творчества, оно воспето, как любовь, лучшими поэтами всего мира. Но не только в поэтических красивых нарядах, появляется в обществе половое влечение, но и в неприглядных отталкивающих одеждах, в лохмотьях старого, еще неизжитого быта. Так, казалось бы предназначенная наилучшим образом обеспечить осуществление основной биологической задачи полового инстинкта — размножение человеческого рода — и охраняющая нравственные устои в половой жизни, современная единобрачная семья явилась источником рабства, унижения женщины, легализации самого низкого разврата и низкой половой морали в культурных странах. Целью организации моногамной (единобрачной) семьи было, согласно Э н г е л ь с у ¹⁾, утверждение «господства мужа и несомненной законности детей, будущих наследников имущества отца», и это «подчинение женщины мужчине» явилось «первым разделением на классы», «первым подчинением одного класса другому». Отношение к женщине, освобожденной теперь у нас Советским законом, не как к равноправному товарищу, а как рабски подвластному человеку, все еще живет, хотя бы и как слабый отблеск прошлого, в быту, особенно в крестьянском, и наилучшим образом, пожалуй, запечатлено в церковной формуле брака: «жена да убоится мужа» и в отражающей домостроевский принцип устоя русской семьи поговорке: «Люби жену, как душу, тряси ее как грушу». А вот как сам Домострой ²⁾ рекомендует осуществлять в гуманной форме этот принцип обращения с женой: «А про всякую вину по уху и по лицу не бити, ни кулаком под сердце, ни пинком, ни посохом не колотили, никаким железным, ни деревом не бити. Кого с сердца или с кручины так бьет, многие притчи с того бывают слепота и глухота и руку и ногу вывихнет и головоболие и зубная болезнь; а у беременных жен и детям в утробах бывает по-

¹⁾ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.

²⁾ Домострой. Изд. Д. Е. Кожанчикова. 1687 г.

вреждение; а плетью с наказанием бить и разумно, и больно, и страшно и здорово. А только велика вина и за послушание и небрежение, ино снять и рубашку и плетью вежливенько бить, за руки держа...»

В семье женщина должна быть верным и покорным рабом, она и предназначена тут для продолжения рода и упрочения хозяйства и богатства рода ее властелина мужчины. Такова моногамная семья. Но с моногамией, утверждает Э н г е л ь с^{*)}, развиваются гетеризм и супружеская неверность: мужчина в единобрачии сохраняет свое прежнее (полигамия предшествовала моногамии) право любить многих женщин, он сохраняет прежнюю свободу половых отношений, право на свободное любовное наслаждение. Отсюда — гетеризм, отсюда — женщины гетеры, обслуживающие мужчин в их любовных страстях. Тут женщина становится объектом наслаждения мужчины, который можно купить, продать и т. д. Тут она, может быть, еще более униженная, чем в семье, рабыня мужчины. Но порабощенная жена, продолжает Э н г е л ь с¹⁾, «великолепно венчает своего победителя рогами», также в поисках неудовлетворенного в семье, биологически обусловленного стремления к наслаждению и как протест против рабства. Так социальное бытие человека раскалывает в нем биологически единое целостное образование: влечение к размножению и половое наслаждение, несущее службу биологического стимула для первого, ибо во всем животном царстве любовь — это сигнал к размножению. На этом фундаменте (рабства одних и господства других), социально обусловленного раскола единого биологического влечения, требования целомудрия рабов и распутства господ, строится санкционируемая религией половая мораль, и, пожалуй, вся социальная мораль, ибо «половое» постепенно начинает символизировать все «греховное». Это последнее обусловлено способностью к превращению избытков половой энергии в высшие творческие формы психической жизни человека, в поэзию, живопись, скульптуру, музыку, словом, во все виды искусства. Так и мораль, эта социальная надстройка в психике человека, спускается своими корнями до полового влечения. Грех первых людей в библейской легенде — это их первое половое наслаждение, за которое они изгоняются из рая и предаются проклятию «в поте лица своего трудиться» и «в муках рожать детей»²⁾. Это

1) Л. С. 2) Такое толкование грехопадения первых людей дается большинством современных ученых в связи с тем, что фигурирующие в нем запретное райское дерево и змей символизировали у народов древности, исповедывавших многобожие, способность к вечному обновлению и размножению, как божественную тайну и мудрость природы. Культ же змея сливался у очень многих из них с культом фаллуса, мужского полового члена. Таким образом, у политеистических (исповедывавших многобожие) народов половой акт обожествлялся, о чем свидетельствуют с особенною убедительностью фаллические празднества древних греков. В монотеистической (единобожеской) религии евреев божественность полового акта, поскольку „дерево“ и „змея“, как боги, конкурируют с единым богом Иеговой, развенчивается, и змей начинает символизировать „падшего ангела“, дьявола. См. Barbara Renz. Baum und Schlange. Handwörterbuch der Sexualwissenschaft. 1926.

«первородный грех», тяготеющий вечным проклятием над всем человечеством и требующий «искупления кровью и страданием бого-человека», Христа. Таким образом, греховность полового акта переходит и в христианскую мораль: ему тут об'является война, как дьявольскому соблазну и наущению. Отсюда — борьба с плотью, с телом, как источником всего греховного. Так христианская мораль приводит к биологическому уродству, к извращению человеческой природы, к монашеству и аскетизму, и, как во всех случаях запретов биологически законных и в своих нормальных проявлениях полезных человечеству влечений, ко всякого рода половым извращениям. Стоит вспомнить только прекрасную сатиру Боккачио на жизнь католического духовенства его времени или еще недавний быт наших монастырей. А в борьбе со всем плотским, телесным, христианская религия учит примиренности с голодом, нищетой и всяким физическим страданием. Таким образом, христианская мораль, выросшая из признания греховности половой жизни, является, как это справедливо утверждает Ницше, поистине «мораль рабов», рецептом жизни для поработенных групп общества. Господствующие же классы приобретают право «на рай» — и не выполняя законов этой морали. На западе, в католической церкви для них этой цели служат индульгенции (поповское удостоверение о прощении грехов), а у нас в недавнем купеческом быту — пожертвования на богоугодные заведения. Господствующие классы организуют свою половую мораль. Вот как метко характеризует ее в современном «культурном» обществе Ф о р е л ь¹⁾. «Половая этика в представлении различных людей встречает весьма разнообразную оценку, как это мы видим, напр., в осуждении предохранительных от забеременения средств такими лицами, которые очень усердно отстаивают проституцию, считая рождение ребенка вне брака преступлением против нравственности; тот же человек не останавливается перед сомнительной нравственностью, с какою связано непрерывное рождение его женою детей, с опасностью для ее здоровья. Есть и такие моралисты, которые не дают молодому человеку освятить браком свои отношения к возлюбленной, советуя отделаться от нее и от внебрачного плода деньгами. И вообще, на почве лицемерия, мистики, педантизма, предрассудков, моды, определенного шаблона нравственности и алчности создаются начала, которые ни в одной точке своей не соприкасаются с этикой. Б е з н р а в с т в е н н о с т ь п р и э т о м в ы с т у п а е т п о д п р и к р ы т и е м м о р а л и» (разбивка моя)²⁾. Итак, половая мораль, мораль вообще, религия, искусство, косная моногамная семья, половой быт, взаимоотношение полов, унижение и рабство женщины, как прообраз всякого рабства, гетеризм или проституция, аскетизм и распутство, и мощнодействующий во всем этом половой инстинкт, и сам падающий и раскалывающийся под тяжестью этих социальных давлений вплоть до половых извращений — все это сливается в одну актуальнейшую половую проблему современности, а у нас

1) Проф. Август Форель. Половой вопрос.

в Республике в проблему, приобретающую, вследствие совершенной нашим законодательством истиной «половой революции» и преломления старого полового быта в новом организующемся революционном быту, двойное актуальное значение. Половые правонарушения как нельзя лучше отражают в себе во всем безграничном объеме эту проблему. Но мало того. Исключительная мощь выявления в них биологического влечения, переплетенность с социальной надстройкой общества, ее бытом, и переломность характера всего полового вопроса у нас, выносящая его на самые вершины гребней общественных волн, не только мешает, но допускает особенно четкий анализ «социального» и «биологического», действующих в половых правонарушениях, анализ, которому, может быть, в такой мере недоступны другие виды правонарушений. Как в спектральной призме белый свет разлагается на составляющие его элементарные цвета—на красный, оранжевый, желтый, зеленый и т. д., так разлагается в половых правонарушениях слитое воедино в сексуальной жизни «социальное» и «биологическое», и каждое просвещается в своем значении для жизни индивидуума и общества. Так ясным становится уродующее влияние города с его наследием старого быта на половое влечение.

В городе в большем абсолютном и процентном отношении, чем в деревне, согласно данных работы Маньковского, наблюдаются преступления на почве извращения полового влечения: развращение и растление малолетних — это по преимуществу преступления города. Да это и понятно. Город, с его технической искусственностью жизни, с усложненностью социальных отношений между людьми, с его напряжением жизненного темпа, с его большими, чем в деревне, запросами к жизнеспособности и приспособляемости отдельной личности, с его теснотой жизни, с его болезнями, с его подчас ненормальностями в условиях существования, с его вообще большими трудностями жизни, чем в деревне, перенапрягает, истощает и нередко коверкает нервную систему, творит уродливые больные характеры, а на этой больной почве развиваются и расцветают и всякие половые извращения. Но мало того, именно в городе тенденция единобрачной семьи к расколу единства инстинкта разномыслия и удовлетворения полового желания, стремления продолжать род и получать сексуальное наслаждение, вследствие экономических отношений, порожденных капиталистическим порядком, приобретает особую силу. Тут материальная необеспеченность особенно остро ставит вопрос об ограничении деторождения, богатство и сытость одних, ищущих всякого рода наслаждений, создает спрос и на наслаждение женским телом, а бедность и нищета других толкает их на проституцию, на гетеризм. Но и неумирующие, именно вследствие бедности и стремления к ограничению деторождения, пользуются проституцией для удовлетворения своего полового желания. Так уродливо складывается в городе и половая жизнь. Ненормальность городской жизни в этом отношении сказывается еще в том, что в городе раньше, чем в де-

ревне, пробуждается половое влечение и, может быть, раньше и угасает. А эти два периода жизни, период пробуждения и период угасания полового влечения давно уже известны в психиатрии, как критические в отношении развития всяких извращений. И это так, вследствие присущей этим периодам развития человека биологической разобщенности полового желания и конечной задачи инстинкта, — размножения.

Таким образом, биологические свойства этих возрастов совпадают с социальными воздействиями, порождающими ложные пути полового влечения. Этому вполне соответствует преимущественное участие юношеского и старческого и предстарческого возраста в развращениях и растлениях несовершеннолетних, как это утверждается статистическими данными Маньковского и по индивидуальным характеристикам в работах Внукова-Эдельштейна и Озерецкого.

Первые смутные намеки на пробуждающееся половое влечение проявляются еще в детском или, вернее, отроческом возрасте, от 8—9 лет до 12—14 лет. Ребенок испытывает половое возбуждение, но оно не направлено еще ни на какой объект во вне. Оно безотчетно и беспредметно, ибо еще нет физиологической возможности осуществлять главную задачу полового влечения, размножение, ибо половые железы не выделяют еще продуктов, пригодных для оплодотворения и дальнейшего размножения. Но наслаждение от возбуждения уже испытывается. Таким образом, смутное половое влечение получает свое разрешение в самоудовлетворении, в онанизме. Онанизм, или как теперь принято его называть, и п с а ц и я — это почти физиологический порок отрочества. Но не только смутно у отрока его влечение, но смутны и его понятия о нем. От окружающих он нередко узнает о том, что это нечто такое, чего надо стыдиться. Отсюда нездоровое любопытство и стремление подглядывать все связанное с половым вопросом, а в естественном стремлении удовлетворить это любопытство в общении с своими товарищами обнаруживается и стремление обнажать свои половые органы. В этом последнем таится зародыш эксгибиционизма взрослых. Вот эти детские появления пробуждающегося полового влечения, ипсация и любопытство, приводящее к подглядыванию и показыванию половых органов, являются почвой, на которой развиваются все виды полового извращения взрослого. Случайно совпадающее восприятие какойнибудь части костюма противоположного пола, чулок, ботинок, меха и т. д. или какойнибудь части тела, косы, ноги и т. п. с удовлетворяемым путем ипсации половым возбуждением закрепляется в сексуальном извращении, которые мы называем ф е т и ш и з м о м, т.-е. часть костюма или тела оказывается достаточным для сексуального возбуждения и удовлетворения. Само подглядывание всего касающегося половой жизни таким же ассоциативным путем может превратиться в единственный способ удовлетворения влечения, в в у а й е р с т в о. Так же, как вызванные тем же любопытством показывание половых

органов и разговоры на запретные сексуальные темы — в психический или физический э к с х и б и ц и о н и з м, в стремление произвести неприличное или обнажаться в присутствии противоположного пола. Но сексуальные переживания обнаруживают склонность сплаваться с ощущением переживаний боли или причинения ее другим, к образованию того, что называется м а з о х и з м о м и с а д и з м о м. Сечение, битье детей, кстати сказать, являющиеся таким распространенным орудием воспитания в западно-европейских странах (в Германии и в Англии), может описанными для других извращений путями завязать крепкий узел между ощущением боли, страдания, унижения и чувством сексуального наслаждения и направить в будущем половое влечение по линии мазохистического удовлетворения его. Тут достаточно бывает даже не самого физического ощущения страдания, но представления о нем, чтобы в связи с ипсационным актом, вызвать половое возбуждение и его полное насыщение. Садизм же, противоположный полюс мазохизма, переживание сладострастия от жестокости над сексуальным объектом, мучительства его, почти закономерно сочетается с мазохизмом. Что его происхождение таково же, как и мазохизма и др. извращений, об этом свидетельствуют случаи, названные крупнейшим. немецким психиатром, К р е п е л и н о м¹⁾, а у т о с а д и з м о м.

Вот какой случай аутосадизма приводит К р е п е л и н, в доказательство единого источника образования мазохизма и садизма. К нему в клинику попал молодой поденьщик, судившийся раньше за кражи. С 20 лет у него стало появляться при виде хорошо сложенной женщины, некоторых мужчин и детей желание убить их, резать на куски и есть их мясо. Однако, несмотря на неоднократную подготовку таких действий, он никогда не осуществлял их, но обращал все это на себя, наносил себе раны, жег себя раскаленными пуговицами, кольцами, и, наконец, даже как-то вырезал у себя кусок кожи из живота и с'ел. При этих садистических фантазиях и нанесении себе повреждений, связанных с экссивными актами ипсациии, он испытывал полное сексуальное удовлетворение. На теле у него было обнаружено около 100 старых рубцов от ран такого происхождения. И на этот раз в клинику он поступил после того, как разрезал себе мошонку ножом, вытащил из нее тестикул (половую железу), и, поцарапавши его ногтями, вложил его обратно и сам наложил швы на рану. Он требовал у врачей, чтобы они его кастрировали и освободили от мучительного для него извращения. Таким образом, тут действительно выросшие на ипсациии оба полярных извращения сплелись в одно, удачно названное К р е п е л и н о м аутосадизмом.

Наконец, последняя форма извращения, корни которой лежат также в детском, инфантильном, половом влечении, это г о м о с е к с у а л и з м, влечение к лицам одного и того же пола. Нездоровое половое любопытство находит и здесь свое удовлетворение в обсу-

1) Emil Kraepelin. Einführung in die psychiatrische Klinik. 1921 г.

ждении половой тайны, легче всего в среде однополых сверстников и товарищей. Это нередко приводит к коллективной и взаимной ипсаци, а таким путем не знающее истинного полового объекта влечение закрепляется на однополых партнерах сексуального наслаждения. Таким образом, если до сих пор описанные извращения образуются вследствие ненормальной связи сексуального переживания с объектами или раздражителями окружающей среды, или, иными словами, ассоциативным путем, то гомосексуализм, повидимому, чаще всего развивается в детской среде вследствие соблазна, подражания и взаимного внушения или, по выражению немецкого психиатра Цигена, путем имплантации, врачивания, прививки извращения. Но как раз в отношении гомосексуализма существует еще одно мнение о возможности и третьего пути его образования: это существование гомосексуальности, как врожденного, конституционально-биологически обусловленного дефекта развития. Правда, некоторые гомосексуалы-мужчины имеют вид женственный и, наоборот, женщины-гомосексуалистки — мужественный вид. Как будто за такой биологический путь развития гомосексуальности говорят и замечательные опыты Штейнаха над крысами, М. М. Завадовского над курами. И тот и другой, пересаживая молодым особям одного пола половые железы противоположного, получали не только изменение внешнего вида в соответствии с пересаженной половой железой, но и полового поведения. Так, самки-крысы превращались в самцов, а куры в петухов по оперению, и наоборот. Эта полученная экспериментально на животных возможность путем пересадки воздействовать по желанию на направление полового влечения, подала мысль о таком воздействии на гомосексуальное влечение у людей. В европейской литературе, напр. у Липшюца, имеются сообщения об очень удачных случаях излечения гомосексуалов путем пересадки им половых желез, функции которых, в соответствии с биологическим конституциональным пониманием гомосексуализма, у них недостаточны или извращены. На одной попытке такого лечения гомосексуализма мне пришлось пережить разочарование, как в таком лечении, так и, следовательно, в чисто биологическом толковании его. Дело касалось молодого человека, который очень страдал от сознания своей сексуальной извращенности и обратился к врачам с просьбой попытаться вылечить его пересадкой. Ему была сделана пересадка мужской половой железы от обезьяны. Одновременно часть половых желез этой обезьяны была пересажена в целях омоложения двум старикам. Однако, ни старики не помолодели, не изменился в извращенном характере влечения и молодой человек-гомосексуалист. Неудача была приписана негодности для этих целей желез этой обезьяны, так как самец-обезьяна оказался сам стариком. Была сделана вторично пересадка от молодого самца обезьяны, но для несчастного гомосексуалиста она оказалась столь же безрезультатной, как и первая. Один случай, конечно, ничего не решает, но он говорит о гораздо более частых исключениях, чем правило

о чисто биологической обусловленности гомосексуализма, которое хотят установить некоторые черезчур рьяные биологи-конституционалисты. Против этого говорит также частое развитие гомосексуализма в интернатах у взрослых, биологически не носящих никаких признаков не своего пола, в тюрьмах, в монастырях и т. д. Тут он развивается, как компенсаторное явление, благодаря отсутствию возможности нормального удовлетворения влечения. Таким образом, на ряду с ассоциативным и имплантационным путями образования сексуальных извращений, принято различать вместе с Цигеном еще третий — компенсаторный. Что касается конституционального образования их, то конституция, или психофизический склад человека, как основа, на которой они развиваются, является, как мы увидим дальше, постоянно моментом предрасполагающим.

Таков печальный букет цветов сексуальных извращений, вырастающих на основе смутного, не знающего еще полового объекта и своего конечного назначения детского или отроческого сексуального влечения. Развитию и росту его способствует уродливое воспитание, вся городская среда, окружающая тайной естественное явление природы, будящая сплошь и рядом черезчур рано в ребенке половое желание и нездоровое любопытство его к сексуальному вопросу и демонстрирующая перед ним всю уродливость своего полового быта. Однако, несмотря на то, что эти уродующие половую жизнь ребенка факторы города действуют на огромные массы детей, несмотря на то, что все дети проходят период определенности характера полового влечения внешними воздействиями среды, вследствие отсутствия направленности его на определенный сексуальный объект и, наконец, несмотря на то, что интерес к половой жизни, может быть, очень часто у городских детей пробуждается в сравнительно раннем, неподходящем возрасте — несмотря на все это — выраженные половые извращения у взрослых вовсе не так уж часто встречаются, как это принято думать. Это объясняется тем, что для стойкого извращения необходима, кроме всех указанных факторов, еще склонность самой подвергающейся их воздействию личности к ненормальной фиксации, ненормальному закреплению пережитого однажды извращения. Этой склонностью обычно наделены психопатические типы, иными словами, люди с общим дисгармоничным, неуравновешенным складом психики. Наконец, следует подчеркнуть, что, к счастью, в огромном большинстве случаев от этих извращений страдает сам носитель их, а не окружающее общество. Вот почему наш закон совершенно справедливо, в отличие от западно-европейского законодательства, сами по себе извращения, поскольку они не нарушают прав и физической неприкосновенности других лиц, не карает.

Однако в этом букете попадаются и криминальные ядовитые цветы. С наступлением юношеского периода крепнет влечение и настойчивее требует претворения в жизнь. Уродливо сформированное, оно при наличии с одной стороны мощности, а с другой —

легкости преодоления всяких внутренних задержек у больных по характеру юношей, ведет к насилию, к развратным действиям над младшими по возрасту детьми, чаще всего со стороны юношей 14—15 лет над девочками в 6—8-летнем возрасте (с м. О з е р е ц к и й). Но самая отвратительная гримаса города, это насильнические акты педерасти таких юношей над своими более слабыми товарищами мальчиками. Не понятно ли, что этот вид извращенческого правонарушения свивает свое гнездо в интернате и при этом в Моструддме, интернате для криминальных и в огромном проценте вообще психопатических, уродливых в своем психическом складе подростков и юношей. В итоге насильнических актов педерасти группой сексуально активных и развращенных юношей над младшими воспитанниками дома, извращение имплантируется, прививается последним, приобретает характер бытового явления среди криминальных беспризорников и, наконец, приводит к развитию мужской проституции и к образованию типа мальчика-педераста проститутки, ярко описанного О з е р е ц к и м. Так беспризорность открывает дорогу тяжелому искажению детской психики, которое, может быть, роковым образом определяет путь жизни в будущем такого беспризорника, ставшего уже взрослым. Но и опасность безнадзорности в родной семье наряду с отсутствием правильного сексуального воспитания ярко вскрывается О з е р е ц к и м на случаях развращения детей няньками, которым доверяли их занятые на службе родители.

Тем более опасен этот спутник безнадзорности детей, что при аномальной склонности к фиксированию однажды пережитого сексуального впечатления, извращения могут закрепляться в психике на долгий срок, остаться и у взрослого. Большинство страдающих сексуальными извращениями именно и указывают на образование их в очень раннем возрасте. Однако в большинстве случаев это больные, неуравновешенные характеры. Такими их рисует работа В н у к о в а и Э д е л ь ш т е й н а. Рядом с типом растлителя несовершеннолетних, грубого, агрессивного насильника с повышенным половым влечением и повышенной потенцией, с бытовыми чертами собственника, деспота в семье, считающего себя в праве распоряжаться телом и душой членов ее, словом, подлинной домостроевской главы семьи, тут вырисовывается тип развратителя, как безвольного, подчас мечтательного, слабого, непрактичного и неприспособленного в жизни, с яркой сексуальной фантазией и желаниями, но со слабой потенцией человека. Но что особенно среди последних бросается в глаза, это большой процент участия стариков в этой группе правонарушителей (50% стариков, обвинявшихся в половых преступлениях, совершили именно эти правонарушения). Да это и вполне понятно. Если в отроческом возрасте раскол между пробудившимися влечением и физиологической возможностью осуществлять конечное назначение инстинкта размножения порождает извращения, то тут, в этом втором критическом периоде жизни человека, такой раскол также на-лицо: под

вое желание еще сохранилось, и, может быть, перед своим угасанием вспыхивает у стариков даже с особенной силой, а возможность осуществления сексуального акта, половая потенция, уже утрачена. Доказательством того, как долго может сохраниться у стариков половое желание, может служить сватовство великого немецкого поэта Гете в 73-летнем возрасте за 19-летнюю девушку. Этот раскол, может быть, имеет свое основание в зависимости сексуального желания и потенции от угасающих в разном временном порядке функций двух органов сексуального аппарата — предстательной железы и половых желез. Так, Белов полагает, что потенция связана с функцией предстательной железы, половое же желание — с химическим, гормональным влиянием через кровь на соответствующие мозговые центры половых желез, и что есть основание утверждать об угасании при старческом увядании организма сначала функции предстательной железы, а затем уже половых. Но мало того, у старика рядом с физическим увяданием идет и ослабление умственной жизни. С ослаблением последней падают внутренние тормоза в отношении осуществления еще сильного сексуального желания и выбора формы этого осуществления. Отсюда криминальный путь развращения малолетнего, как наиболее подходящего и незащитного объекта для сексуальных извращений старика-импотента. Так пути биологического развития, соскальзывания на путь извращений, криминального проявления полового влечения у юношей и стариков — развращение и растление несовершеннолетних — совпадают.

Криминальные проявления их представляют собою ключи к пониманию извращающего действия города на сексуальную жизнь и быт человека. Растление (19,0%) и развращение (23,3%) несовершеннолетних — это яркие пятна на общем фоне полового быта города. Они не отстают в городе ни в процентном, ни в абсолютном числе от насилий (44,7%) — см. раб. М а н ь к о в с к о г о. Тем более, что от прямых насильнических действий отходит порядочный процент на счет использования материальной зависимости потерпевших, опять-таки, вполне понятного преступления для городского уклада жизни (10%). Не то в деревне. В деревне растления и развращения малолетних имеют ничтожный удельный вес в массе половых правонарушений. В ней ярко преобладают насилия (81,2%). В деревне как весь уклад жизни, так и половой быт примитивнее, первобытнее, проще. Там человек ближе к природе. Там для растущего человека, ребенка, просто, без всяких прикрас, без всяких таинственных или уродливых нарядов сама окружающая среда преподносит половой вопрос. Сама природа является воспитательницей его в этом вопросе. А у взрослых людей к этому вопросу — чисто хозяйственный подход, и не только к половой жизни животных, размножение которых составляет обеспечение хозяйства, но и к человеческим сексуальным отношениям. В дом женщина берется мужчиной не для одного сексуального наслаждения, а для работы, для упрочения хозяйства, для

основания хозяйственной деревенской ячейки, семьи. Ребенок—постоянный вольный и невольный зритель нормальной половой жизни окружающих его людей и животных. Вот почему там нет места нездоровому любопытству, нет места извращениям, вырастающим на почве раскола между желанием полового наслаждения и конечной задачей полового инстинкта, как инстинкта размножения. Нет такого количества и связанных с ним видов преступлений. Характерное для деревни и теперь Советским законом не наказуемое, как не наносящее никому ущерба, извращение — это о м и я, половое сношение с животными. Оно рождается там, как понятное подражание животным. Да и оно практикуется чаще всего умственно недостаточными, наименее приспособленными парнями, которым трудно удовлетворять нормальным путем свое влечение в силу презрительного за их глупость отношения к ним женщин и девушек. Зато там старый быт, более крепкий, чем в городе, легче приводит к насилию над женщиной, и не только единоличному, но главным образом, групповому. Там, в силу простых, почти родовых хозяйственных отношений и векового рабства крестьян, домостроевский взгляд на женщину свил себе более прочное гнездо, чем в городе. Лучший свидетель этому само слово «баба». «Я думал идет двое, ан мужик с бабой», «курица не птица, баба — не человек», «баба что мешок: что положишь, то и несет» и т. п. так именно крестьянская народная мудрость определяет содержание этого слова, так она запечатлела веками воспитанное неуважение к женщине, непризнание в ней человеческого достоинства. Уже империалистическая война, с ее массовым уходом мужчин на фронт, невольно подорвала основы этого приниженного положения крестьянской женщины, представив ей самостоятельно, без мужчины, вести хозяйство. Революция окончательно освободила женщину. Однако, старое, в крестьянском быту еще не изжито и, может быть, больше всего оно сказывается именно в отношении полов. А это отношение, как уже сказано, характеризуется в исторической перспективе социальным неравенством полов, и отсюда—слабой внутренней преградой и в настоящее время для насильственного полового овладения женщиной, этого первобытного способа утверждения власти мужчины над женщиной. Эта социально обусловленная слабость внутренних преград у деревенского жителя для насильственного овладения женщиной—с одной стороны, а с другой, в силу близости всей его жизни к естественным природным условиям, более откровенное и, пожалуй, более мощное, чем в городе, половое влечение—делают в деревне изнасилования более частыми, чем какие либо другие виды половых правонарушений. Но особенную яркость бытовая сторона приобретает в групповых изнасилованиях. Тут самое половое влечение подчас отступает на задний план, заслоняется бытом, играет своеобразную роль орудия расправы, самосуда. Стремление избавиться от уплаты алиментов и суеверное представление о том, что женщина, живущая со многими, не беременеет, стремление избежать

брака оскорблением девичьей части или месть старухе за полученные обиды (см. В н у к о в и Э д е л ь ш т е й н) толкает некоторых темных и не полноценных психически, да еще к тому же подвыпивших на гулянье крестьянских парней к организации группового изнасилования над своей жертвой. А толпа молодых, здоровых парней и даже детей, разоженная зрелищем открытого полового акта — и объединенная только скотской похотью, естественно снижается до уровня орды, которой владеет безрадельно инстинкт. Тут всплывает на поверхность с особенно повелительной силой стародавний сплав полового инстинкта с жестокостью, и все поведение этой случайной группы людей, получив садистическую печать, перерастает из полового акта в самосуд, в звериную расправу — издевательство над жертвой. Так половой инстинкт оказывается проявителем самых низших форм психической жизни массы, приобретенных ею в вековом бесправии и рабстве.

Таковы жуткие картины половых правонарушений в городе и в деревне, корнями своими сидящих в болоте нашего прошлого. Но они не страшны, ибо они только отголоски прошлого, они составляют вовсе небольшой процент всех правонарушений, всего 0,6% в 1925 году для РСФСР и 0,25% для Московской губернии в 1926 году.

Этот невысокий процент половых правонарушений и явно намечающееся выздоровление рабочих от этого наследства прошлого (см. Г е р ц е н з о н) свидетельствуют, что половой инстинкт, несмотря на все уродование его старым бытом, сохраняет свою биологическую чистоту и, как указывалось вначале, присущую способность переключать свою избыточную энергию в высшие, благороднейшие и социально полезные формы психической деятельности человека, в поэзию, искусство, науку, общественность и т. д. И если крупнейший русский критик прошлого столетия Добролюбов, осуждая темный быт, «темное царство» его времени, мечтал о том, что «волна новой жизни... конечно зальет когда нибудь всю издавна накопленную грязь и превратит топкое болото в светлую и величавую реку», то новая жизнь, революция, освободившая женщину, сделавшая ее равноправным товарищем мужчины во всех сферах человеческой деятельности, уже «залила» эту грязь, уже «превратила» это болото в «светлую и величавую реку», и только местами река по весеннему мутна, только местами на ее поверхность всплывают со дна обрывки старой болотной грязи.

О характере личности правонарушителя и механизмах правонарушений в области половых отношений.

I.

Среди всех прочих видов преступности группа правонарушений в области половых отношений стоит особняком в силу самого характера правонарушения, тесно затрагивающего именно биологическую функцию человека.

Отнюдь не будет преувеличением сказать, что ни одна глава в криминологии не подлежит такому почти бесспорному исследованию именно психиатров, как глава этих правонарушений. На это уже четверть века тому назад указывал в своей не потерявшей значения до сих пор работе Aschaffenburg.

Однако ни в какой другой области проявления биологических функций человека мы не имеем такого колоссального веками накопившегося наслоения социальных установлений, как именно в области половой жизни.

С самых начальных ступеней человеческого общежития и до его верхушки — современного общества — в разных формах, в разном обрядовом одеянии, но с одинаковой силой и упорством проходит принудительное регламентирование половой жизни. Вся потрясающей силы машина общественного давления приводится в движение в тот момент, когда нужно «спрессовать», нивелировать то или иное отклонение от установленных и освященных веками норм полового поведения. И когда личность в ее исконных биологических истоках ломает все традиционные установления, то даже самое банальное, т. наз. бытовое правонарушение в области половых отношений вызывает жесточайшую реакцию общества, которое становится в этом случае на защиту своих интересов, понимаемых соответственно уровню своего времени и материальных условий.

Уже на самых низких, примитивных ступенях человеческого общежития мы можем наблюдать действующим суровый и жестокий закон, регулирующий половое поведение. J. Hastings, Frazet, Havelock - Ellis и др. описывают, как убивают за попытку сожительства с женщиной, не достигшей еще возраста, при котором она становится предметом брачного сожительства.

В нашу задачу не входит детальное освещение связи между древними ритуалистическими обычаями, связанными с половым поведением индивида, и действующими поныне нормами, освящен-

ными традицией и апробированными моралью. Для нас важно лишь наметить эту связь, чтобы тем ясней себе представить картину перехода и нарушения ее границ, чтобы разобраться в механизмах этого разрыва границ. И естественно, что тот переворот в общественных отношениях, который обусловил и новое правосознание, произведя крупнейшие изменения в семье, отношении полов и пр., тем самым изменил и нормы полового поведения.

И в этой области у нас, в советском обществе, мы имеем существенные сдвиги. Ни одна группа правонарушений не подверглась такой радикальной перетряске, как эта, где сказывался мертвящей тяжести груз лицемерия. Вот почему на смену преступлений против нравственности (*Sittlichkeitverbrechen*) мы в последней редакции уголовного кодекса имеем лишь «преступления против личности, ее жизни, здоровья и свободы», т. е. ее сохранности (социальной и биологической).

И когда теперь мы подытоживаем изучение материала нашей сексуальной преступности, мы видим иной характер этих правонарушений, чем это наблюдалось раньше и сейчас еще на Западе.

Прежде всего, наше законодательство не знает целого ряда преступлений, которые, будучи извращениями чисто психопатологического характера, не должны быть наказуемы с точки зрения нашего правосознания. Сюда относятся прежде всего гомосексуализм и скотоложество. В Германии, которая, несмотря на суровое законодательство, является поныне страной с наиболее распространенным гомосексуализмом, все время ведется борьба за безнаказанность этих влечений. Наше революционное право смело перешло через это.

Наш закон берет под свою защиту только более слабую личность — ту, которая в такой защите нуждается. Поэтому, лишая гомосексуализм, как вид половой жизни, применяемый по взаимному согласию, его криминального значения, наш закон оберегает малолетних, принимает меры социальной защиты против тех, кто вовлекает в гомосексуализм детей.

На ряду с этим нашу половую преступность характеризует обратное соотношение между статьями, карающими за изнасилование, и группой остальных статей, предусматривающих развращение и растление малолетних.

В то время, как по германской статистике $\frac{2}{3}$ приходится на эту последнюю группу, у нас, как это показывает работа Б. С. Маньковского, развратители и растлители составляют всего лишь 35% всех прошедших дел и 28% всех осужденных.

Во всем многообразии половых преступлений, все же можно выделить ряд опорных пунктов, вокруг которых, собственно говоря, и располагаются с большей или меньшей общностью в картине правонарушения указанные анти-социальные акты. Работы Aschaffenburg'a, Bonhoeffer'a, Birnbaum'a. Raecke, Lerpman'n'a, отчасти Kläsi, Maeder'a и др. указывают путь, по которому биолог должен и может идти.

Леррманн на основе своих обширных наблюдений в Моабите, приходит к выводу, что в возникновении сексуальных преступлений имеют существенное значение жилищные условия трудовых классов, с теснотой, совместным сном, ранним «наглядным» половым просвещением, безработица, детская беспризорность, инвалидность, суеверия. На ряду с этим, конечно, стоят причины чисто биологического характера. Он же указывает на наличие среди изнасилвателей криминальных antecedentов хулиганского характера.

Носче усматривал у половых преступников особый Reizhung, который он понимал как потребность в новых нюансах полового удовлетворения, уже не количественного характера, а качественного, проводя здесь параллель с наркоманами. Он говорил что преступление вырастает из чрезмерной силы влечения и уничтожения привычных сдержек. Как мы увидим дальше, нельзя укладывать все случаи в Прокрустово ложе единого механизма, но для отдельных случаев концепция Носче с известными поправками сохраняет свою силу.

Bonhoeffer и Aschaffenburg указывали на наличие среди этой группы правонарушителей большого числа больных личностей.

Они же, а также Birnbaum и др. подчеркивали провоцирующую роль алкоголя, как криминогенного фактора.

Aschaffenburg ставит вопрос о связи между преступлениями, носящими характер разврата с малолетними, и возрастными инволюционными изменениями организма. Он говорит, что «развратители» в значительной мере страдают старческими изменениями, что подтверждается, по его мнению, тем, что эти преступления возникают с наступлением возраста обратного развития преимущественно у людей, ранее ни в чем предосудительном не замеченных.

Работы Kläsi устанавливают другие соотношения: связь между некоторого вида извращениями (экзгибиционизм, voyeurство) с неполадками в области концевых аппаратов автономной (симпатической и парасимпатической) нервной системы и дисфункцией эндокринных желез.

Многими авторами было обращено внимание на значительную частоту душевных расстройств у сексуальных правонарушителей. Так, Aschaffenburg из 200 правонарушителей нашел только 99 вменяемых, а среди них в пределах нормы 45 чел. Geill среди 116 правонарушителей 28 неполноценных. Леррманн среди 90 заключенных в Моабите только 17 душевно-больных. Lentz считал, что среди 100 душевно-больных преступников 15 приходится сексуальных. Nicolson высчитал, что на 100 таких же душевно-больных преступников приходится 83 совершивших преступления против личности и собственности с применением насилия, 7 половых и 10 воров и мошенников, в то время как среди здоровых эти три вида правонарушений относятся как 15 : 10 : 75.

Мы в своей работе пошли по иному пути, считая, что констатировать лишь наличие душевной болезни и дать ее определение, это ни в какой степени ничего не объясняет и не приближает нас к пониманию этого тягчайшего преступления.

Изучение сексуальных правонарушений, как нам представляется, должно идти по иному более углубленному пути — психологического и психопатологического анализа. Особое значение такой метод изучения приобретает при изучении лиц, стоящих на грани т. наз. здоровья и болезни. Эти «пограничники» — психопатические личности, нередко с резкими отклонениями в своей психической сфере, склонные к импульсивным, аффективным, уродливым реакциям, мало пригодные для общежития, но в известные моменты легко уживающиеся в нем, а иногда даже выплывающие на поверхность общественного бытия, на поворотах общественного развития выбиваются из хрупких границ своей уживчивости и склонны давать анти-социальные реакции. Здесь мы не в состоянии уловить «органических» изменений у таких лиц, да и существование таких изменений в отношении их, пограничников, все равно не даст нам возможности понять механизмы их поведения.

А именно с такими «пограничниками» обществу больше всего приходится иметь дело, и поэтому-то так важно связать его поведение и весь склад личности с его правонарушением.

Этими общими соображениями мы ограничимся, тем более, что дальше нам придется к ним, равно как и к литературе вопроса, не раз возвращаться.

Весь наш материал обнимает 102 случая, из них 45 из Института Судебно-психиатрической экспертизы им. Сербского *) и 57 наблюдавшихся нами в разных местах заключения.

В отношении группировки материала мы будем следовать основным разделам уголовного кодекса и разобьем по двум группам:

1) Развратителей (ст. 151—152 УК), 2) изнасилвателей (ст. 153 УК), наметив в дальнейшем в каждой из этих групп несколько подгрупп. Такое, казалось бы, формальное деление оказывается, как мы увидим это в дальнейшем, в известной степени соответствующим психологическим и психопатологическим группировкам.

II.

Растлители и развратители.

Как мы уже указывали выше, эта группа является обычно наиболее многочисленной во всех психиатрических работах.

И наш индивидуальный материал дает преобладание этой группе вопреки формальной пропорции нашей современной статистики, где эта группа составляет всего лишь $\frac{1}{3}$. Объясняется это достаточно просто, ибо в поле зрения психиатра прежде всего по-

*) За предоставление материала приносим благодарность врачам института им. Сербского с Евг. Ник. Довбней во главе.

падают субъекты с теми или иными отклонениями от нормы, а такие, главным образом, имеются среди развратителей.

В изложении этого материала мы попрежнему будем держаться той же формальной группировки, следуя за Уголовным Кодексом и выявляя внутри криминальных групп отдельные характерологические и психопатологические типы. Таким образом, у нас наметятся группы:

1) Растрепителей (ст. 151 ч. 1-я — прежняя ст. 167).

2) Вступающих в сношения с малолетними, без дефлорации и извращений (ст. 151 ч. 2-я — прежде ст. 166).

3) Развратителей (ст. 152 — прежде 168); внутри этой группы мы выделим еще подгруппу гомосексуальных развратителей.

Еще с классических работ Крафт-Эбинг'а установился взгляд на эти правонарушения, как на продукт сильных непреодолимых влечений, и самый характер растрепителей вырисовывался как характер близкий к современной группе импульсивных. Авторы последней четверти века (среди прочих Aschaffenburg, Birnbaum и др.) давно отказались от этого одностороннего взгляда и во вскрытии механизмов данного правонарушения пошли по другому более углубленному пути. Но среди массы материала, заставляющего и нас приходить совсем к иным выводам, весьма далеким от концепции основателя сексуальной психопатологии, мы встретили один случай, который своей яркостью может освещать гаснущие учения.

Б-ев, Фед. Горд., 45 л.

Обвиняется в том, что в 1924 г. лишил девственности свою 13-летнюю дочь и в течение двух с лишним лет сожительствовал с нею.

При изучении Б-ва выяснилось: со стороны наследственности отмечается в роду раздражительность, гневливость. Отец умер в старости, много пил, горячий, вспыльчивый. Его брат — «огневой». Мать — раздражительная, сварливая. Ее брат — горячий, вспыльчивый.

Б. родился, когда отцу уже было 49 лет. Поздно начал ходить. Жил в деревне до 11 лет, когда был отдан в ученье. С тех пор на работе. Служил много лет на пароходах кочегаром, машинистом, на разных заводах слесарем, служил на Сормовском, Путиловском и др. Нигде никогда подолгу не уживался. Несмотря на частые столкновения с начальством, его горячий характер, не терпящий никаких замечаний, его ценили всегда как хорошего работника. Однако он никогда больше года-двух не служил, уходил сам обычно, на уговоры остаться отвечал отказом. Переезжал с места на место, изъездил всю Россию — работал и на Урале, и в Сибири, и даже на Сахалине. 18 лет женился, но дома никогда не жил. Лишь в 1918 г. с наступлением голодного времени приехал в деревню и там прожил до 1923 г. Хотя хозяйства в деревне не вел, но дом построил хороший, каменный. В банке пропало 5.500 руб., которые скопил за долгие годы. Был выкинут из комбеда, где устроился председателем, как член партии, из которой вскоре вышел. В деревне открыл кузницу. Собрал из разных мест значительный сельскохозяйственный инвентарь — молотилку, селуку и пр., жил не нуждаясь. В семье был невыносим вследствие своего деспотического характера. Жена много натерпелась от него за

25 лет. С переломом к лучшему, уехал из деревни в Москву. Здесь служил на разных заводах в течение последних 5 лет, по прежнему часто менял места.

По характеру—кроме раздражительности, гневливости, деспотичности и постоянного стремления к перемене мест, следует отметить крайнюю скупость, доходившую до того, что жалел себе еду, семье отказывал в необходимом, по его словам, все шло на хозяйство, хотя это опровергается его же рассказом о скопленных деньгах в банке. Скрытный, никогда близко ни с кем не сходилась, легко расстраивается, часто плачет. Педантичен, не выносит малейшего беспорядка, смятую бумажку и ту расправит. Рассказывает все с деталями, сердится, когда прерывают. Все время возвращается к обвинению, брака нецензурно дочь.

Заслуживают внимания антецеденты в половой жизни. До женитьбы сношений не имел. После женитьбы обнаружилось резкое повышение *libido* (половое влечение). В течение первых лет семейной жизни в редкие периоды совместной жизни с женой — *coitus* (половые сношения) ежедневно 7—8 раз. Вне этого многочисленные случайные встречи. Приезжая в новый город, прежде всего искал женщину, и лишь разгрузившись от этого напряжения, поглощавшего все его стремления, начинал искать работу. Однажды в Астрахани в публичном доме имел сношение за одну ночь с 12 женщинами. По отношению к жене требователен, не глядя ни на что, днем посреди работы, при детях; начиная с голодных лет заметное ослабление *libido*. *Potentia* (половая способность) сохранена в полной мере. Пьет с малолетства, раз в неделю по стакану-два водки. Допьяна никогда не напивается. Изредка припадки истерического характера. С соматической стороны нужно отметить жесткие извитые сосуды на периферии, расширение аорты, недостаточность клапанов.

Произведенным следствием было установлено:

Еще когда дочери было 6 лет, Б., проживавший в то время в деревне, часто допускал по отношению к ней развратные действия, гладил ее, пальцем проникал во влагалище и пр. На замечания жены он отвечал бранью. По приезде из деревни в Москву, он вскоре вызвал к себе дочь для обучения. Здесь через 2 месяца после ее приезда вступил с ней в связь, постоянно спал с ней в одной постели. Он сильно ревновал ее ко всем мужчинам, не позволял ей никуда ходить. Достаточно было ему увидеть ее разговаривающей с каким-нибудь молодым человеком, чтобы он устроил ей бурную сцену, обвиняя ее в сожительстве и в разврате. Когда она уезжала в деревню, тосковал по ней. Угрожал, чтобы она никому не рассказывала об их отношениях. Материально ей жилось хорошо, он ни в чем не отказывал ей.

На следствии он все отрицал. На очной ставке он признал, что несколько раз имел с нею сношения. В дальнейшем при клиническом наблюдении он отказывался от этих показаний, говоря, что он ничего не помнит. Объясняет жалобу дочери тем, что она вела себя развратно и хотела избавиться от него, так как он ей мешал, и она хотела занять его комнату, чтобы пустить туда сожителя. Она будто бы ему не раз признавалась, что ее еще в деревне «испортили» деревенские парнишки; здесь в городе у нее был ряд связей. Все взведенное на него клевета.

Психиатрическая диагностика здесь едва ли вызывает большие затруднения. Суммарно он укладывается целиком в эпилептоидный круг с его педантизмом, скупостью, обстоятельностью и детальностью, огневой раздражительностью, деспотизмом и пр. К этому надо добавить сосудистые изменения, которые позволяют говорить о наличии артериосклероза. Можно еще говорить исходя

из его бродяжнических инстинктов, о том, что мы здесь имеем импульсивного психопата (Triebmensch), но в конце концов это дело филигранного диагноза, не имеющего большого практического значения, ибо и эта психопатия частью несомненно связана с тем же эпитептоидным кругом. Во всяком случае, это человек непреодолимых инстинктов, которые со всей силой атавизма пробуждаются в нем и влекут его. Его половая жизнь, с мощной силой этих влечений, заслоняющих подчас все содержание психики, обрисовывается из рассказа его, жены и дочери во всей ужасающей своей наготы. И ни у кого не возникает сомнения в тяжести содеянного им. Механизмы, которые привели его в 35 лет к дочери, сперва в форме развратных действий, а позднее и полной половой жизни (мы оставляем в стороне вопрос об ее девственности — даже если он прав, что она была раньше дефлорирована, то это ни в какой степени не меняет дела) здесь лежат не только (или вернее не столько) в этих непреодолимых влечениях, ибо чрезмерное расходование сексуальной энергии привело его в обстановке тяжелых лет к ослаблению *libido*, а отсюда и необходимость в особо изощренных формах половой жизни, которые могли бы стимулировать угасающий инстинкт.

Нам всем отлично известны эти ужасные дикие поверья, жертвой которых падает не одна девушка, что старик может через невинную омолодиться (своеобразный доисторический Штейнах), а заболевший сифилисом или гонореей вылечиться. Сколько тяжчайших преступлений порождалось и порождается поныне среди остальных народов, как результат этих диких предрассудков, И в немецкой литературе мы находим указания на роль этого момента (L e r p m a n n).

Диссоциация между половым влечением (*libido*) и половой способностью (*potentia*) служит основным механизмом в этих правонарушениях. Но расхождение может быть здесь двоякого рода. Мы отлично знаем, что точно также как возникновение *libido* отнюдь не совпадает с наличием *potenti*'и — и угасание их нередко наступает в различные, отделенные друг от друга многими годами, сроки. Чаще всего мы встречаем при сохраненном, а зачастую и повышенном *libido* расстройства в области половой способности. Реже бывает обратное, где при достаточной *potentia* можно наблюдать ослабление *libido* как в приведенном случае. Но и здесь, как и при обратном, механизм, по существу, один и тот-же.

Вот еще один случай с таким же механизмом угасания *libido* и сохранения *potentia*:

К-ин Матвей Гаврил., 41 года, крестьянин Рязанской губ., приговорен за изнасилование дочери (15 лет) к 8 г. закл. Будучи несколько выпивши, К. пошел после совершения сделки по сдаче земли в арендное пользование спать в амбар. В амбаре, — дело происходило летом, спала его дочь. Тут и была она изнасилована отцом, который дважды совершил с ней *coitus*.

Дело возникло спустя 1 — 2 мес. после изнасилования по заявлению сестры обвиняемого, которая, будто бы была не в ла-

дах со своим братом. К. был уже однажды судим за участие в драке у себя на селе во время церковного праздника.

Таковы несложные, но совершенно ясные обстоятельства дела.

При исследовании личности К., не смущаясь, рассказывает о своем деле, изредка лишь вздыхая — «вот, дескать, взял грех на душу». Поясняя обстоятельства дела, К. пускается в методичный и мелочный рассказ о том, как была заключена коммерческая сделка, как после этого выпили «могарыч» и, наконец, как пошел спать — «уже к вечеру подходило», в амбар. «Почудилось, — говорит, что жена рядом. Ну, и полез к ней. А на проверку дочь оказалась». При вопросе — «а как же случилось так, что дочь не однажды, а дважды изнасилована отцом» — спокойно отвечает «да она (дочь) в городе жила». Ответ, видимо, должен пояснять, что дочь уже не была девицей. К. считает ее крепким хозяином. На 5 душ у него 7 десятин земли, есть корова, 2 лошади и т. д. Живет не нуждаясь. Пьет от случая к случаю. К алкоголю невынослив. По своему характеру человек спокойный, методичный, даже, можно сказать, ласковый. Верует в бога, потому что «в крестьянстве иначе никак нельзя, от него зависишь». Иногда бывают головокружения. Какие бы то ни были состояния расстройства сознания отрицает.

В беседе с обследующим его врачом не старается скрыть обстоятельства дела, хотя и не идет навстречу. Контакта с ним установить не удается в силу его тяжеловесности и медлительности. Погружен в себя, в свои хозяйственные дела. В заключении работает, выносив по отношению к режиму. О себе рассказывает скупо, уходя в подробности и детали, имеющие постороннее и приводящее значение.

Половая жизнь протекала у него нормально. Первый coitus 17 лет. До этого непродолжительное время мастурбация. «Баловству» был научен ребятами. Женился на 22-м году. Был на империалистической войне, где переболел гонорреей. За скверным лечением долго страдал эпидидимитом. Отмечает, что после войны стал слабее выносить водку, а в пьяном виде драчлив и возбужден. Неприятности домашние и общественные только усиливают его возбудимость. А вместе с этой возбудимостью стало, между прочим, падать чувство полового напряжения (libido). До сих пор ладно живший с женой, К. стал охладевать к ее ласкам. Только в пьяном виде возвращается к нему возбуждение, сопровождающееся эрекцией. При этом, чтобы привести себя в состояние оргазма, ему нужно ущипнуть, ударить легонько, укусить жену. Этот садистический компонент появился также сравнительно недавно. За время крестьянствования после возвращения с фронта (он, кстати сказать, не был ни ранен, ни контужен) живет все время только с женой *abusus in Venere* не отмечается.

По складу своей личности К. несомненно относится к той группе возбудимых психопатов, у которых эпилептотимный компонент играет значительную роль в построении их характера. Методичность, аккуратность, ярко выраженная *amor loci*, привязанность к вещам и преданность традициям — таков ряд черт, приближающих К. к указанной группе психопатических личностей. Все указанное сопрягается в полной мере еще с интолерантностью к алкоголю и склонностью *in Vascho* к эксплозивным реакциям.

Наблюдения Леррманн'а как раз подчеркивают последнее. В этом отношении К. достаточно ярок. И правонарушение его идет как раз по пути такой эксплозивной реакции. Развязывание у эпилептотимного субъекта его влечений провоцирующим

воздействием на центральную нервную систему алкоголя идет по линии обнажения в нем садистического компонента (Maeder). У К. этот садистический компонент проявляется в самом характере правонарушения. Изнасилование дочери может быть истолковано со стороны действия примитивных психологических механизмов, как нарушение табу девственности (Freud), принадлежащее по праву старшему в роде. И вовсе не обязательно, чтобы у данной личности были на лицо мощные влечения сексуального ряда. Как в приводимом случае, достаточно наличие определенных конституциональных черт и ситуационной сложности, чтобы под влиянием алкогольного расторможения выпятились примитивные влечения описанного выше ряда. К. крестьянин, вросший крепко корнями своими в быт. Это ходок по церквям, ревностный блюститель «престольных» праздников, ежечасно ощущающий «власть земли». Видимо, и сделка на передачу права арендного пользования землей была у К. сопряжена с уверенностью в себе, что земля-то его собственная. Неудовлетворенность действительностью (а землю, ведь, продавать нельзя, ее можно только окольным путем пустить в оборот) под влиянием алкоголя могла вылиться, при предрасположенности к эксплозивности у К., в ряд действий, насильно утверждающих эту жажду компенсации. И тут налицо ситуация сексуального смысла и порядка: «вот дочь-то уж наверное его, что хочет, то и сделает с ней». При наличии ослабевшего *libido* в отношении жены, представляется мало вероятным, чтобы К. мог почудиться в дочери образ жены. Гораздо вероятнее другое, а именно выявление наружу компенсаторных механизмов, приведших к правонарушению. На механизмы именно такого рода при ослаблении *libido* указывает также Kretschmer: «Преждевременное прекращение полового влечения может привести к подавленным состояниям, к чувствам недостаточности и ко всякого рода заместительным образованиям».

И вот эта-то мелко-собственническая установка наряду с биологическими механизмами еще больше сближает этот случай с первым, обособляя их в особую целостную группу.

Гораздо многочисленнее правонарушения с тем же диссоциационным механизмом, но другого порядка, где правонарушения вырастают из повышения *libido*, которое может быть удовлетворено только при условии, что объект будет стимулировать ослабленную *potentia*.

И еще с большей силой, чем в первой группе, влечение здесь переносится на малолетних, иногда, как мы увидим, даже одного с правонарушителем пола. Здесь сказываются несомненно инфантильные влечения, появляющиеся на передний план по мере возникновения тех или иных изменений инволюционного характера в половой сфере.

Вот старик Г., дворник, 60 лет (один из немногих случаев в нашем материале в таком возрасте в отличие от западно-евро-

пейского материала, где именно этот возраст дает большой процент). Согласно приговора дело вырисовывается в следующем виде.

«Губсуд нашел установленным, что обвиняемый Г. дворник в д. № ... по Петровке, имея жену и 1 ребенка 4-х лет, нанял для ребенка няню Н. Федосию 11 лет. 13 августа 1926 г., когда его жена ушла на работу, а няня Н. спала на полу, пришел к последней, раздел и покушался совершить с ней половое сношение, но не совершил полностью; за попытку сношения с малолетней привлечен к ответственности по ст. 14 и 167 УК.

Обвиняемый Г. не признал себя виновным, но не отрицает категорически возможности данного покушения, показав, что был выпивши и не помнит, может быть, что и было, но не допускает возможности. Но прошедшим судебным следствием вполне уличен в пред'явленном ему обвинении. Во первых, обстановка совершенно благоприятствовала преступлению, был выпивши, категорически не отрицает возможности, а во вторых — показания потерпевшей, свидетельницы Е. и заключение судебно-медицинского врача при осмотре потерпевшей устанавливают, что хотя девственности Н. не лишена, но на половых органах имеется ряд красноватых пятен, царапин и тому подобное, что указывает на попытку к половому сношению».

Обследованный в тюрьме через полгода после случившегося он производил впечатление глубоко дементного, попрежнему отрицал свою вину, пожалуй даже более решительно, чем на суде и объяснял все происшествия своей молодой жены (ей было 30 лет), которой он надоел и которая хотела от него избавиться. В свое оправдание он приводил, что он «и с женой не справлялся, куда ж ему было еще к девочке лезть».

Но именно в самом факте импотенции заключаются механизмы его правонарушения. Потому то он покусился на девочку, что жена была ему недоступна (весьма вероятно и ребенок был не его). Эти механизмы недостаточности мы сможем детальнее проследить на ряде других случаев.

К., Ив. Ант., 45 л., бродячий деревенский сапожник. Обвиняется в изнасиловании 7-летней девочки и заражении ее сифилисом. Осужден на 8 лет строгой изоляции. К. бродяжничает и странствует по деревням с тех пор, как «по ревматизму», лет 6 тому назад лишился по колено левой ноги. С тех пор и «баба» от него ушла, не желая жить с калекой, с тех пор бросил он свой захудалый домишко и пошел бродить по чужим деревням, сапожничать от случая к случаю. Своим сапожным ремеслом он не мог выработать на свое прокормление: «от силы 15 рублей мог зарабатывать, да и то не платили». Приходилось попрошайничеством заниматься. Так и ходил по деревням Скопинского у., Рязанской губ. С тех пор, как в бобыля превратился, стал пить. А так как денег своих-то не было, то «заслуживал» подношения прибаутками, кривлянием и даже шутловством, выполнял роль конферансье на крестьянских пирушках и посиделках. Служил предметом издевательства и насмешки со стороны женской половины деревни и молодежи. За лебезящей шуткой прятал глубоко обиду и свою «охоту до баб». А жажда женского тела была крайне глубока. Жена ушла от К., потому что слишком часто пред'являл ей мужские свои требования, а «чуть до дела, сейчас же слабнуть». Видимо дело идет о преждевременном извержении семени (ejaculatio praeco), которое сопровождалось повышением libido. За последнее время иногда мастурбация с представлением об обнаженных толстых ягодицах, завернутого на голову подола платья и т. д. Однако, жена и по-

мирилась бы с его, К. «мужскими немощами» (*impotentia coeundi*), но К. хозяйственно был не крепок. «Непутевый я мужик» — так он себя характеризует. О деле рассказывает простодушно, правдиво, прерывая рассказ вздохами: «Эх, нелегкая меня возьми». Изнасилование 7-летней девочки произошло в с. Рождественском, Скопинского у., Рязанской губ. В этом селе К. дня 3 болтался, то чиня сапоги, то побирался по избам в чайники водки и подаяния. Попал во двор к крестьянину М., где шла бурная гулянка. Просил приюта, в чем ему и не было отказано. Больше того, накормили, напоили слегка, да и спать послали в амбар, где в это время спали дети М. — 3 мальчика и девочка. Довольный, убогаготовренный оказанным гостеприимством, К. улегся в амбаре, выбрав местечко поближе к девочке. Ее он заметил, как только пошел спать. Не мог заснуть. Все мучила близость детского тела. Оно казалось ему очень доступным. Пришла мысль в голову, настойчивая и все «ползущая» о том, что «потешить себя надо». Мысли о том, что может вред ребенку принести, и не было в голове. Думал устроить так, что и себе будет хорошо, и «ребенку не обидно». «Как же ребенка-то обидеть, грешно». Постепенно и бесшумно начал двигаться к девочке. Испытывал настойчивое и неодолимое желание прикоснуться *penis*ом к половым органам девочки. Она лежала спиной к нему. Спала крепко. Девочка заворочалась во сне. Он осторожно перевернул ее на спину и на бок, лицом к себе и 3 раза провел *penis*ом по *genitalia* девочки. Испытал чувство удовлетворения и заснул.

Осмотром установлена попытка к дефлорированию, однако не доведенная до конца. Кольцо расширено, имеются следы на больших и малых губах, растяжение девственной плевы.

К. по структуре своей личности представляет собой, конечно, неполноценного субъекта, мало осмысляющего обстановку. Налет дементности, благодушия; может быть возникшего из долгого алкогольного воздействия на центральную нервную систему, усугубляет эту неполноценность, выявляя наружу влечения, идущие по линии непосредственного их удовлетворения. У него нет твердо установленной границы между хотением и выполнением его. При этом, он отвергаем всеми и вся вокруг. Он бобыль, калека, «ничемный» человек, шутейник, скрывающий свою долгую обиду и на то, что «баба его бросила», и на то, что «бабы нос от него воруют», и на то, что молодежь издевается и потешается над ним. В своей социальной проекции он также окрашен в тона *Minderwertigkeit*. Обида эта глубоко внутри живет, наружу ее показывать никак нельзя, ибо тогда весь условный моральный базис его существования рушится. Вот отсюда-то, в темноте амбара, где нет взрослых, которых он смертельно боится, от которых всецело зависит, вблизи детского тела, так соблазнительно манящего его, он собирает «потешить себя». Механизм правонарушения аналогичный описанным выше, и без того ясный, становится еще отчетливее при сопоставлении со следующим случаем:

Ив., Андр. И., 27 лет, по профессии слесарь, член союза металлистов, женатый, обвиняется в изнасиловании девочки. Обвинительным актом по делу И. установлено, что 11 марта 1926 года, встретив беспризорную девочку Л., 13 лет, И. повел ее за руку в столярную мастерскую, неподалеку от вокзала Моск.-Киево-Вор. жел. д. Достучавшись к хозяину мастерской, И. ввел девочку, запер ма-

стерскую на замок и в присутствии хозяина мастерской, который также придерживал девочку за руку, сделал попытку изнасилования. Девочка закричала «караул», чем и обратила внимание проходивших мимо мастерской людей.

Осмотром врача установлено, что 13-летняя Л. половой зрелости не достигла, плева у нее разорвана, половая щель зияет, имеются следы крови на наружных и внутренних частях genitalia. Установлено также, что И. половой акт с Л. совершил путем насилия над последней, используя ее беспомощное состояние. Суд, исходя из всех этих данных, приговорил И. на 8 л. со строгой изоляцией. И. происходит из крестьян Рязанской губ. Рос он «подкидышем», находился до 13 лет в воспитательном доме. Учиться не хотел и ленился. С 14 лет ушел в кузницу учиться ремеслу. Владелец кузницы учил больше побоями, нежели работой. 17 лет И. отправляется добровольцем на войну (в 1914 г.). Бесперывно до 1924 г. в армии. За это время перебивал и в сухопутных войсках и во флоте. В 1923 г. контужен. В госпитале начинаются у него припадки, длительностью в 15 м. Будучи на Карельском фронте попадает в плен, будто бы, после чего припадки у И. учащаются. Время после демобилизации проводит на работе по специальности. Любит лечиться. Ходит по страхкассам, врачам и т. д. Попадает в санаторию. Половая жизнь начинается у И. с 10 лет. Занимается мастурбацией. С 13 лет — алкоголь; в 16 лет усиленное его потребление, выносив в отношении его. Сифилис в 1915 г. Женился в 1926 г. Последнее время пьет усиленно. С 1918 г. потребление кокаина. Свое правонарушение объясняет тем, что сильно выпил, получив предварительно заработок. Только потом, как прочухался, узнал, что его обвиняют в краже на вокзале лампочек и изнасиловании девочки, но сам ничего не помнит. Будучи на испытании в Институте Суд.-Псих. Экспертизы охотно и демонстративно проявлял свое болезненное состояние. Припадки оказываются истерической природы с целевой на них установкой.

Несомненно здесь в правонарушении мы имеем дело с установкой, в особенности у психопатических личностей, на безнаказанность. В нашем случае развращение и изнасилование совершено в состоянии известного алкогольного опьянения. Степень его нетрезвости не трудно установить, хотя бы по одному тому, что И. предварительно уговаривал девочку, затем повел ее по известному ему адресу, уговорился со своим знакомым и т. д. Словом И. провел ряд целесообразных действий, исключающих возможность затемнения сознания. И. за время пребывания в Институте проявляет свою личность со стороны черт злобности, раздражительности и некоторой необщительности. В прошлом ранний «выход на улицу» — воспитательный дом, конечно, многим мог содействовать нарастанию этих черт в характере И., а одновременно способствовать и раннему сексуальному созреванию. Мастурбация в 10-летнем возрасте, затем уход на фронт империалистической войны, с его разлагающим на уже тронутую психику влиянием — все это не могло не сказаться в смысле создания предрасполагающих обстоятельств для особенной склонности к сексуальной невоздержанности. Последующая его жизнь, с заражением сифилисом и поздней, лишь в 1926 г., женитьбой, также, видно, избивает *abusus in Venere*. В силу такого длительного воздействия вредоносных для И. факторов у него могла образоваться стойкая установка на сексуальную распущенность. Психопат из круга возбудимых, И. не может удер-

жаться при виде доступного его вожделению объекта — беспризорной девчонки. Он во власти переживаний исключительного порядка — удовлетворить свою страсть не так, как это он может обычно. Он идет дальше по этому пути, не только уговорами, но и помощью товарища, овладевает детским телом.

Одни и те же механизмы «утехи» у И. и у К. Одни и те же властные желания охватывают обоих. И одна и та же безнаказанность делает свободной анти-социальную акцию каждого из них: у И. беспризорный ребенок, за которого кому-же заступиться; у К. амбар и ночная темнота, отсутствие взрослых свидетелей. Но у К. ярче и полней, клинически чище видны эти компенсаторные механизмы, идущие не от извращения, не от уточнения в исканиях либидинозной цели, не от пресыщения (на это в своем материале указывают *Aschaffenburg, Flatau, Sadger* и др.), а от жажды этого сексуального «благоудовлетворения».

Случаи использования детской беспризорности для целей полового удовлетворения весьма нередки, и ясно, что, поскольку существует детская проституция, большинство случаев остается не обнаруженными и лишь случайно доходят до суда. Чрезвычайно поучителен в этом отношении следующий случай, который уже относится ко второй группе нами намеченной (по ст. 151-й ч. 2-я— прежде ст. 166).

Гр., Григ. Кир., 42 л., счетовод банка.

Рос до 10 лет с родителями. Отец учитель, человек вспыльчивый, бил детей, со странностями и чудачествами. После долгой жизни бросил семью.

Г. воспитывался в интернате при гимназии. В семье бывал мало. Рано получил первые сексуальные представления. В пансионе были развиты разговоры на эти темы, соответствующие картинки, возбуждающая литература. Рано был втянут в мастурбацию. В восьмом классе впервые посетил публичный дом. Брезгливости не было. «Все чисто там было». Часто после этого бывал там. Свободное время проводил в пивной. Занятия шли сперва слабо, в конце успешнее, кончил даже с медалью. Считает, что жизнь в закрытом заведении тяжело повлияла на него, оторвала от внешнего мира, не приспособила его к жизни.

По окончании гимназии поступил против своего желания по настоянию матери на математический факультет. Трудно было приспособиться к жизни. Мечтал об историко-филологическом институте, который представлял собой тоже закрытое заведение, «не было бы никаких забот, там бы он мог учиться». Математический факультет вскоре бросил и поступил счетоводом в банк. Там прослужил вплоть до начала войны 1914 г., когда был призван из запаса. Жил все время тускло, монотонно, изо дня в день без особых интересов, надежд и желаний. Только перед 20-м, когда оставались деньги, позволял себе развлечение: шел в ресторан, напивался и проводил ночь с женщиной. Знакомств было мало, с товарищами сходилась с трудом. Всегда чувствовал тяжесть одиночества. Часто увлекался, но всегда без взаимности. Попытки сближения с женщинами всегда бывали неудачны, им пренебрегали. Половые сношения имел только с проститутками. Всегда тяготило отсутствие близости с женщинами. Переписывался через «брачную газету». Неудачи интимной жизни заглушал в пивной.

С 1914 — 17 г. побывал в армии в Галиции. Попрежнему продолжал все ту же беспорядочную половую жизнь со случайными не-

разборчивыми связями. Впервые имел сношение с малолетней. Демобилизовавшись, вернулся в Петербург на старую службу. После закрытия банка переехал в Москву. Был сразу выбит из привычной колеи, не мог приспособиться к условиям жизни, занимался нищенством (!), поступил ночным сторожем. Жил в ужасных условиях. С возобновлением работы банков устроился вновь счетоводом. Летом 1923 г. встретил оборванную девочку, пошел с ней и имел сношение. Она познакомила его с подругами тоже в возрасте 11—12 лет. Они стали приходить к нему на квартиру. Последние 5 лет импотенция, раньше также потенция была слабая. Девочки приходившие к нему бывали недовольны: «ну какой это мужчина». По его словам предпочитал девочек, т. к. это дешевле, а взрослая проститутка дорого стоит. Тяготило только, что девочки, опасаясь не получить своего заработка, требовали сношения, ему же обычно этого не хотелось. Хотел просто общения, приласкать. «У меня старческое бессилие; известно лечение стариков малолетними (!)».

За сношение с несовершеннолетними был привлечен к ответственности по ст.ст. 166 и 168.

Себя характеризует так: всегда пассивный, безвольный, вялый, без интересов, без желаний, лень думать. Любит покушать, выпить хорошо. Крайне неряшлив, нечистоплотен.

На этом случае мы можем видеть, как та же импотенция, диссоциирующая с сильным либидо, приводит на неизменный путь обращения к несовершеннолетним. Случай поучителен и чисто психиатрически, ибо здесь половое извращение развивается у своеобразного психопата, близкого к шизотимикам.

Характерно здесь и отсутствие правовых представлений о наказуемости пользования детьми, хотя бы из мира проституции.

В параллель к этому несомненно тяжелому патологическому случаю приведем бегло еще один бытовой, где также пришлось встретиться с непониманием совершенного правонарушения и который свидетельствует о недостаточном правосознании в массах.

Речь идет о юноше Л., 21 г., Орехово-Зуевском маляре, женатом, имеет одного годовалого ребенка, с умеренным алкоголизмом, с интолерантностью к алкоголю. По характеру с незначительными колебаниями настроения, ровный, мечтательный, медлительный, без особых интересов, привязанный к семье.

Был привлечен к ответственности по обвинению по ст. 166 и 167 УК (в старой редакции). Виновым себя не признал, так как сношение происходило по согласию. Дело происходило по его словам так: он возвращался домой выпивши. У ворот его встретила соседка 16 лет, которая предложила пройтись. Вернувшись с прогулки, она сама предложила ему иметь сношение, на что он согласился. Когда они удалились в сарай, это заметила ее сестра и сообщила отцу. Когда тот стал наказывать ее по возвращении домой, она стала говорить, что была насильно втащена в сарай. Отцом было возбуждено дело. Однако на суде было обнаружено, что потерпевшая к моменту совершения не была девственна, а также не было обнаружено никаких знаков насилия. Таким образом версия обвиняемого о добровольном согласии на сношение подтвердилась.

Поэтому обвинение по ст. 167 УК было отвергнуто, а по ст. 166 он был приговорен к 3 годам лишения свободы. При исследовании он утверждал, что не знал сколько ей было лет. «За что же его наказали, когда она сама его позвала».

Возвращаясь к предыдущему случаю, где механизм правонарушения шел по пути использования детской беспризорности, мы выделим еще одну группу правонарушителей уже чисто бытового

характера, где личность правонарушителя остается в пределах нормы, а самые механизмы правонарушения исходят из старого уклада жизни с его эксплуатацией женской, особенно детской, беззащитности. Здесь мы издавна встречаем лиц, берущих детей на воспитание. В большинстве случаев это бывает замаскированная эксплуатация для выполнения домашних работ. В существующих условиях охраны труда этот способ обхода закона получает особое распространение. И если раньше мы нередко имели случаи, когда хозяева насильно овладевали своими прислугами, то теперь это падает на «воспитанниц». Само собою разумеется, что в прежних условиях это являлось для работодателя в подавляющем большинстве случаев безнаказанным делом, ибо как было устоять деревенской одинокой девушке против «барской» воли — «выгонит, куда пойдешь». Другое дело теперь, особенно когда к самому факту понуждения к вступлению в половую связь, ныне предусмотренному специальной статьей (ст. 154 УК — «понуждение....лицом, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависимой») присоединяется особенность объекта преступления в виде ее несовершеннолетия.

В качестве иллюстрации этой группы мы приведем бегло три случая, наблюдавшиеся нами в Сокольниковском исправдоме и Лефортовском изоляторе.

К., 45 л., заведующий скотобойней. До революции акцизный чиновник. В империалистическую войну офицер. В гражданскую войну командир полка, заслужил орден «Красного Знамени», 8 ранений, 1 контузия с длительной потерей сознания. Умеренный алкоголизм. После ранения половая способность сильно понижена.

По характеру замкнутый, злопамятный, настойчивый, уверенный в себе, решительный, педантичный, склонный к резонерству, морализированию, повышенной самооценке. В семье деспотичен. Установка — мелко-собственническая. Настоящее дело, по его словам, возникло по злобе, вследствие желания забрать его дом. Прошло после суда свыше года, но он и теперь настаивает, что он не виноват.

По приговору дело рисуется так: «Состоя заведывающим скотобойней и будучи бездетным, осенью 1923 г. взял к себе на воспитание дочь рабочего, сторожа той же скотобойни Матрену А., 12 лет от роду, обещая родителям последней, что будет содержать ее, как собственную дочь, но во время пребывания Матрены в доме, она последними использовалась, как работница, и выполняла всевозможные домашние работы. Через некоторое время К. стал приставать к ней: ласкать, целовать и несмотря на то, что Матрена не достигла половой зрелости, а также несмотря на слезы и просьбы последней, принудил ее совершить с ним половой акт, обещая, что за это будет ее хорошо одевать и кормить. Видя, что Матрена молчит, К., воспользовавшись своим положением, умышленно с целью удовлетворения своих половых инстинктов в период с осени 1923 г. по декабрь 1924 г. имел неоднократные совокупления с 12-летней девочкой, не достигшей половой зрелости, в результате чего явилось растрепанное состояние последней».

В другом случае:

А., 44 лет, латыш, специалист по стекольному производству, обучался этому делу в Германии, был высококвалифицированным мастером. До революции 1905 г. принимал в Риге и Германии активное участие в социал-демократической партии. К началу революции

под влиянием преследований полиции порвал связи, участия в революции не принимал. В Москве работал на зеркальной фабрике. Сошелся с дочерью владельца, к которой перешла после смерти отца фабрика. Вел эту фабрику вплоть до революции. В революционные годы взял в аренду мельницу в Дмитровском уезде. Дело шло успешно, жил хорошо. Жесткий, твердый человек, с сильно кулачковой установкой. Взял в 1911 г. на воспитание девочку 3 лет. Жила у них в течение 10 лет. Как устанавливается приговором, подвергалась эксплуатации, выполняла по дому тяжелые работы. В 1914 г. во время отсутствия жены овладел ею и с тех пор жил с нею в течение года, пока знакомые не дали знать сестрам потерпевшей. В совершенном сознается, объяснить не может — «как-то попутало».

Согласно приговора дело представляется в следующем виде:

«На суде выяснилось, что первая попытка изнасиловать Таню имела место в лесу, куда Таня отправлялась по грибы. А. притянул девочку к себе и лег на Т., но та вырвалась и убежала. Изнасилована была Т. в амбаре, куда она направлялась для каких то хозяйственных надобностей. Тут А. схватил девочку, зажал ей рот рукой, уложил ее на землю и имел с ней половое сношение. Девочка была напугана угрозами А. и никому о происшедшем не рассказала. Сношения имели место регулярно, почти ежедневно и иногда по 2 раза в день. Так продолжалось 2 года. Первый акт полового сношения имел место, когда Т. было 12 лет — в период ее половой незрелости. Менструировать начала спустя несколько месяцев после первого сношения.

И наконец третий в другом ряду, но в той же социально-бытовой проекции.

Я., Степ. Ив., 24 л., чертежник на железной дороге, постоянно проживает в деревне под Москвой вместе с матерью, продолжающей вести свое крепкое крестьянское хозяйство. По характеру скрытный, даже с матерью, которую любил, ничем не делился. Любит тишину, уют. Женщин стесняется. Раздражительный, настойчивый.

В 1923 г. обоими Я., сыном и матерью, была взята на воспитание из детдома 11-летняя девочка Анисья А. При этом Я. было дано обязательство воспитывать девочку, как собственного ребенка. Она прожила у Я. в течение двух лет, при чем выполняла по дому тяжелые работы, работая фактически за прислугу. В дальнейшем, после долгого сопротивления Анисьи А., Я. в середине 1925 г. принудил ее ко вступлению с ним в связь, при чем мать Я., властная и деспотичная женщина, ревниво относясь к сыну и стремясь его удержать при себе, толкала его на это. Это признавал впоследствии и сам Я., на суде выгораживавший мать. Вскоре после этого А., которой тогда было 14 лет, забеременела и 6-го марта 1926 г. разрешилась живым жизнеспособным ребенком. Как только А. забеременела, она была удалена матерью Я. из дома и поселена в другом уезде. Ей высылали ежемесячно 20 рублей, но этим все заботы ограничивались. А. чувствовала себя забытой и брошенной. Однако она молчала о виновнике, и дело не возникло бы, если бы родильный дом, куда поступила А., по выяснении ее лет, не дал знать следственным властям, после чего Я. сын и мать привлечены к ответственности по ст. 167 УК.

И здесь точно также, как в первых двух случаях мы встречаем ту же социально-бытовую картину с той лишь разницей, что там мы имеем людей уже близких к возрасту обратного развития, с начинающимися сосудистыми изменениями, с понижением потенции, что несомненно отразилось на приходе к преступлению. Здесь же сколок всем хорошо знакомых «сынков» (безразлично в помещицкой,

купеческой или, как здесь, кулаческой семье), для которых заботливые мамы, оберегающие их от риска случайных связей, одновременно готовят дома необходимую возможность удовлетворения. Каким же ценным достижением является наше уголовное законодательство, которое фактически, не на словах, как старое уложение о наказаниях, а на деле охраняет тысячи Анисий от либидинозного произвола и разнузданного устремления этих «сынков». В отношении индивидуальной оценки Я. и вскрытия механизмов совершенного им, необходимо подчеркнуть, что характерологически можно считать, что особенности его психики и развития, с его застенчивостью перед женщинами, его привязанностью к матери и пр., как нельзя лучше обуславливали инверсию именно в направлении малолетней.

* * *

Вернемся вновь к клинике сексуальной патологии и обратимся ко второй основной подгруппе—«р а з в р а т н ы е» в собственном смысле слова. Их можно разбить на две части: привлеченных за «развратные действия с малолетними» гетеросексуального характера и гомосексуального. Детальное изучение всего материала, относящегося к обеим группам, со всей очевидностью подтверждает полную правильность для подавляющего большинства мнения A s c h a f f e n b u r g'a о необходимости для следственных и судебных органов обращения во всех таких делах за помощью к психиатру. В этих случаях, большей частью, если не всегда, мы имеем дело с определенными дефектами психики, которые обуславливают извращенное направление libido. Воистину, эксгибиционисты, мазохисты и др. проявляют особую склонность к изживанию своих либидинозных целей в актах с малолетними. Невинные похлопывания по рsоas своих учеников, особая и исключительная строгость на экзаменах в былое время; хватанье за ухо в виде наказания, на поверку оказываются весьма нередкими случаями извращения полового чувства и механизмов его напряжения. В русской психиатрической литературе был уже описан некий К., окружной инспектор Виленского учебного округа в период 1910—1912 г.г., который проявлял на экзаменах особую суровость.

Наш материал также позволяет сделать заключение о том, сколь огромную роль играет в части «развратных действий с малолетними», болезненное извращение направления полового чувства и половой цели. Сошлемся на примеры:

Е., Триф. Иван., 20 лет, холостой, ткач по профессии, связанный с деревней, не судился, обвиняется в том, что «7-го июля 1925 г. у себя на родине, в бане, принадлежащей его отцу, совершил ряд развратных действий в отношении двух девочек Груни С., 11 лет и Тани Г., 9 лет. Развратность действий Е. заключалась в том, что, завлекши девочек в баню, он, Е., спустил брюки, поднял подол одной из девочек и лег на нее. То же самое он проделал и с другой девочкой. Одна из потерпевших, в своих показаниях, сказала, что после того, как Е. на ней полежал, у нее на ногах «было что то мокрое». Матери потерпевших девочек, когда им стало известно о таких действиях Е., подсмотрели в щелку бани за манипуляциями

Е. и показали на следствии, что Е. «охлаждает» с Груней и Таней. Девочки далее показывают, что Е. встретил их на берегу реки, где они купались, и предложили им: «девочки, закройте глаза, я вас поведу и выведу». Закрыв своими руками глаза девочкам, Е. повел их в баню, где и проделал над ними вышеописанные действия». Е. объясняет все происшедшее наговором на него матерей девочек, так как его отец был с ними в каком-то конфликте.

Со стороны наследственности у Е. отметить ничего не удастся. В семье все большей частью веселые, общительные, несколько вспыльчивые, хотя и отходчивые. Алкоголь потребляют понемногу и скорей не в силу острого влечения, а бытовой традиции («ну, выпьешь в праздник»). Условия, в которых Е. провел свое детство, с материальной стороны скверные. Рос он в большой крестьянской семье; на всех не хватало. Никаких особенных болезней Е. не перенес: был физически здоровым, шаловливым, компанейским мальчиком. Характера был ровного, спокойного. Не помнит себя, чтобы особенно этак поволновался или потревожился. Хотя и был «баловником», однако в драку лезть не любил. Не переносит вида крови: убежал из дому, когда курицу резали. Боялся темноты и одиночества. Проучился он в сельской школе с 15 по 17 лет. Сперва была охота учиться. Взялся за науку азартно. Особенно любил процессы чтения и писания. Затем быстро охладел — «башка не работала». Пошел по крестьянскому хозяйству — помогал в полевых работах семье. Любил эту изнуряющую работу: «посеешь — поешь, для себя стараюсь, не для кого». Вскоре затем поступает на фабрику: «везде надо испытать работу».

Е. работает на производстве 2 года. Фабрика небольшая. Рабочие ее большей частью связаны с деревней. Отец его также ткач. Да и вообще, во всей округе, крестьяне занимаются ткачеством в качестве отхожего, либо подсобного промысла. Попал в союз, однако общественной жизнью фабрики не интересовался вовсе. Не знает даже, в какой союз попал. О своем преступлении говорит следующее: на огороде, возле реки, повстречал девчат, запер их в баню и ушел. Е. не пьет, не курит. Религиозен. Любит обрядовую сторону религии. С увлечением поет на клиросе. Будучи в Инст. Суд. Псих. Эксп. на испытании, в своем поведении проявил себя, как ориентированный человек, с ровным настроением, несколько склонным к комплексным реакциям (сны устрашающего характера — его воры хотят зарезать, за ним милиционеры гонятся и т. п.). Какие бы то ни было либидинозные желания, равно как и coitus, Е. решительно отрицает. Мастурбировал, однако, изредка с 12 лет.

По своим интересам Е. крайне примитивен, целиком находясь в плоскости конкретного исполнения своих желаний. Уже по приведенным выше некоторым замечаниям Е., видать эту крайнюю примитивность. Он работает, потому что за работу получит в виде вознаграждения еду — «на себя работаю, не на кого». Отвлечений, обобщений для него почти не существует. На вопросы, что такое стол, прежде всего отвечает — не знаю, а затем уже, — мебель. На следующий вопрос, что такое ложка, отвечает тоже — «мебель». Ничему не удивляется, во всем видит конкретность и прежде всего практическую цель: при показе картины с изображением леса, отвечает — «растет лес, все хорошо». В характере ответов, в способе реагирования на словесные раздражения, в примитивной простоте переживаний, в их поверхностности, устремленности к близ лежащей конкретности — ключ к пониманию психики Е. Эту психику мы определяем, как олигофреническую. В крестьянской среде,

с ее несложными требованиями, размеренным ритмом в смене внешних впечатлений, бедным разнообразием, такая неполноценная личность может ужиться, может выполнять общественно-полезную функцию несложного характера. Но уже попадая на фабрику, Е. отстает от других. Не случайно он не знает «к какому союзу прописан», не случайно ему «не интересно» на собраниях коллектива. В этом сказывается его природная отсталость. Естественно, такая отсталость может способствовать и способствует некоторой замкнутости, нарастанию отграниченности от окружающего, замыканию себя в кольце первично-данных, небогатых содержанием примитивных переживаний. В ряду этих последних далеко не последнюю роль играют переживания сексуального ряда, как изначально и биологически данные. В данном случае болезненного процесса нет на-лицо; имеется лишь олигофренная почва, на которой этот напор сексуальной силы либо обращается на «я», либо идет по пути анти-социальных акций. Е. встретил девочек у реки, где они купались. Нет никаких оснований полагать, что здесь случайная встреча и не будь ее, не было бы и правонарушения. Видимо Е. подглядывал за купающимися девочками, разжег себя примитивно-сластолюбивым волеизъявлением. Отсюда станет ясным и понятным все следующее его сексуальное поведение. Зажмуривание глаз у девочек руками Е.—не только глупая хитрость олигофрена, желающего обжечь окружающих, но и элемент исполнения разрядки *libido*. Это прижимание к органам объект *libido*. Наконец, самая форма его сексуальной попытки с обнажением гениталий — больше полярный волеизъявлению эксгибиционизм, нежели подлинное насилие.

Общая недостаточность Е. обуславливает, несомненно, в известной степени его аутоэротизм и сниженное до сравнительно низких ступеней *libido* (А. А b g a h a m).

Для более ясного и отчетливого понимания этих механизмов снижения *libido*, мы позволим себе описанный случай сопоставить со следующими:

Ин., Вас. Сем., 51 г., со средним образованием, ныне безработный, чернорабочий, бывший драматический артист, обвиняется в том, что, будучи в феврале—марте 1925 года на работе в МСПО, в качестве завед. читальней при Красном уголке столовой МСПО № 20, приучал окрестных девочек к тому, чтобы они заходили в эту читальню. А там развращал их различнейшими эротическими рассказами, писанием любовных записок, рассказыванием сексуальных сновидений с комментариями их и, наконец, предложениями девочкам «лизать его половой орган». Свое преступление Ин. на-чисто отрицает, заявляя, что мальчики и девочки с улицы приходили в Красный уголок столовой и исписывали книги, плакаты и т. д. похабнейшими надписями. Он пробовал, дескать, бороться с этим явлением. Но ничто не помогало, т. к. родители были довольны тем, что дети ходят не на улицу, а в Красный уголок. Вот поэтому то все его шаги кончались ничем. Правда, Ин. проговаривается: из этой толпы детей, он выделял некоторых, приятных ему своей интеллигентностью и манерами обхождения.

Крайне любопытно складывается жизнь Ин. По ней, по отдельным этапам ее, мы сможем представить себе, как он, Ин., мог

притти к своему правонарушению. Прежде всего, следует отметить, что со стороны наследственности у Ин. имеется отягощение по линии алкоголя и невропатических компонентов. Отец — ярый и неумеренный потатор, мать — «наивная, как ребенок», мнительная и болезненная.

В семье — часть сыновей пьет, как и отец; дочери же и другая часть сыновей страдают фобиями. Ин. сын. б. дворцового чиншника, рос в хороших материальных условиях. Учился начал с 9 л. Учился плохо. В гимназии Ин. заинтересовался древними языками. Встречаясь дома с институтками, подругами сестер, воображал что это античные богини (Диана, Минерва и др.). При этих встречах испытывал род головокружения, отвечал невпопад, был, вследствие этого, предметом насмешек. Гимназию бросил с 4 класса. Пытался заняться уроками, чтобы не быть подконтрольным у отца и иметь лишние деньги. Познакомился со студентами, которые и посвятили его в основы социалистических учений. Увлекался этими теориями, но также, как и подругами своих сестер — «ах, как это благородно и хорошо». Домашняя обстановка, видимо, не совсем благоприятно на него действовала. То ли под влиянием ситуационных обстоятельств, то ли под влиянием увлечения социалистическим учением, И. против воли родителей поступил на Балт. Судостроительный завод рабочим, где через год становится подручным табельщика. Его чрезвычайно удовлетворяет общество революционно настроенных рабочих и студентов, но сам он «по специальности характера» никакого активного участия в политической жизни не принимает. Ему импонировала и нравилась «общая чистая атмосфера таких кружков». С 9 лет мастурбация с воображением в области мифологии: казалось ему, что овладевает Минервой, Дианой и т. п. Лет с 15 прекращает мастурбационные манипуляции. В 17-летнем возрасте знакомится с девушкой, которую полюбил, находил в ней сходство с Тургеневскими девушками, в частности с Марианной из романа «Новь». Испытывал к ней какое то чувство благоговения. Через 2 года девушка, перед которой Ин. благоговел, приезжает к нему в Петербург и, как невеста, поселяется у Ин. Отношения у этой пары складываются «очень дружески». Они спали в одной постели, обменивались нежными ласками, но до coitus'a дело не дошло. Ин. все благоговел перед своей знакомой. А девушка в течение нескольких месяцев «деликатно ждала предложения», покуда не «нашла его странным» и уехала в Москву. 21 года Ин. уезжает в Бельгию, в Льеж, опять таки с несколькими товарищами. Здесь поступает на механический завод. Вскоре он переезжает в Париж, где становится вольнослушателем Сорбонны и живет жизнью Латинского квартала. «К диплому он не стремится», живет на средства, присылаемые братьями. Здесь, в Париже, он начинает свою половую жизнь с доступными женщинами кабачков Монматра. Стал выпивать. Переболел гонорреей. По возвращении в Россию увлекается театром, по протекции поступает в Моск. Малый театр, слушает курс Ленского по драматическому искусству. Близо к товарищам не сходится, любит уединение, его прозывают «ненормальным», его корбит всякое резкое грубое слово или движение. 27 лет женится по любви. К жене испытывал также чувство «благоговения», «считает ее ангелом». Долгое время не решается на физическое сближение. Через год после женитьбы, под влиянием родных жены, отношения семейного порядка начинают портиться. При ссорах испытывал чувство «вроде сердечного припадка». Жена с ребенком, наконец, уезжают. И здесь Ин. увлекается, опять таки с чувством благоговения, сестрою своего знакомого. Целовал ее «всю», однако и здесь до дела не доходит. Спустя 10 месяцев возвращается жена, и вновь идет жизнь, сопровождаемая ссорами и дразгами. С 1913 г. их совместная жизнь разлагивается. Нужно отметить,

что совместная и довольно долгая жизнь с женой ограничивалась единичными сношениями. В 1914 г. увлекается молодой женщиной, которую «больше обожал, чем желал обладать ею». Уезжает с нею в Крым. Здесь опять таки слывет «ненормальным». Знакомые даже называли его Дон-Кихотом. А такое рыцарское имя дали Ин. потому, что протезировал женщинам, которыми он увлекался, «не ища с ними близости». В разных жизненных обстоятельствах Ин. не мог быть ни резким, ни настойчивым, ни эксплуатировали «всегда и все».

В Крыму Ин. живет до 1922 г. Женщина, с которой он из Москвы уехал в Крым, живет с ним, уверяя его «что души их сроднились, но как мужчина он не интересен». Ин. однако любил ее «как человека и женщину». Редко испытывал при этом потребность обладания ею. Этому способствовала слабость потенции. Женщина, которую Ин. любит, уходит от него. Сначала это были кратковременные отлучки с возвращением, раскаянием и плачем двух сторон, а затем и окончательный уход. С 1922 г. Ин. в Москве. Жизнь складывается печально: он «из милости» у свояченицы, его попрекают «ненормальностью», с первой женой он на официальном «вы». Наконец, в 1924 году его устраивают завед. читальней столовой МСПО. Здесь работает до марта 1925 г. Тяготится работой; уволен за несоответствием. Пробует административную в какой то оперетке, куда не поступает чернорабочим по строительным и ремонтным работам. В декабре 1926 года он арестовывается по обвинению в развращении малолетних.

В 1922 г. у Ин. инсульт. Лечился ваннами и электризацией. Люэс отрицает. В настоящем имеются *residua hemiparesis sin. et paralysis n. facialis peripher. dextra*. С этого времени, по словам дочери. какой-то странный, повышенный интерес к ее подругам. Свое преступление Ин. осмыслить никак не может: «всю жизнь мечтал о социализме, о самом светлом, а кончилось таким цинизмом, «должны же понять, что человек, который стремился всегда к чистому и светлому, не может быть виновен в таком грязном поступке».

Через всю жизнь Ин-а проходит крайняя слабость потенции. Он «странный, ненормальный, Дон-Кихот» и т. д. И эта слабость потенции сочетается полярно со значительным напряжением *libido*. Ин. мастурбуя, представляет себе, что древние богини отдаются ему. Ин. «благоговеет» перед любой женщиной, готов повсюду и везде «ангела видеть» в ней. С момента пробуждения у Ин. полового чувства: (когда подруги его сестер казались ему Дианами и Минервами) идет направление *libido* по линиям пассивизма. Он издали, смущаясь, краснея и отгораживаясь от людей, поклоняется девочкам, трансформируя их в образы мифологические и тем самым делая их доступными для обладания. В своих лекциях о преступниках-психопатах K. Birnbaum как раз и отмечает, что в случаях, связанных с сексуальными перверсиями описанного типа, мы часто имеем дело с лабильной психикой, укладывающейся в рамки психопатии из круга неустойчивых—инстаблей. Ин. подтверждает приведенную здесь мысль Birnbaum'a лишь в одной части, своим слабоволием: Он робок, мимозен, он воск в руках окружающих, он восторженно относится к жизни и в то же время не умеет реально овладеть ею, наконец, он в своем социальном поведении пассивен, неуверен и мало синтонен, хотя и податлив. В своих мечтах он строит воздушные замки

своих грез, где расхаживает сильным и твердым властелином, в реальности он жалкий и слабый, еле согревающийся чужим огнем. Эта эндогенно идущая слабость компенсируется чисто женственными чертами нежности и обожания. Он обожает равно и знакомых институток, и жену, и социалистические теории. Все у него складывается в чертах «светлости, чистоты», незапятнанности житейской, слишком житейской, тяжеловесности и убедительности. Грубое прикасание действительности больно колет Ин-а. Девушка невеста, с которой он обменивается нежными ласками, уходит; жена, которой он поклоняется «как ангелу», покидает его; его сожительница ценит в нем «человека» и презирует «мужчину», — она уходит и вновь возвращается, слезами старается искупить радость встречи. Восторженность, «благоговение», с которыми Ин. встречает всякую женщину, а их он на своем пути встретил довольно много, увлечение, с которым он отдается своему чувству обожания, — не указывает ли это на определенную конституциональную предрасположенность, на своеобразную «сексуальную конституцию» в смысле K r o p f e l d 'а. Предрасполагающие факторы, создавшие из Ин—та криминальную личность располагаются в следующих рядах: рано проснувшаяся сексуальность с направлением *libido* на себя; переработка сексуальных мотивов по линии шизоидного восприятия эротических представлений; последующая шизоидия с акцентом на идеальном представлении о женщине; искание объекта *libido* на путях отождествления себя с женщиной (слабость, нежность, состояние влюбленности, поклонения, нежелание близкого сексуального акта); наконец, уход из ранящей его действительности путями понижения себя, как социально-полезной особи (он и не представитель умственного труда, «диплома никогда не добивался», он и не квалифицированный рабочий, ибо его работа на заводах все же носит отпечаток какой-то ходульной позы, угловатой манерности и театральности. Наконец, резкий скачек вниз. Физиологически организм подкошен мозговым ударом. Следы органики и в психике. Некоторое недоосмысление окружающего, слабеющая память, артериосклеротические изменения, уход в прошлое, когда он был «революционером», хотя бы по чувству, и увлекался ораторским искусством Жана Жореса. Конституциональные черты отгороженности, боязни уколоться о шипы реальности, черты самоудовлетворения в этом беспрестанном искании «ангела» среди женщин, Лауры — во второразрядной опереточной актрисе — на почве физиологического оскудения с особенной яркостью выплываются. Преждевременное постарение, обусловленное артериосклерозом, вызывает вспышку *libido*. Подобно тому, как патологическое опьянение обнажает у некоторых лиц их патосексуальность, но отнюдь не создает и не формирует их, подобно этому и инсульт со всеми его последствиями, равно как и в сумме подготавливавших его причин, только выявил, сделал еще более лабильной ту сферу его личности, которая уходит во влечения. Ослабев-

ший контроль, пониженный порог раздражения, при наличии таких стержневых влечений, как аутоэротизм, все вместе создали благоприятную «внутреннюю среду» для роста и выхода наружу мощных влечений, построенных уже на снижении *libido* до первичных ступеней (A b t a h a m, F r e u d). Так и создается *in actu* криминал Ин-а.

Если в случае Е. мы могли видеть действие механизмов со снижением и примитивированием *libido*, которое возникло на почве врожденной недостаточности и олигофреничности, то в данном случае Ин. те же механизмы, но обнаженные под влиянием другого фактора, действуют в более пышно обрамлении, а именно: развращающие действия сопровождаются цветистыми рассказами эротического характера, писанием любовных записочек (все ведь в тонах того же «обожания», «благоговения» и т. д.) и, наконец, предложением реализовать все эти отношения в виде эксгибиционистских актов, сопровождаемых перверсиями анально-орального характера.

Иные механизмы мы обнаруживаем среди гомосексуальных развратителей. Здесь их раскрытие должно идти не в направлении преимущественно психологических построений, а по линии изучения их перверсий и вскрытия корней возникновения этих извращений. Здесь вполне уместны слова В i n b a u m: «Нужно обнажение самих перверсий, нужно привести в движение всю личность в ее многосложности, чтобы были обнаружены эти аномалии влечения вместе с психопатологическим первичным ядром, содержащимся в нем».

Перейдем к примерам:

Д., Вас. Кузьм., 51 г.

Родился в крестьянской семье, в Калужской губ. Отец занимался отхожим промыслом — мелкой торговлей в разнос в Москве. 13 лет отвезен отцом в Москву и отдан в ученики полковой музыкантской команды. Жилось тяжело, частые побои, розги. «Не столько учили, сколько били». Музыка давалась с большим трудом. Притерпелся ко всему. Сильно было сознание «что некуда податься» — семья бедная. Развилась покорность начальству; в ученических беспорядках, которые возникали несколько раз на почве тяжелого режима и придирок офицеров, участия не принимал. Стремился во всем угодить начальству, выполнял все, что не прикажут, как бы тяжело ни было. Товарищи не любили видимо за подхалимство. Молчаливый, угрюмый, мало с кем разговаривал — «не о чем было, и мыслей то таких не было, чтобы говорить». Поэтому не имел и знакомых барышень, не знал, как к ним подойти, что сказать. Грамоте не учился. Только позднее самоучкой научился читать, да и то только по печатному. Таблицы умножения не знает. Элементарный счет с ошибками. Три года проучился в учениках. Потом начал играть в оркестре. Был на Японской войне, в империалистическую войну был во Франции. Служил в разных воинских частях кларнетистом. Несколько раз предлагали ему быть старшим — отказывался, боялся не справиться. Жил без каких либо интересов, никаких культурных запросов не имел. Из пребывания во Франции вынес только впечатление: «Вот в Бресте ночевали, там кровати, матрацы хорошие». С 15 лет пьет, пьет почти ежедневно, часто до пьяна. Из-за этого неоднократно имел неприят-

ности по службе. Последние годы, когда особенно много стал пить, часто увольняли. Последние полгода без места.

Вскоре после поступления в ученики, под влиянием обстановки стал заниматься мастурбацией. В команде, где ученики жили в общей спальне, процветали все виды разврата. Он сошелся с одним товарищем, занимались взаимной мастурбацией, были гомосексуальные сношения, играл обычно активную роль. После окончания ученичества, по его словам, гомосексуальных связей у него не было. Ограничивался весьма интенсивной мастурбацией, от которой не отказался и поныне. В 16 лет вместе с товарищами был впервые в публичном доме. Сношения проходили нормально. Давали достаточное удовлетворение. Частые случайные встречи исключительно с проститутками. 22-х лет связь с одной работницей в течение 4-х лет. Гонорройная инфекция. Незадолго до Японской войны убедился в измене своей сожительницы, порвал с нею. С тех пор почти не имеет нормальных половых сношений. В течение всех 20 лет тяжела мастурбация. Гомосексуальные сношения отрицает.

Обвиняется в развращении малолетних. В декабре 1926 г. к следственным властям поступила жалоба домоуправления, где проживал Д., что Д. зазывает к себе в комнату проживающих в этом доме мальчиков в возрасте 10—15 лет и совершает с ними развратные действия. Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого по ст. 168 УК (ныне ст. 152) он признал себя виновным и показал, что в течение последнего времени приглашал к себе мальчиков, обнажал их половые части, лизал их, мастурбировал. Давал им деньги. «Дешевле стоило, чем женщины», заявил он. «Был пьян, потому только и делал, сами приставали, знал бы что такое выйдет, никогда бы не стал». При исследовании со стороны внутренних органов найдена некоторая жесткость сосудов, глухие тоны сердца.

Со стороны психики—достаточная степень нажитой дементности, алкогольное слабодушие, критика к совершенному достаточная.

Интеллектуально это несомненный дебил, с ограничением кругозором, с примитивностью суждений, с отсутствием накопления хотя бы житейских знаний, со слабой ориентировкой в окружающем.

На ряду с этим — подхалимство, елейность, педантизм говорят за близость его к этилентотимному кругу, взятому в широком смысле этого понятия.

Случай необычайно поучителен и в отношении чисто сексуологическом. Здесь особенно легко проследить те этапы, по которым он от взаимной мастурбации и активной педерастии через 40 почти лет пришел к ст. 153 УК.

Этот случай может также служить в пользу того направления в учении о гомосексуализме, которое, отрицая врожденность этого явления, сводит его сущность к нажитому пороку. В данном случае вполне ясно, что слабая потребность в нормальной половой жизни обязана ранним детским переживаниям. Этому же содействовала позднее сексуальная травма в виде измены близкой женщины. При этих условиях дебил, натура пассивная, уходит в мастурбацию, которая дает ему достаточное удовлетворение. Весьма вероятно, что он скрывает теперь быть может имевшие место более поздние гомосексуальные связи. Но во всяком случае достаточно характерно, что в возрасте обратного развития он вновь возвращается к переживаниям и влечениям детства. Недаром мно-

гие авторы (Freud, Steckel) рассматривают такого рода влечения у стариков и правонарушения, как проявления психосексуального инфантилизма.

В параллель этому приведем еще совершенно аналогичный случай, также выросший из комплекса недостаточности.

Щ., 56 лет, сын врача. Двух лет ослеп, вследствие атрофии зрительного нерва. Отец вскоре разошелся с матерью, и он рос у родственников. Рос физически крепким ребенком. Развивался хорошо. В десятилетнем возрасте был отдан в училище для слепых. Там учился в течение нескольких лет. Научился грамоте, счету и ремеслу. Из ремесел, которым обучались слепые, выбрал настройку музыкальных инструментов. Всегда отличался хорошим слухом, легко научился играть на рояли. По окончании училища жил на средства, получаемые от отца. Двадцати лет потерял отца; тяжело переживал эту потерю; с тех пор проявились конвульсивные подергивания рук и головы. В дальнейшем зарабатывал на жизнь настройкой роялей. Живет этим и сейчас.

Несмотря на слепоту, живой, активный характер, общительный, тяготеет к одиночеству, интересуется окружающими событиями, всегда просит прочитать ему газету. В социальном отношении некоторая деградация по сравнению со средой, в которой он вырос. С физической стороны дискоординация движений, подергивания рук (сильнее левой) и головы. Со стороны внутренних органов в пределах нормы.

Половая жизнь: еще в училище взаимная мастурбация с одним из учеников. Какие либо другие извращения отрицает. 20 лет начало нормальной половой жизни. Как *libido*, так и *potentia* нормальные. В течение 20 лет случайные связи, иногда более длительные. Никаких венерических заболеваний. В перерывах, при отсутствии женщин мастурбация. Несколько раз взаимная мастурбация с мальчиками. 40 лет женился. С женой прожил 8 лет. Жил хорошо. Имел одного ребенка. Половая жизнь протекала нормально. Изредка — мастурбация. После смерти жены последние 4—5 лет заманивал с улицы мальчиков в возрасте 12—16 лет и их мастурбировал. Какие либо другие извращения отрицает. За это был привлечен к ответственности и осужден на 2 года условно.

И в этом случае, так же как и в предыдущем, механизмы совершенно ясные. С одной стороны, дефектная личность, с другой ранние детские перверсии, которые накладывают отпечаток на всю дальнейшую сексуальную установку. Здесь не приходится говорить о каком либо биологическом гомосексуализме. Дело гораздо проще. И этот случай также подтверждает инфантильную природу такого рода механизмов. Сам Щ. рассматривает это, так возвращение к удовлетворению детских лет («Побаловался, как в детстве»).

Изучение психологии слепых показывает значительное распространение среди них перверсий. К р о г и у с говорит: «Половое чувство ищет удовлетворения и часто идет по кривым путям. Значительная отрешенность от внешнего мира, замкнутость, сосредоточенность в самом себе, часто заставляют слепого обращать усиленное внимание на свое внутреннее состояние, на свои органические ощущения, и это обстоятельство часто обуславливает повышенный интерес к половой жизни. В том же направлении дей-

ствует и малая физическая подвижность и сидячий образ жизни слепого».

Специальное изучение половой жизни слепых показало широкое распространение среди них онанизма, встречались также гомосексуализм (среди женщин), фетишизм, мазохизм. Вообще отмечается склонность слепых к мазохизму и чуждость их психике садистических компонентов.

«В большинстве случаев онанизм является следствием невозможности удовлетворить половое влечение нормальным образом», говорит К р о г и у с.

Этот случай показывает, насколько сильно идет процесс отгорожения от внешнего мира у людей с теми или иными недостаточными механизмами. В данном примере, отсутствие зрения лишает суб'екта полноты переживаний, внешнего опыта, обращает его (суб'екта) на путь углубления в себя, шизоидизирует его. И естественно, что одна из нитей, которые соединяют его с внешним миром, также складывается несколько необычно: удовлетворение своих половых влечений идет по линии психо-сексуального инфантилизма. Здесь возвращение к этим ранним ступеням соответствует той цепи отношений с окружающими, какая складывается у Щ. под влиянием слепоты: более высокое удовольствие — наслаждение глазами — заменяется ошупыванием, притрагиванием и, наконец, мастурбационными актами. А в силу своей отгороженности, в силу ухода в себя, произвольно рождается своеобразная нарцисстическая установка, при которой часть *libido* обращается на себя и объект либидинозных желаний отождествляется с самим суб'ектом (гомосексуальная установка).

Эти пути травматизации психики, ее шизоидизации, остающиеся здесь в пределах конституциональных и характерологических особенностей, могут принимать уже явные размеры инвалидизации психики, размеры болезненного прогрессивного процесса в форме шизофрении.

И в следующем случае, где речь будет идти о таком прогрессивном душевном заболевании, все указанные выше и подчиненные у Щ. механизмы ставятся в центре, располагаются на переднем плане.

Еще К r a e p e l i n в своем учении о *dementia praecox* (раннее слабоумие) отметил, что некоторые формы этой душевной болезни встречаются в сочетании с гомосексуальными установками. На частоту сексуальных правонарушений у шизофреников указывает K r e t s c h m e r. У лиц, где на лицо мы наблюдаем систематизацию бреда с построением его вокруг собственной личности, с поднятием последней до высот недостигаемости и недоступности для окружающих, по замечанию Freud'a, гомосексуальные перверсии являются выражением защиты таких больных от действительности. Приводимый нами ниже случай как раз и свидетельствует об изложенном. Нарциссизм, который столь характерен для такого рода больных, целиком затопляет личность и все ее интересы, и

в попытках последней прикоснуться к действительности этот нарциссизм играет роль трансформатора всего окружающего по точному образу и подобию субъекта.

Вот эта-то всеобщность индентификации всего с собой и является главнейшей основой гомосексуальных перверсий в некоторых формах шизофренического процесса. Здесь механизмы гомосексуальных влечений особенно ясны.

Б-ин, Ал-др Макс., 29 л., холостой, член профсоюза, со средним образованием, по профессии счетовод, служащий одного из текстильных трестов, обвиняется в том, что пытался в мусорной яме на Миусской площади в Москве изнасиловать рег гестим беспризорного мальчика лет 12—13. Дело происходило поздно ночью в первых числах октября 1926 года. Б. возвращался из гостей — Пьяным не был. Заметил на ступеньках недостроенного собора мальчика и спросил его, зачем он здесь лежит. Хотел было предложить пойти к нему на квартиру, но раздумал и повел мальчика к мусорному ящику, чтобы показать место ночлега. Вместе с мальчиком забрался в ящик. Милиционер, стоявший на посту, услышал детский крик, доносившийся со стороны ящика. Через несколько минут к нему подбегает мальчик, который заявил, что уходящий дяденька пытался его изнасиловать и предлагал деньги за это. Б. был задержан. Свою попытку объясняет желанием указать мальчику место ночлега, т. к. у него на квартире места нет, а парадное дома, где он живет, запирается на ночь.

Б. о своей жизни передает целый ряд замечательных вещей. Так, он с детства отличался особенной склонностью к филофствованию. В период полового созревания его занимали мысли о мироздании, проблемы жизни и смерти. Увлекался идеями попов и факиров. Приучал себя к страданиям, колол себе руки, ходил без шапки. В школе его называли «философ». Лет 12-ти начало пробуждаться половое чувство. Во время игры в «докторов» ощутил эрекцию. В 14 лет несколько мастурбационных сеансов. 18-ти лет первый coitus. К извращениям никогда не чувствовал никакой склонности. Половым вопросом интересовался. Прочел Крафт-Эбинга, Фореля и др. С 1923 г. после военной службы он на должности счетовода. В 1924 г. в кружке политграмоты предложил написать на тему «что является двигателем человеческой культуры». Реферат по прочтении возбудил, по словам Б., живейшую дискуссию, — которая в течение нескольких последующих дней не прекращалась.

Вокруг него собиралась кучка людей и оживленно обсуждала блестящее выставленные Б. положения. После этого Б. чувствует особый подъем энергии. Он добивается разрешения прочесть лекцию о своей теории мироздания. Пускается в «литературные работы», занимается изобретательством. В 1925 году пытается «разоблачить» директора треста. Пишет бесконечные корреспонденции и в ревизионную комиссию треста, и в газеты. Ходит по всяческим инстанциям, добирается до секретариата Томского. Чувствует себя в это время каким-то особенным человеком, долженствующим перевернуть страницу человеческой истории. У Б. особая теория: подобно тому, как человечество переживало эпохи Перикла, Наполеона, наконец, в последнее время эпоху Ленина, подобно этому должна в жизни человечества наступить эпоха, которая будет названа его, Б., именем. Он, Б., несет человечеству новые скрижали завета, раскрывает невиданные горизонты. На проверку, при беседе с Б., легко убедиться, что за пышными фразами, за внешне логичными сравнениями не таится никакого содержания. Банальность, обрывочность, убогость мыслей, пестрая мешанина из клочьев и кусочков чужих, ходячих идей — вот что, собственно, со-

ставляет эпоха, которая будет именоваться Б-ой. Но Б. неколебим. Он считает себя в праве состязаться даже с Шекспиром. Он сравнивает себя с Макбетом. Ему Б., чтобы выйти в люди, овладеть властью необходимо сделать из ряда вон выходящий поступок и тем обратить на себя внимание. Так, впоследствии, он и объясняет свое правонарушение. Ему уже кажется, что суд нарочно обставят показательно, чтоб загнать его в психиатрическую больницу, либо подальше в тюрьму, лишь бы не давать простора пышному цвету его творческих усилий. Но он, Б., на то и отмечен особо судьбой, чтобы разбить эти кующиеся против него цепи, чтобы блестящей речью на суде дать понять, кто перед судом — пусть содрогнутся от этой речи.

За год-полтора до описанного состояния Б. переживал весьма своеобразные состояния одновременного ужаса и страха, которые сопровождались мгновенным окаменением. Эти состояния возникали внезапно и были подобны припадкам (кататонические состояния).

Перед нами душевно-больной человек, которому так и не удалось произнести на суде блестящей речи, долженствовавшей опрокинуть все устои и на развалинах воздвигнуть знамя новой эпохи. Болезненный процесс Б. характерен импульсивно прорывающимися акциями в жизнь, которые прорубаются подобно колодцам. Все, что выходит за рамки интереса Б., все это зашито в стену отгороженности; все, что так или иначе имеет отношение к этим интересам, — все это перестраивается по линии служения Б., подчиненности его правящей воле. Нас здесь занимает не клиническая картина данного болезненного состояния, хотя ее целиком никак нельзя выключить, а механизмы его, приведшие к правонарушению. У Б. первая судимость. Его правонарушение целиком связано с болезненным процессом. До этого мы видим, как разрушающаяся личность начинает проявлять себя в социальной проекции в виде сутяжных действий. Его не удовлетворяет директор треста. Он должен «разоблачить» директора. Его не удовлетворяет все нынешнее строительство. Он хочет внести в него свою поправку. Своим приятелям он пишет письма, исполненные пророческого пафоса, воздвигает сам для себя трамплин, с которого он покорит весь мир. Несмотря на свою суетливость, на бесконечный порыв (правда, парадоксальный) в отдельные куски социального потока, несмотря на роль социального реформатора, водителя всего человечества, Б. не замечает, не видит, не ощущает людей. Он весь внутри себя, весь озарен пламенем, которое вспыхивает из глубин его больной психики.

И одна из вспышек, как и прочие, импульсивно возникшая, приводит его в конфликтное состояние с обществом. Он полон героической мечты, эта мечта плещется за края его личности, все шлюзы открыты, все заторы сломлены. А между тем он ходит, как и прочие смертные, по земле, и никто, решительно никто не видит, не замечает, что рождается новое, великое, величайшее. Нужен удар по тупым головам, удар оглушающей силы — тогда быть может раскроются глаза у всех, и Б. встанет в величии славы и власти. Таков путь самоутверждения Б. Отсюда

идут токи самоудовлетворения, отсюда идет утверждение и пафос существования. Вот почему гомосексуальная инверсия здесь полностью обуславливается всей ситуацией, в какую Б. попадает.

III.

Изнасилователи.

Если предыдущая группа, в общем довольно пестрая и разнообразная психологически и психопатологически, в генезе своих правонарушений, как мы видели, выросла в общем и целом из диссоциации между *libido* и *potentia*, из своеобразного конфликта между биологическим «хочу» и биологическим «могу», то иные пути ведут к раскрытию пружин в группе изнасилователей. И здесь можно найти в корне также механизмы диссоциации, но совсем иной диссоциации. Здесь нет и не может быть ни понижения *libido*, ни ослабления *potentia*. Ибо достаточно было бы одного из этих моментов, чтобы не могло возникнуть и самого правонарушения. Конфликт здесь теоретически возникает «там, где механизмы, регулирующие влечения, в недостаточной мере функционируют» (K e t s c h m e r). Здесь в отличие от предыдущего расхождения получаются между биологическим «хочу» и психологическим «могу-ли», вместо которого, собственно говоря, должно было быть поставлено «нельзя». Другими словами, естественно искать объяснение механизма данного правонарушения в повышении *libido* при слабости волевых задержек. Быть может, далеко не везде можно проследить наличие именно таких механизмов, но с теми или иными поправками — эту концепцию можно принять в качестве рабочей схемы. Совершенно очевидно, что применение этой схемы возможно лишь на основе современных теорий полового влечения. Мы не будем останавливаться здесь на этих теориях полового влечения, так как это чрезмерно расширило бы рамки нашей работы. В основных своих чертах эти теории получили достаточно широкое распространение.

Чрезвычайно выпукло определяет изнасилование L e n t z: «Изнасилование выявляет наружу перевозбуждение, при котором полностью отказываются от добровольного участия полового партнера и находят удовлетворение в физиологическом оргазме. При этом применение силы действует... усиливающим возбуждение образом».

Яркой иллюстрацией высказанного ранее положения, где конфликт между «хочу» и «нельзя» получает свое наиболее выпуклое выражение является следующий случай:

В-ов, Анат. Вас., 24 л., по его словам бывш. студент Политехникума в Ленинграде. 12-ти лет он бежит на фронт империалистической войны, но был пойман и возвращен обратно. В 1917 году он поступает в отряд. В 1918 г. он уже на фронте гражданской войны, где в 1919 г. получает ранение в левую голень шрапнелью. Работает далее по продовольственным отрядам до 1922 г., когда

переходит в Туркестан на работу в Угрозыск, сопряженную с борьбой с туземным бандитизмом (басмачеством). Попадает, будто бы к последним в плен, где был истязаем тяжело в течение 7 дней. Вырывается из плена, и тогда у него появляются припадки, сопровождающиеся командованием, криком и судорожными движениями. В. уверяет, что во время таких припадочных состояний у него сознание затемняется. Наблюдение же за ним, во время такого припадочного состояния, устанавливает ряд признаков (живую реакцию зрачков, целевые движения в припадке, впадение в него под влиянием определенных внешних агентов и т. д.), исключающих возможность затемнения сознания и устанавливающих истерическую природу их происхождения. После всех перипетий Туркестанской жизни и работы направляется в Москву для лечения. Здесь поселяется в пригородном, дачном месте и живет совместно с женой.

Половая жизнь начинается у него с 18 лет. Успел переболеть сифилисом и гонореей. Курит с 12 лет. Пристратился к наркотикам и, в частности, к кокаину.

Дело, по которому он, В., привлекается к ответственности рисуется в следующем виде: в воскресенье, 5 июля 1925 года, он с женой, возвращаясь под вечер домой, встречает приятеля в кампании 3-х неизвестных ему барышень. Бросает жену, приказывая ей «смотреться домой» и уходит со встретившейся компанией гулять. Уговорились покататься на лодке. В. выбирает удобный момент и усаживается с одной из барышень в лодке, а приятель его с двумя остальными в другой. Когда другая лодка пристала к берегу, В., несмотря на протесты спутницы своей Нины К., погнал свою лодку дальше и, пристав к берегу, предложил К. отдаться ему. Когда В. в этом было отказано, он повалил К. на траву, избил ее и изнасиловал. Сел вместе с ней в лодку и, когда пристал к берегу, вновь изнасиловал ее, предварительно ударив ее несколько раз по лицу. Наконец, провожая ее до дому, В. в третий раз изнасиловал К. Нужно отметить, что Нина К. еще недоразвитая девушка, с некоторой умственной отсталостью и малой развитостью, как с физической, так и с психической стороны. В. уверяет при объяснениях о деле и обстоятельствах его, что ничего не помнит, кроме удара, которым будто наградила его Нина К., вызвавшего, будто бы, припадочное состояние. На этой малоубедительной версии (это прекрасно понимает и В.) он стоит довольно упорно. Чрезвычайно любопытны некоторые черты его характера: В. холодный, расчетливый человек со скрытой эмоциональной жизнью. Он рассчитан в каждом своем движении, несколько театрален, играя перед слушателем роль героя гражданской войны.

Его припадки служат вещественным доказательством его несомненного геройства. Он вправе рассчитывать на особое и исключительное внимание со стороны всех, кто вокруг него. В. лично вырвет у Семашко право на лечение. Больших трудов стоит сбить его с позиции самоутверждения таким путем в жизни. Кто бы ни вошел с ним в соприкосновение, будь то врач, тюремное начальство и т. п., — все пигмеи по сравнению с ним, В. Эти «шкеты» должны быть довольны уже одним тем, что В. изволит к ним обращаться. А что касается дела, то из-за паршивой «шмары» он страдать не желает и требует, не просит, а требует комиссии. Среди заключенных он, В. играет роль своего рода Барбье д'Оревилюи. Он законодатель поведения, устроитель дебоширства, организатор буйств, которые спорадически прокатываются по камерам, удушливой злобой сжимая горло заключенным. При всем этом В. не снисходит до заключенного, его «аристократическое» одиночество дает ему массу удовлетворения, хотя бы на минуту воздвигая для его личности сказочную эстраду, на которой В. безусловно царит над всеми

Травматизм разукрашивает то основное, что в психике В. заложено и предуготовано биологически. Если его холодность, эгоцентризм, страсть к бродяжничеству были характерны для В. в период до 1922 г., то после работы в Туркестане он получает извнеподкрепление этих черт. И правонарушение, исключительное по своей холодности и жестокости, далеко не банальное по своей настойчивости, уснащенное садистическим упоением холодного субъекта над беззащитностью попавшейся ему жертвы, идет коррелируясь с этим стержневым содержанием его психики. Ему обязаны отдаться все, кого он изберет или захочет. И если тут он, В., встречает сопротивление, то оно должно быть сломлено во чтобы то ни стало. Нет преград хотениям В.: жену он заставляет «смотреться» домой, приятеля устраивает в лодке с его двумя спутницами, а сам предусмотрительно выбирает почти дебилку Нину К. (меньше хлопот будет) и устраивается так, чтобы посторонние не мешали ему.

Birnbaum как раз и отмечает эту холодную расчетливость у психопатов с повышенной самооценкой, с уходом в свои «сады и дворцы», с экспансией наружу то в виде импульсивного характера антисоциальных поступков, то в виде методического и глубокого взрывания норм действительности, которые начинают их давить своей сложностью и чуждостью.

Для контрастного противопоставления описанному характеру насильника чрезвычайно интересно будет просмотреть еще одну попытку на изнасилование, но совершенную уже больным человеком, под влиянием бредового воздействия на механизм поведения.

Ч.-ов, Мих. Алекс., 24 лет, крестьянин, занимавшийся ниществом. В школе он учился плохо, «ничего не понимал». После неудачных попыток устроиться на какой либо работе у себя в деревне, начал бродяжничать и побираться по окрестным деревням. В 1919 г., поступает в Красную Армию. Во время переброски на польский фронт заболевает тифом, после чего получает длительный отпуск. Затем направляется в Кронштадт, где «состоит при лошадях». Дальнейшее прохождение им военной службы крайне несложно: он перебрасывается все время на работы обслуживающего характера, — то в банный отряд, то в бельевой, то на кухню и т. д. В 1922 г. вернулся к себе в деревню и возобновил свое нищество. Побираясь, уходил далеко, по несколько дней не бывал дома. Окружающие относились к нему насмешливо, обзывая «глухим дураком».

Половая жизнь: с 13 лет он мастурбирует, с женщинами дела не имел, «не обращает на них внимания». В 1923 году однажды вечером две девушки-односельчанки стали с ним заигрывать. Одна из них, Дуся, хотела, чтоб Ч. ее поцеловал. Такого желания у Ч. не было, и Дуся, чтобы раззадорить заявила, что у него нет должн. быть члена. Ч., в ответ обнажил свой репёс. Дуся же, удалив свою подругу, предложила ему иметь с ней половое сношение. Но Ч. «сердце не пускало». Он молчал, а девушка ушла. Недели 2 спустя та же девушка, как то встретившись с ним, предложила Ч. пойти с ней помочь ей помыться. Ч. опять таки молчал. Девушка ушла, но потом повернулась к Ч. лицом и что-то прошептала. Слов Ч. не слышал, но он догадался, что Дуся произнесла: «он меня наверное не любит». На другой день Ч. посылает девушке любовную записку (писал, будто видел ее во сне: они вдвоем собирали в лесу ландыши и целовались). Дуся, по рассказам относившего любовную

записку, разорвала письмо. После этого Дуся, проходя мимо избы Ч. заглядывала в окна, а уже в 1924 г. Ч. слышал, как та же Дуся сказала одному пареньку: «влюбилась в Мишу, чуть не отравилась». Около того же времени у Ч. появляются слуховые галлюцинации. Он слышит голоса, которые говорят ему, что «его ищет какая-то жидовка». Слышит голос этой жидовки, доносящийся из Москвы. Она говорит, что его, Мишу, надо из села прогнать, манила его к себе для полового близости. Голоса, какие слышал Ч. были самые разнообразные, равно как и разнообразны бывали цели разговоров с ним и дальнейшая судьба Ч. То его искали комсомольцы, то какой-то черкес, то «скорая помощь», чтобы в санитары взять, то коммунисты, то фашисты, чтобы выпороть и т. д. Однажды слышал голоса, которые связывали его судьбу с судьбой Дуси: слышал будто придет за ними «скорая помощь» и отвезет их в «любительский дом». Иногда эта же Дуся выговаривала ему, зачем он курит, тратит деньги и т. д. (конечно, также в порядке галлюцинаторных переживаний). Встречаясь с Дусей на улице, отводил от нее глаза, точно не замечал ее; чувствовал стеснение и смущение. Неотступное влечение к Дусе, связанное с резкой силы половым возбуждением, голоса о ней, ее голос — тяготили Ч. В голову стала закрадываться мысль о том, что путем полового общения с любой женщиной он избавится от безнадежной любви к Дусе. Как то осенью 1925 г. в лесу пытался изнасиловать девушку, собиравшую хворост. Но та закричала и убежала от него.

Свое преступление, которое произошло 2 апреля 1926 года Ч. прямо объясняет желанием избавиться от тяготившей его любви к Дусе. Вот как было дело: около 5 ч. веч. Ч. шел на станцию, чтобы ехать в Москву. По дороге, которая проходила лесом, встретил молодую женщину с узлом. Заговорил с ней; пошли вместе. По дороге повстречались сани. Один из сидящих в санях мужчин, как показалось Ч., подмигнул ему, как будто говоря: «валяй ее». Ч. решил действовать. Оглянувшись кругом и не видя никого, Ч. предлагает своей спутнице иметь с ним сношение. Та испуганно запротестовала. Ч., несмотря на протесты, подножкой повалил спутницу на снег, с целью изнасиловать. До coitus'a дело, однако, не дошло, потому что у Ч. было ejaculatio praecox. Оставив женщину, Ч. побежал в сторону, желая скрыться, но его задержал красноармеец, пустившийся за ним в погоню. Ч. был арестован. В тюрьме он однажды был изнасилован 4-мя своими соседями. Опять слышал разные голоса, в том числе голос, который требовал от него гомосексуальных общений.

В описанном случае мы несомненно имеем дело с душевно-больным. Трудно предположить, чтобы именно с 1923-24 года Ч. был болен. Процесс, видимо, начался гораздо раньше. Но, как это довольно часто бывает, у дебильного и отсталого от природы человека процесс течет вяло и медленно (Homburger, Гуревич и др.). Раннее слабоумие (в виде propfschizophrenia), с которым мы имеем дело в данном случае, очень часто сопрягается с целым рядом сексуальных не порядков. И иногда в «ключевом» переживании, которое нередко кроется в акте самого правонарушителя, болезненная форма психики, вся ее уродливость раскрывается убедительнейшим образом.

Если сопоставить случай Ч. со случаем В., то, как нам кажется, обнажатся кой-какие механизмы, присущие определенному типу насильников. У Ч. мы можем наблюдать чрезвычайно сильную и яркую окраску в сексуальные эмоции его галлюцинатор-

ных состояний. Отсюда мысль, что через насилие можно освободиться от неотступной любви девушки Дуси. Основной тон галлюцинаций Ч. это сексуальный зов. К нему присоединяются еще и другие, но не они доминируют. Влечения Ч., сексуального ряда, главным и основным образом, символизируются в виде какого-то моноидеистического устремления к Дусе. Высвобождение из под власти этих влечений — вот что обозначает собой правонарушение Ч. Обозначает, но не исчерпывает. В акте насилия, в желании с женщиной избавиться от любви, у Ч. действовали еще и механизмы сверхценной защиты себя. Вот это то последнее и роднит Ч. с ранее описанным В.

И там и здесь, при условии глубокого различия и полярности в исходных моментах правонарушения, мы находим общее в механизме самого анти-социального акта. Поведение, в виде изнасилования, у Ч. и у В. почти одинаково. И оно характеризуется импульсивным или рядом импульсивных актов, во время которых само влечение (*die Triebe*), получает непререкаемую и самодержавную власть над всем психическим комплексом. Холодная расчётливость В. и колодезеообразная устремленность Ч. сближают в своих механизмах формы определенного рода психопатии с формой болезненного процесса. Там, где в силу тех или иных биологических перемещений, происходят сдвиги в психическом аппарате, там влечения облачаются в форму непосредственных актов антисоциального поведения. Конфликтное поведение таких людей идет как раз по линии овладения ситуационными обстоятельствами, будет ли это только попыткой или актом, ставшим реальностью. Этот процесс самоутверждения характерен именно для насильников, которые в процессе становления своего «я» неизбежно должны топтать чужое «я». Проблему выявления личности во вне все они разрешают почти по сходственным механизмам поведения, хотя и далеко уходящим друг от друга по истокам своим. У одних проекция себя во вне идет через отгороженность, холодную расчётливость, жестокое вырывание из действительности ключев самоудовлетворения. У других — прокладывание ложных дорог самовлюбленного обмана.

Между этими двумя полюсами насильников — холодной расчётливости и отгороженности и экспансии влечения, прорывающего все загородки и плотины, — располагаются промежуточные, смешанные типы, которые в своих анти-социальных актах все же выявляют ту же картину поведения, только лишь в более смягченных тонах. Так обстоит дело, когда мы встречаем среди изнасилователей те или иные формы душевного заболевания или больные характеры. Однако таких меньшинство. Это все материал Института Судебно-Психиатрической Экспертизы, и вполне понятно, что сюда попадали люди, внушающие следственным властям сомнение в состоянии своего психического здоровья. Поэтому этот институтский материал создает аберрирующую картину.

Другая картина, когда знакомишься с тюремным материалом. Как мы увидим дальше, здесь личность правонарушителя в подавляющем большинстве остается в пределах нормы, и лишь редко можно отметить сколько-нибудь серьезные расстройства. Зато тем больший простор мы находим здесь для социальной психопатологии.

Мы уже указывали выше, что в отличие от западной статистики, мы имеем у нас резкое преобладание этого вида сексуальных правонарушений. Прав немецкий судебный работник Вагтгольмаус, который говорил, что «насилие есть остаток старой культуры». Несомненно это есть та же проекция нашей культурной отсталости, что и хулиганство. Недаром одна из разновидностей—групповые изнасилования—выросли из волны хулиганства.

При изучении многочисленного индивидуального материала убеждаешься, насколько подавляющее большинство правонарушений вырастают из быта. И отнюдь не будет преувеличением сказать, что стираются индивидуальные черты правонарушителя, и вырастает единый обобщенный его портрет. Трудно сказать даже, что здесь можно приложить намеченные выше механизмы. Здесь, как правило, нет высокого напряжения *libido*, точно также, как нет и вообще сколько-нибудь ярко окрашенных сильных влечений. Здесь, конечно, никогда не найдешь такой картины, как в первом случае Б-ва, где влечения властвуют над всей психикой и определяют всю душевную жизнь человека. Здесь все проще, элементарнее.

Вот: К., Петр Ив.,

17 лет, крестьянин Клинского у.

Родился от болезненных родителей. В детстве развивался без каких либо заметных для его среды задержек, ребенком был живым, шаловливым. Учился в сельской школе. Умеет читать, писать. С 12 лет работает по крестьянству. С 16 лет алкоголизм до полубутылки на двоих, довольно часто. Половая жизнь незадолго до правонарушения. По характеру ровный, общительный, не прочь иной раз поозорничать. Интеллектуальный уровень очень низок. Никаких культурных интересов не обнаруживает; в окружающей общественной жизни разбирается слабо. Интересы в узко деревенском семейном кругу. Обвиняется в том, что совместно со своим товарищем С. изнасиловал одну деревенскую девушку 19 лет. Несмотря на то, что прошло полгода со времени суда — продолжает отрицать свою вину, объясняя, что все было совершенно по взаимному согласию. И лишь когда об этом узнала ее мать, и в ответ на требование жениться оба парня ответили отказом, только тогда был дан ход делу.

Другой случай:

А., 18 лет, крестьянин Владимирской губернии. В детстве нормально развивался. Окончил успешно сельскую школу. Рано начал помогать по дому. С крестьянской работой справляется легко. Алкоголизм отрицается. Половая жизнь за год до случившегося, в пределах нормы. По характеру: живой, веселый, общительный, с твердой трудовой установкой, с достаточными культурными запросами. Правонарушение (изнасилование соседки) отрицает. Связь их была по согласию, а дело возникло исключительно вследствие ее желания заставить его жениться.

Не вдаваясь в степень достоверности их версии в данных случаях, мы однако можем сказать, что несомненно такие возможности вполне вероятны. Низкий уровень правосознания среди широких масс приводит, с одной стороны, к правонарушениям описанного характера, с другой же стороны нередко случаи возбуждения дела именно из целей, приведенных правонарушителями, так как в широких массах распространена уверенность, что любую жалобу можно взять назад и любое дело прекратить. На такие факты мы находим неоднократные указания у судебных работников. И недаром мы нередко можем найти в приговорах ссылку на то, что обвиняемый и потерпевшая уже состоят в браке.

Это отсутствие правосознания усугубляется значительной умственной отсталостью, характерной для подавляющего большинства правонарушителей (случай А. является редким исключением).

Вот еще один случай, тоже отнесенный нами к группе бытовых, но с наличием психопатических черт в характере, приоткрывающий некоторые механизмы изнасилования.

П., Ив. Кузм., 24 лет, крестьянин Ореховского у.

В детстве развивался нормально. Рос шаловливым, драчливым ребенком, всегда был груб, неуступчив. Учился в сельской школе, занятия шли успешно. С 12 лет работает по крестьянству. Вместе с отцом столярничал. 14 лет травма (удар железом по голове). Позднее многократные ушибы головы в драке. Алкоголь с 16 лет, регулярно большими дозами. Пил различные суррогаты: лак, денатурат, эфир. Пьянеет с бутылки сорокаградусной. В опьянении возбуждается в аффективном и сексуальном отношениях.

Отец — неумеренный потатор, также давал бурную реакцию — скандален во хмелю.

Половая жизнь с 14 лет. Libido резко повышено. В настоящее время женат, имеет двоих детей.

При исследовании обнаружено: по характеру — раздражительный, склонный к озорству, любитель подражать, похулиганить. С трудом может совладать со своими несложными влечениями. Круг интересов — узко крестьянский. без достаточной социальной уставки, к семье привязан. беспокоится о ней.

Осужден на 3 года за покушение на изнасилование. Обстоятельства дела таковы: будучи пьян, почувствовал сильное половое возбуждение, увидав сзади проходившую девушку, выскочил из-за угла с ножом в руках, надеясь испугать и овладеть ею. Но она схватила нож рукой, поранив при этом руку. У него тотчас прошло возбуждение, эрекция исчезла и он выпустил девушку. Будучи задержан по обвинению в вооруженном нападении, он чистосердечно сознался в мотивах нападения и понес наказание по ст. 169. Подобные нападения совершал и раньше с успехом. Никогда не думал, что овладеть женщиной под угрозой против ее воли это преступление.

Этот весьма яркий случай позволяет наметить ряд пунктов, чрезвычайно важных для уяснения механизмов изнасилования.

Еще Wulffen говорил, что в любом половом акте биологически заложен элемент насилия. Поэтому то мы выше указывали на важность при анализе изнасилования учета биологии полового влечения. И в приведенном случае эти этапы, по которым

проходит путь полового влечения до социально-опасного деяния раскрываются путем индивидуально-психологического анализа личности правонарушителя до конца.

Вспомним, что среди злостных хулиганов мы имели большой процент возбудимых и импульсивных психопатов, и это приводило нас к пониманию их правонарушений. Точно также в этом деле, выходящем своим истоками из хулиганства, являющемся его продолжением и завершением, мы встречаем старого нашего знакомого, хорошо изученного нами при наших работах над хулиганами. Это прежде всего человек инстинктов, раб своих примитивных влечений. На ряду с этим он возбудим, склонен к насильственным действиям. Внешняя проекция скрытых внутренних двигателей необычайно проста. Как пришел к своему правонарушению этот заботливый семьянин, отец 2-х детей? Центр тяжести не в *libido*, легко возбужденном большими дозами алкоголя. Несомненно, мы здесь имеем в основе глубокие садистические влечения. Еще у Krafft-Ebing'a, а позднее у Wulffen'a и M. Hirschfeld'a описывались садисты, которые иногда у партнерши не требовали *coitus'a*, а испытывали эквивалент его при виде крови своей жертвы. Сюда же относятся знаменитые «Джек-потрошители», «подкальыватели» и т. п. И вполне понятно, почему у нашего обследуемого пропадает возбуждение при виде крови. Эти садистические компоненты как нельзя более укладываются в единую стройную картину с его импульсивностью и возбудимостью, которые именно и влекут его от жены к первой случайно проходящей женщине.

На ряду с этим нельзя забывать и социально-бытовой стороны, ибо несомненно, что большую роль в возникновении этих правонарушений играют общие бытовые и культурные условия нашей деревни, где отсутствие здоровых развлечений заменяется «посиделками» со своеобразным далеко идущим «флиртом», общая легкость нравов деревенской молодежи, находящая отражение в современных частушках. Неизжитой еще, веками вросший в сознание взгляд на женщину, как на вещь, как на самку, которая должна удовлетворять желания мужчины — самца, взгляд, с таким трудом рушащийся под напором советской общественности.

При таких условиях редко, где можно искать глубоких психологических мотивов. Правонарушения в одной части, по крайней мере, вырастают непосредственно из быта, где стираются границы между дозволенным и наказуемым. И в этом отношении для каждой группы характерны свои механизмы. Так, в городе мы имеем совсем другую картину, которую проиллюстрируем одним из случаев:

Г-ин, Ник. Георг., 21 г., питомец воспитательного дома, родителей не знал, воспитывался в Тульской губ. Попал в хорошую семью, где относились к нему как к родному. С этой семьей сохранил связь до последнего времени. Учился несколько лет в сельской школе, занятия шли успешно, память была хорошая. Рано стал помогать по хозяйству. В голодные годы уехал в Москву и поступил в чай-

ную, там прожил два года, с работой справлялся, отношение было хорошее. Потом уехал в деревню, а после этого служил меньше года в Орехове на железной дороге. Оставил работу, возвратился в чайную, но там не долго прослужил. Бросив службу, решил заняться торговлей. Стал торговать старьем и случайными вещами. Дело пошло успешно, хорошо зарабатывал. Появилось стремление хорошо одеться, шил много костюмов, любил покутить. Свободное время проводил на бульваре в обществе проституток.

При исследовании никаких уклонений от нормы не найдено. По характеру быстрый, живой, активный, общительный, самоуверенный.

Дело, по которому он был осужден, заключается в следующем. в июне прошлого года он был арестован по обвинению в бандитизме и просидел под арестом около 3 недель. Alibi было доказано его хорошей знакомой К-ой вместе с подругой С-ой и ее знакомым С-ым. В благодарность за это Г. решил угостить их всех. Всю ночь он провел вместе с К-ой. Г. был возбужден и пытался овладеть 17-летней К. Однако та упорно отказывалась отдаться ему, и наконец предложила ему привести С. (16 лет), за что Г. дал К. 40 руб. Когда вся компания собралась, они стали подпавивать С., которая сперва отказывалась пить. Когда ее напоили К-ва и С-ов ушли, заперев их в комнате К. После этого Г., пользуясь состоянием сильного опьянения С., изнасиловал ее.

Для раскрытия механизмов этого правонарушения лучше всего процитировать приговор Губсуда:

«Г. года три тому назад работал на железной дороге и зарабатывал 30 р. в месяц. В свободное время работал у дяди по огороду и сенокосу под Москвой, за что бесплатно пользовался столом. Не имея семьи, заработок по службе мог тратить на себя. Однако трудовая жизнь Г. не улыбалась, он стремился к легкой наживе и кутежам с женщинами. Средства кутежей не позволяли, и Г. решил уйти из трудколлектива жел.-дорожников. Г. ушел и стал торговать в разнос. Заработок уходил на пивные и рестораны (он их знает на перечет) и проституток. Проводя жизнь таким образом он к сегодняшнему дню укрепился во взгляде, что любую девушку, достигшую 16 лет, можно ему иметь, если он того захочет. Таков Г. после 3-х лет торговли и жизни на улице; одет чисто, с претензией нравиться».

Несомненно это продукт уже городской среды, из которой комплектуются кадры сутенеров и прочего темного элемента, и в этом отношении нельзя не согласиться с несколько наивной формулировкой приговора.

В этом несомненно резкое отличие этого случая от обычных бытовых деревенских изнасилований.

От него, стоящего уже на грани преступного мира, прямой путь к сексуальным правонарушителям с криминальным прошлым, правонарушения которых раскрываются в особых, именно им свойственных механизмах.

Ш., Евг. Фед., 17 лет, задержан 17-го июля 1923 г. за ряд вооруженных ограблений, убийств и изнасилование.

Родился в семье зажиточного ломового извозчика — запойного пьяницы. С раннего детства шаловлив, часто подвергался наказаниям за драку. Учение давалось легко, хотя был очень ленив. По окончании школы в 14 лет, помогал отцу по извозному промыслу. В 1919 г. за хулиганство (стрельба в парке) приговорен к 1 г. тюрьмы, но скоро освобожден. В возрасте 14½ л. первая кража — вывели с товарищами продукты из столовой. Деньги

тратил на удовольствия. Проснулось стремление к женщинам. В течение последующего полугодия участвует в вооруженном ограблении на железной дороге. Пойманный, приговорен к 6 годам заключения. Через 2 года освобожден. Дома ничем не занимался. Случайно задержанный МУР'ом предпочел скрыться, и с тех пор живет на нелегальном положении. Занимается вооруженными грабежами, которых совершил 11. Один раз, при сопротивлении жертвы, убил. Грабил в Петровско-Разумовском, выслеживал приезжавшие парочки, при совершении теми coitus'a нападал на них и грабил. Один раз застав пару en flagrant, когда мужчина убежал, он «не устоял» и изнасиловал оставшуюся женщину. Клиническое наблюдение обнаружило неустойчивость настроения, повышенную впечатлительность. Он весел, мягок, доступен. Склонен к бравade, хвастовству. К семье привязанности не проявляет. К отцу враждебен.

Второй случай формально шел по ст. 166. Однако, в данном случае это является по сути дела совершенно случайным признаком, почему мы и объединили его в одной группе с предыдущим.

К., Авр. Фед., 20 лет.

До 15 лет в деревне, рос в хорошей семейной обстановке. Рано подпал под дурные влияния. 8 лет начал курить и часто выпивать до пьяна. 13 лет стал алкоголиком. 14 лет начал половую жизнь, посещая в бытность в городе разные притоны. Кончил 2-ю ступень и вопреки желаниям и просьбам родителей поступил юнгой на пароход. Чувствовал себя очень удовлетворенным. Сразу стал своим человеком, был неизменным собутыльником во всех кутежах, «отказа не было ни в чем», разбивали винные складки, сажали на пароход беженки и внутри устраивали оргии. 17 лет заболел гонореей, испытывал отвращение к женщинам. Многочисленные кратковременные связи. В 1924 г. вернулся в деревню. Начались резкие нелады с семьей, однажды даже стрелял в отца. Уехал в город, получил хорошее место, азартно играл в карты, стал шулером. Принимал участие в вооруженных грабежах, в свое время необнаруженных. В один из приездов в деревню сделал попытку изнасиловать 10-летнюю девочку.

При клиническом наблюдении найдено: приросшие мочки, высокое небо, нерезкий левосторонний сколиоз.

Со стороны наследственности: алкоголизм в семье отца, преобладающая раздражительность.

В клинике быстро приспособился к работе, работает усердно, проявил хорошие моторные навыки. Многочисленные татуировки. Отличная осведомленность о жизни многих тюрем. Внушаем, лжив, эгоистичен, аффективная сфера неустойчива.

Часто возмущается, что его посадили из-за какой-то девчонки. «Какая же это свобода, если за какую-нибудь кражу или девчонку сажают. Раз свобода, каждый может делать, что хочет». На указания, что девочка может после этого вырасти психическим инвалидом, отвечает, что ему все равно, что с ней будет, если будет инвалидом — убить надо, чтобы места не занимала, а он из-за нее страдать не желает. Думать он не любит: «зачем думать, вот будет 40 лет, тогда и буду думать». Читать не любит. По уровню развития не соответствует окончившему вторую ступень. Общественная ориентировка его слаба, плохо усваивает структуру советского аппарата.

Мы выделили оба эти случая, ибо как мы могли видеть на нашем материале, так и на выводах Б. С. Маньковского, криминальный состав половых правонарушителей довольно благополучен. Тем больший интерес представляет детальнее разобраться

в картине, которую нам дают такие криминальные правонарушители. И мы действительно видим совсем иную картину. Преступление каждого из них является социальной проекцией их характера и в то же время порождением всей обстановки их развития.

У синтонного Ш. преступление носит своего рода «профессиональный» характер, оно связано с его специальностью, к которой он подходит со своеобразной артистической легкостью.

У тяжелого психопата К., который ближе всего к импульсивным, преступление точно также вырастает из его безусловно криминального прошлого и носит черты его психопатичности. Мы тем спокойнее объединили его с первым случаем, несмотря на ст. 166, что здесь случайно жертвой стал 10 летний ребенок. Здесь совершенно нет механизмов, какие мы видели у растлителей. Здесь точно так же могла стать жертвой взрослая женщина, подобно десяткам тех женщин, которые становились жертвой К. и его товарищей еще на Волге, безнаказанность за которые в значительной степени вызвала то понижение моральных представлений, которое К. обнаружил при изучении в клинике.

Все эти социально-бытовые и биопсихологические предпосылки, которые встали перед нами при рассмотрении всей этой, по своему разнообразной, группы изнасилвателей получают свое законченное и удесятеренное выражение в т. наз. групповых изнасилованиях, где к элементарным механизмам, намеченным выше, присоединяются еще сложные механизмы коллективного действия, массового вовлечения.

Г р у п п о в ы е и з н а с и л о в а т е л и .

Едва ли будет преувеличением сказать, что именно несколько случаев групповых изнасилований, имевших место за последнее время, и привлекли общественное внимание к половым преступлениям вообще.

Между тем, как это показал Б. С. М а н ь к о в с к и й в своей работе, число групповых изнасилований невелико. На 167 дел по ст. 169, прошедших через Московский Суд за 3 года имеется всего 33 приговора, где фигурирует не один обвиняемый. Однако и из этих 33 дел большая часть падает на дела, где имелось по 2 обвиняемых, которые нельзя считать групповыми в настоящем смысле. Таких же дел, где участников оказывалось по 5—8 было совсем ничтожное число. И тем не менее нужно признать, что центр тяжести тут лежит вовсе не в малочисленности этой группы половых правонарушений, а в их крайней социальной опасности.

Эта же группа половых правонарушений, характеризующаяся «коллективными» механизмами своего антисоциального акта, приобретает большой интерес и для психопатолога, который не ограничивается одними только «индивидуально-биологическими» рамками исследования личности правонарушителя, а стремится охватить последнюю и в ее социальных разрезах.

Можно ли предполагать, что механизмами такого рода правонарушения являются случайный «скоп» людей, ничем не объединяемых, элементы «наведения» (индуцирования), внушения (суггестии), подражательности и т. д., или, быть может, здесь дело гораздо глубже, и черты того или иного участника, его биологическая и социальная сущность играют не последнюю роль. Такие вопросы невольно встают при самом беглом и поверхностном знакомстве с обстановкой дела.

Нельзя, конечно, не упомянуть, что здесь, собственно говоря, как и в других случаях насилия «скопом», мы, по существу, коллектива не имеем. Вслед за Tansley мы можем дифференцировать от понятия «коллектив» понятие «толпы», как некоего социального агрегата, не связанного реальными нитями притяжения, а лишь сколоченного под влиянием выпяченных наружу влечений, временно цементирующих человеческие отдельности данной массы. Наперед можно заметить, что, конечно, попытки объяснить «коллективное» действие, какое мы встречаем обычно в групповых насилиях, однако только подражательными механизмами (G. Tarde) не могут выдержать напора фактов и являются явно недостаточными. Как бы мы не называли эти механизмы — подражательными-ли, суггестивными (Mc. Dougall) или еще какими, для нас все же останутся далеко неясными те причины, которые заставляют данных 10—15 человеческих отдельностей именно здесь и именно для насилия соединиться в какой-то социальный агрегат. Если для одних человеческих личностей элементы внушения играют несколько большую роль, чем для других, то отсюда еще вовсе не становится ясным, почему разной степени внушаемости людские отдельности социально сцепились во-едино, для одного и того-же анти-социального акта, почему, наконец, это социальное соединение происходит в момент отправления глубоко интимной биологической потребности. Стыд, который по мысли целого ряда исследователей является социальным организующим моментом, здесь, в этого рода правонарушениях вовсе отсутствует, больше того, заменен своим полярным выражением — озорством. И, тем не менее, социальная группа не разваливается, а сцепляется силою каких-то других притяжений.

Чтобы ответить на все эти вопросы обратимся к нашему материалу.

Из всех дел, в которых фигурировали более или менее значительные группы, нам удалось детально ознакомиться с тремя наиболее крупными и несколько более бегло еще с двумя делами. Всего по этим делам было изучено 15 человек.

Вот первое из этих дел, наиболее характерное; оно вырисовывается из приговора Губсуда в следующем виде:

Потерпевшая, Мария Н., 17 л., дочь портного, в начале лета 1926 г. вместе с родителями приехала на дачу в с. Буяково. Проживая в деревне, Мария Н. вместе с своей младшей сестрой и подругой принимала участие в деревенских гуляньях и играх моло-

дежи. Из показаний свидетелей видно, что Мария Н. была жизнерадостной девочкой и хорошего поведения. Заключение психиатрической экспертизы устанавливается, что бредовыми идеями и галлюцинациями не страдает, в умственном отношении несколько отсталая, способность суждений недостаточно развита. Материалами дела установлено, что, гуляя 20 июня (Троицын день) с обвиняемым по настоящему делу С-вым Василием, к которому Мария Н. относилась (вследствие его обещаний жениться) с некоторым расположением, Мария Н., несмотря на нежелание и оказанное сопротивление, была изнасилована С-вым и лишена девственности. После этого С-ов избегал Марии Н., стараясь с ней не встречаться. 27 июня С., боясь ответственности за совершенное преступление изнасилования и полагая, что при одновременной половой связи женщины с несколькими мужчинами беременность не наступит, подговорил нескольких своих товарищей, в том числе К-ина, К-на и К-ва, и гуляя того же числа около 11 ч. вечера с Марией, возле своего сарая неожиданно для нее набросился с ними на Марию Н. и затащил ее в сарай. Первым заставил ее иметь с ним половое сношение. Когда после насилия С-ва Мария Н. пыталась приподняться, С-ов обратился к стоявшим здесь К-ву, К-ину со словами: «валяй ребята», и на Марию набросился К-ов и также имел с ней насильственно половое сношение, К-кин и К-нин также совершили такое же насилие. Следствием установлено, что К-ным, после окончания полового акта были приглашены в сарай для полового сношения еще Т-ев, Р-ин, С-ов и К-ов; Р-ин в свою очередь позвал К-ого и кроме того в сарай пришел и З-ов. Все указанные лица также учинили насилие над Марией Н., совершив с ней половой акт. Материалами дела установлено, что Мария Н. после того, как на нее напали и затащили в сарай, и С-ов совершил над ней насилие, впала в беспмятное состояние, когда она моментами приходила в себя, ей накрывали лицо, когда лежала неподвижно, ее стегали крапивой по голым ногам, трогали руками по голому телу, когда другие насиловали.

Мария Н. в день совершенного над ней насилия находилась в менструационном периоде. С-ов и, по его примеру, другие зажигали в сарае спички и поднося их к половым органам потерпевшей, сопровождали это зрелище рядом насмешек и циничных выкриков.

Платками вытирали половые органы потерпевшей. Все это происходило почти открыто в присутствии сбежавшихся в сарай малолетних ребятшек, которые по примеру взрослых тоже хотели иметь половые сношения, но были отгоняемы взрослыми. Показаниями обвиняемых устанавливается, что С-ов, зачинщик и инициатор этого гнусного преступления, в этот вечер, в сарае, 2 раза набрасывался на Марию Н., дважды совершил половое насилие. Он же главным образом и стегал крапивой Марию Н. Два раза пытался иметь сношения и К-ин, но во второй раз не смог иметь.

Подсудимый Р-ин тоже пытался иметь второй раз сношение, но был сташен другим. К-ин и К-ов, лежа возле Н. во время совершения над ней насилия другими, били и трогали ее обнаженное тело.

Следствием установлено, что некоторые из подсудимых в частности Р-ин, Т-ев, З-ов до этого случая вовсе не знали Марию Н., как равно и она их. Кошмарные деяния в сарае были прекращены только с приходом матери потерпевшей, заставшей ее лежащей в сарае, почти в беспмятном состоянии и доставившей ее домой. Актом судебно-медицинской экспертизы устанавливается нарушение девственной плевы недавнего происхождения и наличие ссадин и красноты в области половой сферы, что исключает возможность добровольного полового сношения.

По этому делу нами было обследовано 5 человек, среди них главный инициатор С-ов. Все это, за исключением Р-ина, крестьянские парни в возрасте 17—20 лет (лишь один 23 л.) с нисшим образованием.

Важно отметить, что все обследованные нами 5 чел., за исключением разве Р., да и то частично, и поныне, т. е. после выхода из подследственного состояния, не осознают своего преступления. Все они указывают, что С-ов их приглашал в сарай, а потерпевшая Н. чуть-ли не предлагала себя самое им. Инициатор этого преступления С-ов уверяет, что крапивой-то он стегал Н., исключительно лишь из желания понудить потерпевшую скорей закончить и уйти, потому, дескать, что ребятишки вокруг возились со спичками, из желания подсматривать, и ему было боязно за целостность своего сарая.

И весьма вероятно, что в этом простодушном «объяснении» С-ова и остальных нет ни капли игры, желания избежать неприятных последствий совершенного ими поступка. Здесь на лицо недоосмысление всей обстановки, невозможность в силу предуготовленных особенностей их склада характера и интеллекта воспроизвести картину правонарушения во всех ее деталях, и, как в таких случаях бывает, желание рационализировать отдельные моменты, непонятные с точки зрения теперешнего состояния исследуемых правонарушителей.

Это недоосмысление окружающего, особенно в моменты, когда нужно и перед собой и перед обществом дать отчет в своем поведении, полностью сопрягается с общим низким уровнем умственного развития наших правонарушителей. Все они в той или иной мере дебилы (умственно отсталые). Все они не знают общественной жизни; их социальные симпатии и антипатии строятся на чрезвычайно низкой ступени; дальше чисто «стадных» инстинктов бродить толпой, толкаться на гулянках, похлестать вербой в Вербное воскресенье и т. п. они (эти социальные притяжения) не идут. И здесь мы несомненно имеем дело с тем, что под видом социальных инстинктов, а на самом деле их древнего рудимента — стадности, описал известный английский антрополог Rivers в своей работе «Консерватизм и пластичность», а затем развил в своем исследовании «Инстинкт и бессознательное». У наших исследуемых, по терминологии Rivers'a преобладает не сознательное, а сосознательное (co-conscious). Это сосознательное, при специфичной для наших исследуемых дебилности, дает себя знать лишь благодаря толчку извне. Другой антрополог, Кржижицкий, ставит вопрос о существовании двух типов — эмоционального и расового или деревенского и городского типа. По его описанию, эмоциональный (resp. деревенский) тип совпадает с толкованием Rivers'a «сосознательного» характера переработки внешнего опыта. С двух концов — мы, таким образом, можем убедиться, что наши исследуемые, если взять их en masse, вне индивидуальных различий и

склонностей, представляют собой именно описанных Rivers'ом, Крживицким и рядом других исследователей «вегетативных» людей, с низким уровнем всяческих интересов, с рудиментарными социальными навыками. Основной фон дебильности только усиливает указанные черты, делает их объяснимыми и приводит биологическую почву под вышеописанные наблюдения антропологов.

Но как бы силен ни был этот общий фон, никто из психопатологов не возьмет на себя задачи, исходя из него, приступать к каким-бы то ни было заключениям. Нам представляется, что этот общий фон серости, недодуманности, отсталости явился лишь предрасполагающим моментом в криминальном поведении наших правонарушителей, но отнюдь не решающим.

И как бы близко друг к другу ни стояли наши исследуемые, механизмы коллективного криминального, а, следовательно, главным-то образом межпсихического акта отнюдь не оправдываются всем вышеописанным.

Попытаемся подойти к отдельностям этого сколоченного *ad hoc* коллектива. Инициатор и главарь С-ов «ухаживает» за дачницей Н. Он у себя в семье глава, за отсутствием старшего. Он уже знает цену отношениям между мужчиной и женщиной. Но на ряду с этим он знает другое: тяжкий крестьянский труд требует от носителя этого труда выбирать в подруги жизни не только «бабу», но и работницу. В этом крестьянском быту, в каком целом находится С-ов, свадьба, что покупка лошади: молодуху ценят не столько за искусственность в любви, сколько за добротность и выносливость в работе. И С-ов знает, что Н., эта городская девица, благосклонно будто-бы принимающая ухаживания его, не жена ему, не работница в семье, не подмога в условиях тяжелого изнуряющего труда. От Н. нужно отделаться во что бы то ни стало. Нужно уничтожить следы интимных отношений, «баловства», своеобразной компенсации деревенского дебила за городскую нарядность. Н., хотя и не высокую, но все же импонирующую С-ву «культурность».

И будучи по складу своего характера субъектом эпилептотимным, вязким, с расстройствами настроения и приступами злобности и тоскливости, С-ов идет прямым путем по дороге изживания своих связей с Н. Он действует по традиционным представлениям деревенского жителя — мелкого собственника: 1) женщина, принадлежавшая всем, никому не принадлежит, 2) многократно и с разными партнерами повторенный *coitus* не ведет к беременности. Но такова лишь завязка этой тяжелой криминальной истории. Дальнейшее ее развертывание течет уже по несколько иным руслам. Как видно из дела, С-ов отправляется гулять с Н., при этом берет с собой еще 2-х приятелей, пообещав им женщину за прогулку. Начало сколачивания коллектива, таким образом, идет по пути, который Rivers, отчасти Frotter, а главным образом Mc Cardy и Hartland называют супрессией (*suppressio*) и точно соответствует по характеру пробуждения социального инстинкта механизму упомянутого выше со-созна-

тельного. Приятели С - о в а «заражены» притяжением первого. Они идут по пути, проложенному С - в ы м. Они не в силах противиться заманчивости предложения С - в а. Они первые в будущем «скопе». Они наравне с С - о в ы м уже владеют женщиной-самкой, женщиной-жертвой.

У сарая С - о в а эта группа, ядро «скопа», обрастает настоящим мясом толпы. Здесь уже не только знакомые их. Здесь все те, кто попадает по пути — все они втягиваются в водоворот страсти, обнаженной до конца. Дрожа, сюда же для «любования», подглядывания прибегает Р., сюда стекаются мальчишки, которые зажигают спички, и при мигающем свете их смотрят на копошащуюся вокруг женщины кучу. В этой куче С - о в и его двое приятелей занимают попрежнему доминирующее положение — это они пытаются дважды совершить насилие, подталкивают менее решительных, связывают разрозненное людское стадо шуточками и садистическими действиями, имеющими определенный сексуальный характер, ничем не замазанный, ничем не вуалированный. В этой всеобщности жестов, моторики огромная заразительная сила. Стыд сковывает желание — и он рассеивается стеганием крапивой, действиями платком над жертвой. Его рассеивание идет по пути хихикания, подталкивания, подбадривания, разжигания аффекта, откалывания последнего от целокупности всей личности. «Массовое» действие идет по пути постепенного и все усиливающегося процесса отождествления каждого из участников с другими, — глазающих с действующими, действующих с водителями и распорядителями. Происходит процесс, который наглядно показан в работе Freud'a «Massenpsychologie und Jchanalyse», названный им идентификацией, с каждым из участников толпы. Механизм этого процесса особенно ярко дает себя знать в случае с Р., где напряжение такой идентификации (отождествления) с активными участниками насилия выливается в форме импульсивного мгновенного, ничем не могущего быть задержанным набрасывания вслед за остальными на лежащую перед глазами жертву.

Заслуживает особого внимания один из участников — юноша Р. Он единственный не местный крестьянин. Ему 17 лет, он сын художника, кончил год назад школу-семилетку, ученик чертежных курсов. По характеру это очень чувствительный, гиперэстетичный юноша, легко расстраивающийся (расплакался при беседе с врачом), внушаемый, импульсивный. Ранее никогда половой жизнью не жил. Умеренная мастурбация. Объясняет совершенное так: в этот вечер к нему подошел один из соучастников и сказал «в сарай пошли С., К. и др. с Н-вой, пойдем посмотрим». Придя в сарай, он был сперва свидетелем насилия, а затем, подзадориваемый другими, почувствовал сильное возбуждение и, не будучи в силах совладать с собой бросился на Н. и совершил с ней половой акт.

Этот последний случай позволяет приоткрыть кой-какие механизмы этого тяжелого дела.

Описанное поведение Р. служит как бы мостом между двумя основными группами, которые прямо или косвенно участвуют в насилии над Н. Первая группа это те, кто физически насилуют Н., вторая те, кто при свете тлеющего огонька спички смотрят, хохочут, гикают и «сочувствуют» непосредственным насильникам. Нет нужды, что эта вторая группа оказалась вне досягаемости нашего закона и его карающей руки. Важно для нас, с точки зрения социальной психопатологии, взаимоотношение этих двух, хотя и далеко неравноценных групп. И здесь-то, как нам думается, чрезвычайно показательно поведение Р. Позванный своими приятелями пойти посмотреть только на сцену насилия, Р., под влиянием раззадоривающих его мужское самолюбие замечаний, сам принимает активное участие в насилии.

Вот этот-то переход у Р. от простого волеизъявления (подглядывания и рассматривания) к физическому овладению Н. как раз и выявляет в действии механизмы связи между двумя указанными выше группами.

В своей работе о соотношении я, массы и сексуального комплексов, М с С а r d у пытался показать, что напряжение *libido* под влиянием работы «Я — комплекса» активирует данную личность в направлении «массы-комплекса». Личность, по М с С а r d у, переводит (сублимирует) путем действия механизма «Я — комплекса» (М с С а r d у называет это термином его *instinct*) энергию «Секс — комплекс» (*sex complex*) в русло односторонних, синтонных акций *herd instinct*. В нашем случае толкование М с С а r d у должно быть несколько повернуто. Удары по «я — комплексу» юноши Р., приняв во внимание его гиперэстичность, некоторую мимозность и легкую возбудимость, дают себя знать прежде всего в направлении активизации его «секс—комплекса». Отсюда сравнительно быстрый переход, напоминающий собой мимовольное, с коротким замыканием в действие, к подражательным, синтонным толпе, акциям, которые и дают резко суггестивную окраску всему криминальному поведению.

В работе другого английского автора Н а r t l a n d ' a (*Primitive Paternity*) как раз и дается подобное описание поведения, где картина внушаемости, связанности личности с авторитетностью установлений и «законов отцов», отождествления ее со всей массой, которая приобретает непререкаемые права и образ отца — водителя орды.

Яркой иллюстрацией является следующее дело:

21-го ноября 1926 г., гр. К-ва, Марфа Михайловна, 54 лет была схвачена несколькими человеками, которые оттащив ее на задворки, подвергли ее изнасилованию.

При дознании выяснилось, что в этот день у гр. Р. праздновалась свадьба («распой по местному выражению»). Будучи уже пьяной, К-ва вышла в одном платье на двор. Вслед за ней вышли из избы гр. У-ов, С-ов, Б-ин, К-ов, Г-ов. На дворе к ней подошел У-ов, в дальнейшем играющий в деле наиболее активную роль, и предложил проводить ее домой. В ответ на замечание К-вой,

что «он ей не жених и ей с ним гулять не время» схватил ее со словами «давно я до тебя добирался» и, взвалив ее на плечи, по-тащил. Когда К-ва стала кричать, ей накрыли голову юбкой. Около бани (сажених в 50 от дома) ее положили на землю. Первым изна-силовал ее У-ов. Во время насилия ей поднимали ноги вверх, избивали кулаками и палками, кусали груди, садились на лицо, обсыпали песком и поливали водой, отчего песок превращался в грязь. Натирали песком половые части. Вскоре она потеряла память и, будучи доставлена домой случайно нашедшим ее муж-ем, долго не могла притти в себя, а после этого впала в депрес-сивное состояние. Экспертизой у потерпевшей был установлен ряд кровоподтеков и ссадин на разных частях тела. Со стороны психики найдены явления артериосклероза мозга. По полученным сведениям К-ва (сельская сторожиха) «озорная старуха» (по отзы-вам свидетелей), отличалась постоянным пьянством, цинизмом, грубостью и многим досаждала своими насмешками и грубыми островами. Так, она не пропускала ни одной пары без циничных замечаний сексуального характера. Во время насилия кругом со-бралась толпа человек в 20, состоявшая по большей части из де-тей и подростков. Обвиняемый К-ов по приказанию У-ва отгонял любопытных палками, вследствие чего, по словам свидетелей, они боялись вступить. Однако сам же обвиняемый Г-ов говорит, что из толпы слышались циничные замечания, шутки и насмешки над К-вой, и никто не делал попыток оказать ей помощь.

Привлеченные к следствию в качестве обвиняемых, упомянутые выше лица категорически отрицали свою вину, ссылаясь на то, что прямо со свадьбы они пошли в кино, и приводили разные противоречивые версии. В дальнейшем второстепенные обвиняе-мые меняли свои показания, ссылаясь на страх перед У-вым и С-вым. Некоторые свидетели говорили следователю, что боятся давать показания против С-ова и У-ва, так как последние могут по выходе из тюрьмы зарезать их. Они давно слывут на деревне за хулиганов. Несмотря на уличающие свидетельские показания, они продолжали упорствовать.

При индивидуальном изучении, личности правонарушителей обрисовываются так:

У-ов, Серг. Куз., 20 лет, постоянно живет в деревне, ведет вместе с матерью все хозяйство. Рос здоровым ребенком. С 8 до 10 лет ходил в школу. Учиться было трудно, «туповат был». Умеет подписывать только фамилию. С работой по хозяйству справлялся.

Половая жизнь, якобы, с 20 лет (?). Позднее начало мотиви-рует — «независтлив». Рассказывает о будто бы невысоком либидо. Алкоголь с 15 лет. Последнее время — сильно пьет зараз по бу-тылке. Соматически: атлетического телосложения с резкими чер-тами лица, с незначительной растительностью. Веселый, «компа-нейский», любитель попеть, потанцовать. На деревне слыл за ху-лигана.

Производит впечатление активной в своей среде личности. Интеллектуальный уровень весьма невысок. Никаких культурных интересов не обнаруживает. В окружающих событиях разбирается слабо. Моральные представления элементарны. По делу все отри-цает. При ссылках врача на ряд свидетельских показаний, утвер-ждает, что все зря на него взвели.

Другой — С-ов, Ив. Егор., 20 лет. Живет с матерью. Само-стоятельно ведет хозяйство. При рассказе о доме плачет. В школе: почти не учился, остался неграмотным. В детстве частые голово-кружения. Поздний *onsetis nocturna*. При расспросе о половой жизни: заметно оживляется, проявляет радость. Начало в 16 лет. Алко-голь с 14 лет умеренно, часто до пьяна. Возбудим и злобен.

Опьянение резко повышает половое возбуждение. Имеет две судимости за хулиганство.

Соматически: явления микседемы (пастозность лица), некоторый монголоидизм (выдающиеся скулы, выдающиеся отrostки нижней челюсти). Нос седловидный. Телосложение атлетическое. Умственно отстал.

Двое других представляют собою также умственно отсталых, оба вяловаты, подчиняемы, с отсутствием культурных интересов, со слабой ориентировкой в окружающих событиях. Оба вовсе отрицают половую жизнь.

Отчетливо подтверждается руководящая роль У. и С., вполне отвечающая характеру их личности, и подчиненная роль пассивных К. и Б. Попытка вскрытия механизмов правонарушения оказывается весьма нелегкой в виду упорного отказа обследуемых, по всей вероятности в связи со следственной стадией дела.

Центр тяжести настоящего дела и трудности его анализа заключаются несомненно в личности потерпевшей. Говорить здесь о поверхностном моменте властвования сексуальных инстинктов явно не приходится. Несомненно здесь дело глубже.

Несмотря на упорные попытки отказа, ссылки некоторых даже на слабое знакомство с потерпевшей, несомненно, преступление являлось актом меcти. Непонятным является только самый способ мести. Ведь это могло быть простое избивание «в темную». На это проливает некоторый свет признание инициатора всего дела У. Еще из показаний свидетелей мы знаем, что К-ева «старуха озорная», пьяница, цинична. Г. рассказывает, что никому прохода не давала: «только с барышней пойдешь, а она вдогонку» и следует грубо циничное замечание о половом акте, как цели такой прогулки. Вот это последнее замечание приоткрывает завесу над происшедшим. Можно с достаточной вероятностью считать, что способ мести пошел по пути сексуального в силу скрытых комплексов, образовавшихся под влиянием сексуальной травмы, наносимой в свое время пострадавшей нашим правонарушителям.

В настоящем деле мы можем отметить гораздо более резкое разграничение отдельных групп и лиц, участвующих в нем. В то время как в первом случае имеется на лицо некоторая перемешанность отдельных групп и группочек, и лишь одно лицо, ухаживатель за Н., может хоть несколько мотивировать свое поведение, в настоящем деле мы видим довольно отчетливо три группы участников. Первую составляют двое — У-ов и С-ов, вторую также двое — К. и Б. и третью — толпа, собравшаяся у места насилия глазеющая, смеющаяся, хохочущая, подзадоривающая, охоту которой к большей активности один из первой группы отбивал с колом в руках.

Эти 3 группы стоят в определенной связи между собой, и все вместе составляют то, что еще в своем «Totem и Tabu» Freud назвал ордой. Определенная соподчиненность каждой из групп вытекает из самого характера правонарушения. У-ов и С-ов имеют все основания быть недовольными «озорной старухой». Те нарцисстические компоненты их личности, которые все время умались

самым фактом «лаяния» со стороны старухи, здесь расцветают полностью. Алкогольное расторможение еще раз облегчает выход их наружу. И раз вырвавшись из душных подвалов подсознания, эти нарцисстические компоненты приобретают в своем сокрушительном шествии черты особенной злобности и разрушительности.

Вот почему и У-ов и С-ов в своем криминальном поведении обнаруживают такую невероятную способность издевательств над попавшей к ним в руки жертвой. Повидимому, как и в моменты страха, так и в моменты полярно-выраженные, когда части и частицы самосохранения почти отсутствуют, возможно приведение в действие ряда эксплозивных механизмов, где мазо и садистические компоненты играют не последнюю роль. Это и показал Frotter, который говорит, что «специфичные черты группового поведения строятся на базе индивидуальных отличий ядра толпы и переносятся в порядке внушаемости на периферию ее (толпы)». Это же перенесение поведения на всю толпу — вернее механизмы перенесения — Frotter называет вторичным (производным), в то время как инстинктивное стремление и готовность к подражательным действиям он называет первичным или простым.

В нашем случае схема Frotter'а куда пригодней, нежели напрашивающаяся схема Le-Bon'а, с вытекающими из нее механизмами «героизма» и «стадности». У-ов и С-ов, эти носители индивидуальных черт злобности и мести в отношении истязуемой ими старухи, проецируют этот свой напор на двух остальных субъектов, людей дебильных, с резко повышенной личной внушаемостью и готовностью к подражательным действиям.

Таким образом обе группы составляют уже одно целое, в котором механизмы, относящиеся к ряду кататимических, играют явно преобладающую роль. Быть может, здесь, по удачному выражению Jung'a мы как раз и имеем дело с «коллективным бессознательным», которое так резко выступает при наличии паники, страха и их полярных выражений — агитации, экзальтированности, озорства. Толпа, благоговейно молящаяся о чуде, собранная единой экзальтированной эмоцией Савонаролы, с неменьшей страстностью и ожесточением бросается на Савонаролу с намерением разорвать его (Виллари, «Савонарола и его время»). Полярность в поведении толпы, как из показанного видно, одно из самых частых явлений. И в нашем случае «коллективное бессознательное» может быть отмечено рядом полярных черт: садистическими компонентами криминального акта на ряду с компонентами генитального ряда (физическое овладение старухой). Да и в основе самого факта изнасилования молодыми ребятами, считавшими себя не последними в деревне, старухи, разве не лежит некая двуединая формула — наслаждение, сопрягаемое с унижением себя, а, следовательно, долженствующее быть перенесенным на жертву.

И, наконец, третья группа участников располагается вокруг насильников кольцом зрителей, которые принимают активно-сочувствующее участие в происходящем. Выше мы уже отмечали характер и механизм такого рода участия в массовом действии. Здесь приходится лишь добавить одно: в подобного рода акциях мы имеем дело с задержанными действиями, т.-е. с жестами, мимикой, вырывающимися словами одобрения и похвалы и т. д. Frazee описал в своей «Золотой Книге» («The golden Book») обряд дефлорации девушки старшинами племени на глазах у всего племени, отвечавшего ритмическими движениями и жестами на акты старейшин. В нашем случае имеется группа, вернее двое находящихся в каких то личных комплексных отношениях с жертвой; и там и здесь толпа, принимающая участие в акте, но не смеющая перейти определенные границы.

Таким образом, и здесь, как и в предыдущем случае, главенствуют механизмы сочетательного характера, строящиеся все же на основе простых инстинктов — сексуального и личного и лишь производно приподымающие более сложный — массовый.

Этот вывод дает нам право сказать, что элементы «коллективизма» должны быть расшифрованы в порядке «стадных» механизмов, механизмов идентификации себя с окружающими, наконец, в порядке понимания поведения орды и ее водителей.

Чтобы закончить с групповыми изнасилованиями, скажем несколько слов о социально-бытовой стороне этих правонарушений. Не повторяя всего того, что мы говорили об изнасилованиях вообще, мы должны лишь сказать, что все эти положения удесятерятся в своей силе в применении к групповым изнасилованиям.

В этом отношении чрезвычайно характерны оба приведенных случая, также как и следующее дело:

«14 октября 1924 г. в деревне Новоселках была устроена вечеринка, на которой проводили время все молодые люди в числе их были и обвиняемые (всего 9 чел. в возрасте 17—20 лет); на вечере также были и молодые крестьянки, в числе которых была потерпевшая Ю. После гуляния на вечере Ю. вместе с своим знакомым А. пошли гулять на улицу и расположились на стог соломы у одного из деревенских сараев. В это самое время они были застигнуты молодыми людьми, которые гуляли с ними на вечере. Они всей гурьбой набросились на лежавших А. и Ю. А. убежал, а Ю. не смогла этого сделать и подверглась со стороны всех молодых людей поочередно изнасилованию».

Из этой группы нам удалось видеть двух правонарушителей, среди них Ф-ова, Т., главного обвиняемого. Оба они не представляют никаких уклонений от нормы, достаточно примитивны. К правонарушению относятся без достаточной моральной оценки.

И если еще к предыдущему делу можно подходить с попыткой психологического анализа, то здесь центр тяжести несомненно в быте.

Когда малолетние ребята пытаются пролезть в очередь, беря жуткий пример со взрослых, когда наглядное половое воспитание проходит в городе в Чубаровых переулках, а в деревне на

задворках и в сараях под руководством С-ова (первое дело) или У-ва (второе дело), то конечно в будущем от таких малышей трудно ожидать хорошего. Когда правосознание стоит на столь низком еще уровне, что толпа в 20 человек смотрит на возмутительнейшее преступление не только с равнодушием, но с явным поощрением и цинизмом, то можно удивляться лишь тому, что такие случаи насчитываются единицами. И здесь терапия ясна: по мере роста Советской культуры станут невозможными подобные дела.

IV.

Приведенный нами обширный материал, касающийся нарушения норм социального поведения в части половых отношений, иллюстрированный наиболее яркими представителями отдельных групп провонарушителей, позволяет сделать некоторые выводы.

Прежде всего, следует еще раз подчеркнуть коренное отличие западно-европейского материала от нашего. Извращения в области половых отношений, которыми так богата Западная Европа, у нас превалирующей роли ни в какой мере не играют. Большей частью провонарушители этой группы являются личностями либо глубоко недостаточными, с явными биологическими признаками своей отсталости и ограниченности, либо — и это последнее чаще встречается, — личностями с уродливым направлением своих сексуальных влечений, к тому же находящимся под прессом биологических изменений, связанных с одряхлением, увяданием, распадом, наконец, примитивированием, всей целокупности психических механизмов.

Такое коренное, мы бы сказали принципиальное, различие в характере нашего материала при сравнении его с материалом зап.-европейским (Aschaffenburg, Bonhoeffer, Lerpman, Birnbaum и др.) можно объяснить лишь одним. А именно: социально-бытовые условия современного капиталистического города, одновременный процесс капитализирования западно-европейской деревни, при котором она втягивается в орбиту влияния — «переламывания» города, прохождения через его всесокрушающую мясорубку, — эти социально-бытовые условия в своем конечном воздействии должны создать и создают особенную «утонченность», изощренность в половых отношениях. И совсем не случайно поэтому появление в Западной Европе таких работ, которые указывают на несомненную связь между «культурой», системой ее лицемерных принуждений и неврозами, а в особенности неврозами, влептающими в свою симптоматику область сексуальных отклонений. «Исдержки» организма в обстановке интенсивной и волчьей борьбы за существование, изощренность форм классовой борьбы, своеобразное изживание комплекса недостаточности во всем многосложном переплете высоко-развитого современного капиталистического общества — все это вместе взятое создает потребность компенсации для личности в области, где «утонченность» служит своего рода допингом, зарядом, подымающим минутно энергию.

Наличия таких социально-бытовых условий у нас не имеется. Ритм нашего, советского, поступательного движения, а равно и направление последнего в корнях своих различествует с западно-европейским. Наконец, у нас сброшена в небытие личина «культурного» лицемерия — эта неперенная дань «богатых» — «нищим», класса, упрочающего свои авторитарные права, — классу, играющему роль удобрительного тука для первого. Естественно, что и отправления в интимно-личной жизни у нас так резко отличаются от того, что имеет место на Западе.

Наш материал, представляющий собой уродливые формы таких интимно-личных отправления, но тем ярче выявляющий механизмы их, — объективный тому свидетель. Надо также отметить, что алкоголь, на криминогенное значение которого в возникновении сексуальных правонарушений указывали Bonhoeffer, Aschaffenburg, Birnbaum в нашем материале существенной роли не играл.

Наконец, следует указать еще на одно различие в нашем и западно-европейском материале. В то время, как на Западе группа т. наз. насильников крайне ничтожна (Bartholomäus относит ее к ранним ступеням человеческого общества), у нас она занимает довольно видное место. Мы не говорим уже о «массовых» насилиях, о которых Запад давно не слышал.

Это может быть объяснено в значительной части тем, что изнасилование все же есть рудиментарный акт поведения социально-связанного индивида (этого ни в коем случае забывать нельзя); изнасилование характерно для той социальной группы, у которой в силу целого ряда причин расстояние между «хочу» и «делаю» крайне ничтожно. К примеру, наша деревенская улица, где все у всех на глазах происходит, где царит чуть ли не первобытная простота нравов, она, конечно, может служить предрасполагающим моментом к тому, чтобы изнасилование стало уже явлением, с которым нужно вести борьбу в системе «психогигиенических» мероприятий.

Наш материал с исчерпывающей убедительностью показывает, что как раз деревенские насильники не понимают даже всей тяжести совершенного ими. И это происходит вовсе не в силу какого либо индивидуального дефекта в личности, а в силу своеобразной установки — смотреть на женщину, как на предмет добычи. Недаром ведь так сильна и цепка рабская поговорка — «курица не птица, баба — не человек».

Несколько иную картину дает материал городских насильников. Но и здесь заметны те же черты, как и в случаях деревенского насилия.

Однако, сравнительное преобладание у нас случаев изнасилования целиком не может быть объяснено вышеприведенными соображениями. Те остатки, куски и кусочки, которые достались нам в наследство от прошлого, конечно, во многом содействуют наличию у нас фактов изнасилования. Конечно, старый уклад

еще во многом силен, особенно там, где ломка его достается тяжело. Но это далеко не все.

При сравнении нашего материала в этой части с материалом Западной Европы, необходимо иметь в виду разные возможности обнаружения у нас и на Западе таких случаев. Западно-европейское буржуазное правосознание не знает такого положения, по которому привлекаются к ответственности за понуждение к сожительству, используя свое положение или материальную, служебную зависимость женщины от мужчины. Оно органически не может стать на защиту наиболее слабой стороны. И потому реактив на обнаружение случаев насилия в Западной Европе, по самому существу своему, отсутствует. Указанное должно быть введено, как корректив, при сопоставлении и сравнении нашего материала с западно-европейским.

Наконец, по био-психологическим разделам наш материал позволяет также сделать ряд заключений.

1. Группа развратителей и растлителей в основном представляет собой три отдельные подгруппы со своеобразными и отличными друг от друга механизмами изживания своих либидинозных целей. Все эти три подгруппы чрезвычайно важны для психопатолога и дают возможность воочию убедиться в силе либидинозного разряда, идущего по линии резкого анти-социального поведения.

Все три подгруппы характеризуются своеобразием конституциональных особенностей, на фоне которых с той или иной степенью яркости может вырисовываться узор сексуальной диссоциации, достаточно исчерпывающе намеченный нами выше.

В зависимости от фона (конституциональная психопатия, болезненный процесс) этот узор диссоциации принимает тот или иной характер и направление.

Прогрессирующий процесс, обуславливающий обеспечение той или иной личности правонарушителя, только вскрывает, лежавшее под спудом тормозящих центров (коры головного мозга). Этот процесс, корректируясь с внешними обстоятельствами, меняет лишь внешнюю линию поведения индивида, направляя ее, в силу главенствования в ней ничем не сдерживаемых влечений, по криминальным путям и дорогам.

Опускание *libido* до ступеней инфантилизма показывает и самый механизм правонарушения. Но и характер влечения и механизм поведения гетер. реализации влечения идут, сопрягаясь с основным фоном личности, ее психо-физических особенностей. Мы не будем повторять этих конституциональных особенностей личности правонарушителя и отсылаем к самому материалу.

Наконец, в каждой из подгрупп (растлители, развратители, гомосексуалы, избирающие себе малолетних) механизмы правонарушения обусловлены и н а п р а в л е н и е м *libido*. Волеизъявление и эксгибиционизм в разных видах и степенях будут характерны для развратителей и отчасти гомосексуалов.

Эретичность (возбудимость) и отсутствие плотин и загоронок между влечением и его реализацией при наличии садо-мазохистических компонентов будут характерны для растлителей.

И, наконец, возвращение к ступени сексуального инфантилизма явится одним из решающих моментов в поведении гомосексуалов.

2. Группа насильственников в большинстве своем не носит такой яркий отпечаток психопатичности и наличия распада личности. Это большей частью примитивные (по своей социальной установке) личности с преобладанием в них черт дебильности, ограниченности, некоторой этической тупости и резко выраженной внушаемости. Сила и власть традиций, издревне установленный обычай «озорства», первичные социальные навыки, в виде чисто инстинктивного тяготения к «стадности» — вот тот основной фон, на котором расписывается узор их тяжелого криминального поведения.

Механизмы правонарушения этой группы особенно ярко выявляются в случаях «массового» изнасилования и в особом пояснении не нуждаются. Социально-бытовая сторона дела здесь также достаточно ярка. И потому путь изживания такого рода анти-социального поведения должен идти не только в плоскости защиты общества от такого правонарушения, но и в плоскости общего поднятия уровня благосостояния, культурных навыков, приближения к темпу обще-советского строительства и т. п.

Те или иные черты дебильности, отсталости, ограниченности, наконец, биологически предуготовленные для данной личности ее узкие рамки, конечно, являются препятствием для того, чтобы такого рода личность сделать целиком синтонной окружающему.

И здесь-то психопатологу, расчищается место для работы, для создания тех предварительных условий, какие в своей сумме должны дать «психические протезы» такой личности — будущей социально-полезной особи.

Литература.

1. Aschaffenburg—Beitrag zur Psychologie der Sittlichkeitsverbrecher. Neurol. Centralbl. N 22, 1902 s. 1080.
2. Aschaffenburg—Zur Psychologie der Sittlichkeitverbrecher Monatschr. f. Krimin. 2 s. 399.
3. Aschaffenburg—Das Verbrechen und seine Bekämpfung.
4. Birnbaum—Sexualdelikte (Psychologie u. Psychopathologie). Handwörterbuch f. Sexualwiss. s. 702.
5. Birnbaum—Die Psychopathischen Verbrecher.
6. Birnbaum—Kriminalpsychopathologie.
7. Bonhoeffer—Sittlichkeitsdelikte u. Körperverletzungen. Monatschr. f. Kriminalps. Bd. 2. s. 465.

8. Goering—Sexualdelikte Geisteskranker. Zeitschr. f. ges. Neurol. u. Ps. Ref. I. VII s. 649.
9. Bartolomäus—Die sog. Sittlichkeitstraftaten. Zeitschr. f. ges. Strafrechtswis. Bd. 25 s. 123.
10. Raake—Zur psych. Beurteilung der Sexualdelikte. Arch f. Ps. Bd. 49. s. 25.
11. Wickel—Sittlichkeitsverbrechen u. Geistesstörung. Vierteljahr. f. gerichtl. Med. 1903. 25 s. 283, 25 s. 67.
12. Wachholz—Zur Lehre von den sexuellen Delikten. Vierteljahr. f. ger. Med. 38 s. 64.
13. Möller—Sittlichkeitsdelikte im epileptischen Dämmerzustande. Vierteljahrschr. f. ger. Med. 1912, 44 s. 285.
14. Leppmann—Die Sittlichkeitverbrecher. Vierteljahr. f. ger. Med. 1905. Bd. 29 s. 277.
15. Bendix—Mittäterschaft oder Beihülfe bei der Notzucht. Monatschr. f. Kriminalps. Bd. 2 s. 307.
16. Lentz—Sittlichkeitvergehen Allg. Zeitschr. f. Ps. Bd. 38 s. 439.
17. Hoche—Zur Frage der forensischen Beurteilung sexueller Vergehen. Neur. zentral. 15 s. 57.
18. Kronfeld—Sexualpsychopathologie.
19. Kronfeld—Sexualkonstitution. Handwörterbuch f. Sexualwis.
20. Flatau—Sexualpathologie. Lewandowsky's Handbuch der Neurologie Bd. V. s. 592.
21. Gleispach—Zur Aetiologie der Sexualdelikte. Vortrag auf I Intern. Kongr. f. Sexualfors.
22. Weygandt—Beiträge zur forensischen Sexualpathologie. Vortrag auf I Intern. Kongr. f. Sexualforsch.
23. Löwenstein—Die Sexualverbrechen nach künftigen Deutschen. Strafergericht. Vortrag auf I Intern. Kongr. f. Sexualforsch.
24. Lentz—Kriminalbiologie. 1927.
25. Wulffen—Der Sexualverbrecher.
26. Kretschmer—Medizinische Psychologie.
27. M. Hirschfeld—Sexualpathologie.
28. Sigm. Freud—Massenpsychologie und Ich-Analyse (Gessamelte Schriften, VI).
29. W. Rivers—Conservatism and Plarticity. Folk-Iore v. XXII.
30. W. Rivers—Instinct and inconstions. L. 1923.
31. McCardy—Syntetic View of Ego, Herd and Sex Instincts. Journal of Abnormal Psychology, 1921, № 4.
32. McCardy—Problems in Dynamik Psychology, L. 1923.
33. McCardy—Psychology of the Emotions, L. 1924.
34. Sanger-Brown—The Herd Instinct. Journal of Abnormal Psychology, 1921, № 4.
35. W. Frotter—Instincts of the Herd in Peace and War. L. 1919.
36. E. Hartland—Primitive Paternity, L. 1909.
37. McDougall—Introduction to Social Psychology.
38. McDougall—The Group Mind, L. 1920.
39. McDougall—The Use and Abuse of Instinct in Social Psychology. The Journal of Abnormal Psychology № 5, 6, 1922.
40. A. Tansley—The New Psychology and the Relation to Life, L. 1923.
41. J. Hasting—The Enciklopedia of the Religion and Ethik. 1926.
42. J. E. Frazer—The Golden Book. 1925.
43. Hawelock-Ellis—Geschlechtstrieben und Shaugefühl. 1922.
44. Maeder—Über die sadistischen Komponenten des Geschlechtsleben.
45. K. Abraham—Entwicklungschichte der Libido—1924.
46. K. Abraham—Klinische Beiträge zur Psychoanalyse. 1921.
47. Levy-Bruhl—Les fuctions mentales dans les sociétés inferireus P. 1920.
48. Le-Bon—Психология масс.
49. Le-Bon—L'Homme et la société, 1896.
50. G. Tardes—Социальные этюды, 1902.

Современная половая преступность.

I.

В этиологии преступности половые правонарушения являются наименее разработанным сектором, вследствие чего значительно усложняется анализ их причин. Первое основное разделение с точки зрения различия в характере причин данных правонарушений, можно провести между осужденными, посягающими на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних — с одной стороны, и осужденными, объектом посягательств которых являлись лица, достигшие половой зрелости — с другой.

Среди первой группы осужденных преобладает молодежь и старики; все эти правонарушения совершаются преимущественно в городе. Превалирующая роль в данных правонарушениях городской молодежи объясняется тем, что городская обстановка вообще дает больше оснований для возбуждения половых ощущений у молодежи. В качестве одного из таких факторов можно было бы, например, указать на кино, где допускаются нередко ленты, далеко не всегда блещущие достаточными качествами. Затем, одним из факторов является скученность населения в городе и квартирная теснота. Патологический момент в данных правонарушениях — явление исключительного порядка. Это подтверждает и Ашафенбург: «Начало периода половой зрелости наших стран — пишет он, в общем наступает в 14—15 летнем возрасте, а часто и позднее. Поэтому должно быть выделено громадное число подростков, побуждаемых к преступлению против нравственности мотивами физиологическими».

Довольно значительно в данных правонарушениях участие и стариков. Причиной здесь часто является психическая неполноценность.

Социальные факторы в данных правонарушениях с наибольшей осязательностью сказываются в изнасилованиях потерпевших, достигших половой зрелости. Нередко в этих правонарушениях наблюдаются также и хулиганские побуждения, в особенности же — в групповых изнасилованиях.

В деревне изнасилования совершаются на вечеринках, посиделках, гулянках и т.д., где случается это после выпивки—де-

¹⁾ Ашафенбург «Преступление и борьба с ним». Одесса, 1906 г. стр. 113.

ревенские парни целой гурьбой насилуют тех же девушек, с которыми они только что гуляли на вечеринке. Основными факторами, способствующими совершению этих правонарушений, являются низкий культурный уровень, отсутствие общественных интересов, неуважение к личности, в данном случае к женщине, и тем самым, неуважение к интересам коллектива. На общем фоне постепенного улучшения материального положения деревенской молодежи начинается среди последней махровым цветом расцветать старый быт *). Это явление уже было отмечено на пятом съезде ВЛКСМ, где в тезисах доклада «О работе в деревне» мы читаем: «Развлечения крестьянской молодежи остались те же, что и до революции (гулянки, беседки и т. д.): изменилось лишь содержание частушек, отразивших в себе важнейшие революционные события, как они восприняты в деревне. При этом вновь возрождается пьянство, хулиганство и другие темные стороны деревенской жизни». Поднимающаяся активность крестьянской молодежи не всегда направляется по должному руслу. Это в значительной степени объясняется тем, что культурные и политические организации в деревне подчас из-за «большой практики» совершенно забывают о «мелочах», а именно, о необходимости обратить серьезное внимание на организацию различных форм развлечения для молодежи. В городе причин для роста половой распущенности имеется еще больше. Нередко среди учащейся молодежи процветает идеология «полового нигилизма» и культ взаимоотношения полов «без черемухи». Эта теория «стакана воды» встретила резкий отпор со стороны тов. Ленина, который ее «радикализм» вполне справедливо увязал с чисто буржуазной идеологией. В связи с общим оживлением мелкобуржуазных прослоек молодежи в городе, наблюдается нередко влияние последних и на рабочую молодежь. Последнее обстоятельство было отмечено на XV Московской губернской партконференции в резолюции по докладу тов. Угланова о работе МК ВКП, где мы читаем следующее: «конференция отмечает, что рядом с активностью трудящихся слоев молодежи повышается и активность враждебных рабочему классу мелкобуржуазных элементов, заражающих отдельные, наиболее подверженные колебаниям, отстающие слои рабочей молодежи. На почве этого мелкобуржуазного влияния появляются отдельные болезненные явления среди молодежи, как то: антисемитизм, хулиганство, спеедство, половая распущенность (курсив наш—Б. М.), пьянство. Учитывая эти болезненные явления, необходимо всемерно усилить идеологическую борьбу, как внутри комсомольской организации, так и в массах крестьянской и рабочей молодежи, давая решительный отпор мелкобуржуазной идеологии и все глубже охватывая крестьянскую и рабочую молодежь коммунистическим влиянием».

*) Это уже отмечалось в статье Герцензона «Рост хулиганства и его причины», а также в моей статье «Деревенская поножовщина».

Необходимо отметить, что империалистическая война и в особенности гражданская война явились важнейшими факторами повышения кривой половых правонарушений. В уголовной статистике уже бесспорен тот факт, что все имевшие место в историческом прошлом войны и революционные взрывы всегда сопровождались повышенной волной преступности вообще и половой — в частности. Это относится также и к столь грандиозному историческому сдвигу, каким явилась Октябрьская революция. Условия гражданской войны отрывали огромные массы мужского населения от нормальных условий общежития и тем самым уже создавали предпосылки для роста половой распущенности. Так что в росте половых правонарушений несомненно сказалось влияние гражданской войны, и поэтому рост последних является в некотором отношении «криминальными издержками» революции.

На ряду с этим, Октябрьская революция явилась толчком для огромной идеологической революции. Разрушались прежние привычные воззрения, высказывались новые взгляды, и создавались начала нового быта и уклада. Однако, эта переоценка ценностей, среди значительных групп населения, а в особенности у молодежи, преломлялась нередко в кривом зеркале. Революционность и ортодоксальность признавались там, где имел место культ голой физиологии, и это упрощенство считалось характерным признаком пролетарского мировоззрения. С этими взглядами пришлось в особенности столкнуться в эпоху мирного строительства, в наступившую полосу культурничества, когда появилась возможность заняться более тщательной чисткой тех шлаков, которые остались еще от капиталистического общества, в котором эти правонарушения являются известной его функцией. Поэтому одной из важных задач является ныне усиленная борьба с этой идеологической ржавчиной, которая перешла к нам от капиталистического общества, как идеологический груз. На ряду с мерами репрессии, необходимо прежде всего обращать свое внимание на более усиленное вовлечение городской молодежи в различные формы культурной работы, а также развитие культурных навыков и повышение культурных запросов, вместо сегодняшнего, подчас внешнего налета городской культуры. Эти же задачи со всей остротой стоят также и в деревне. Для молодежи должны быть организованы разумные формы развлечения, разумный отдых. Поднимающаяся активность молодежи должна быть направлена по линии культурной самодеятельности.

Таким образом, вопрос о борьбе с половой преступностью также, как и вопрос о борьбе с хулиганством, упирается в проблему подъема культурного уровня широких слоев рабоче-крестьянской молодежи.

Из сказанного явствует, насколько актуальной становится проблема борьбы с половыми правонарушениями в условиях социалистического строительства, в условиях построения нового быта. Изучению современных половых правонарушений и посвящен настоящий очерк.

II.

Переходя к непосредственному изложению нашей темы, мы должны отметить, что в основу нашего очерка положены материалы Мосгубсуда, а именно приговоры за 1924, 1925 и 1926 г.г. Помимо того, использованы некоторые данные НКВД и ЦСУ ¹⁾ ²⁾.

Прежде всего нам необходимо остановиться на динамике половых преступлений, на социальном и возрастном составе правонарушителей.

Движение половой преступности по РСФСР за 1924-1926 г.г. характеризуются следующей таблицей:

К в а р т а л ы	1924 год			1925 год				1926 год		
	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3
По данным Милиции . .	984	1625	1463	1851	2087	2458	1936	2276	2284	2773
По данным уг. розыска .	174	260	231	251	273	356	309	384	478	520
Итого .	1158	1885	1694	2102	2360	2814	2245	2660	2762	3293

Здесь мы видим непрерывный рост этих преступлений, как по сводным данным, так и по данным милиции и уголовного розыска. Имеющиеся здесь колебания кривой являются видимому колебаниями сезонными. Поэтому, если бы мы искали эти сезонные колебания, то получили бы некую среднюю, непрерывно поднимающуюся кривую данных правонарушений.

Что же касается сезонных колебаний половой преступности, то распределение половых преступлений по месяцам по РСФСР, например, в 1924 г., наблюдалось следующее:

Возникло дел в январе	м-це	170
" " " феврале	"	156
" " " марте	"	115
" " " апреле	"	160
" " " мае	"	204
" " " июне	"	246
" " " июле	"	222
" " " августе	"	199
" " " сентябре	"	198
" " " октябре	"	170
" " " ноябре	"	171
" " " декабре	"	165

¹⁾ В разработке указанного материала приняли участие студенты-практиканты Ф. С. П. 1 МГУ—т.т. Дорофеева, Таран, Матусевич, Тиле и Флятт, которым приношу свою благодарность.

²⁾ В виду того, что в основу нашего материала положены приговоры губсуда за 1924 — 1925 г.г. мы всюду употребляли старую нумерацию статей (У.К. 1922 г.), т.к. в новой редакции У.К. 1926 г. имеются некоторые изменения, так что голая ссылка на новую нумерацию могла бы привести к недоразумениям.

Диаграмма № 1.
Движение дел, возбужденных по половым преступлениям
(РСФСР).

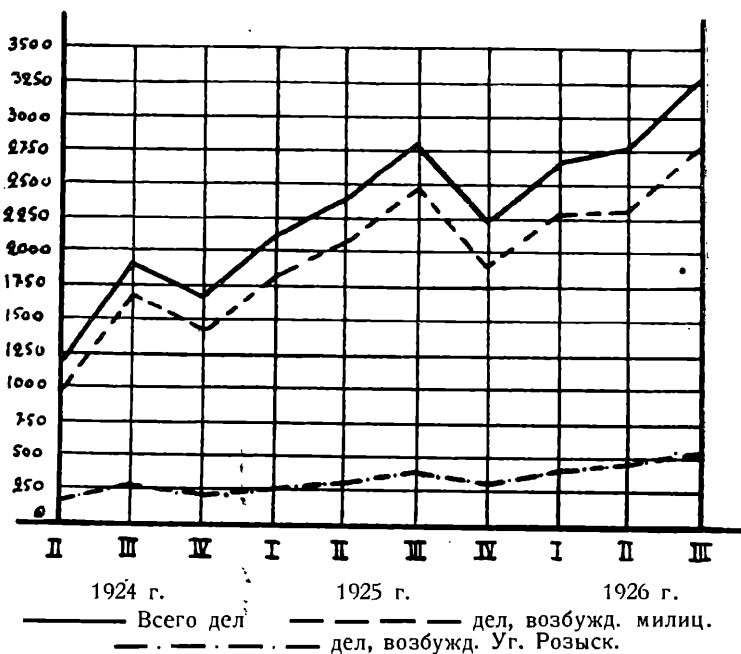
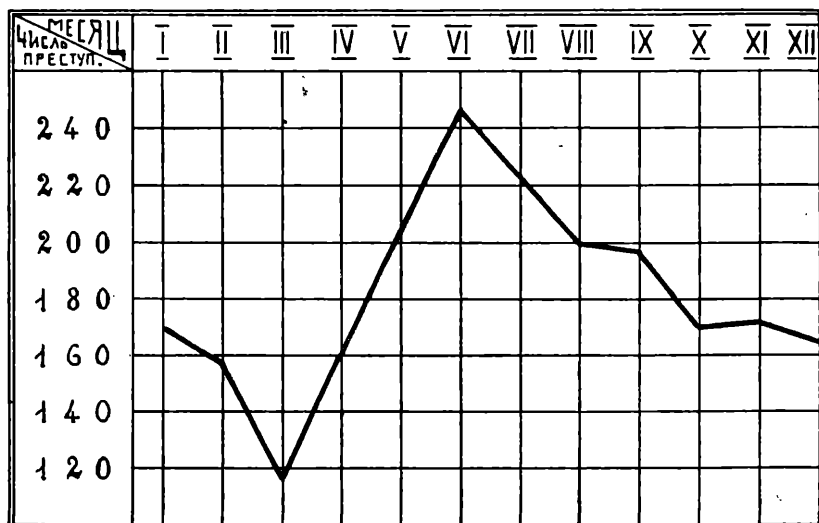

Диаграмма № 2.
Сезонные колебания половой преступности (РСФСР).

Приведенные данные говорят о том, что «календарь» этих правонарушений составляется следующим образом: наибольшее число половых правонарушений совершается в летние месяцы. Высшей точкой их роста является июнь месяц. Наибольшее же их падение наблюдается в зимние месяцы, а самой низшей точкой является декабрь месяц. Причиной этих сезонных колебаний, как уже не раз указывалось в работах по уголовной статистике, является то обстоятельство, что в летние месяцы люди чаще сталкиваются вне дома.

По частям суток половые правонарушения в 1924 г. по РСФСР распределяются следующим образом:

Днем	24%
Ночью	46%
Неизв. и в разное время длящееся	30%
Итого	100%

Таким образом, эти правонарушения в два раза чаще совершаются ночью, чем днем.

Выше мы выяснили динамику половых правонарушений по РСФСР, теперь мы остановимся на выяснении динамики последних в Московской губернии.

Движение половой преступности в г. Москве и по Моск. губ. (уезды) за 1924, 1925 и 1926 гг. характеризуются следующей таблицей:

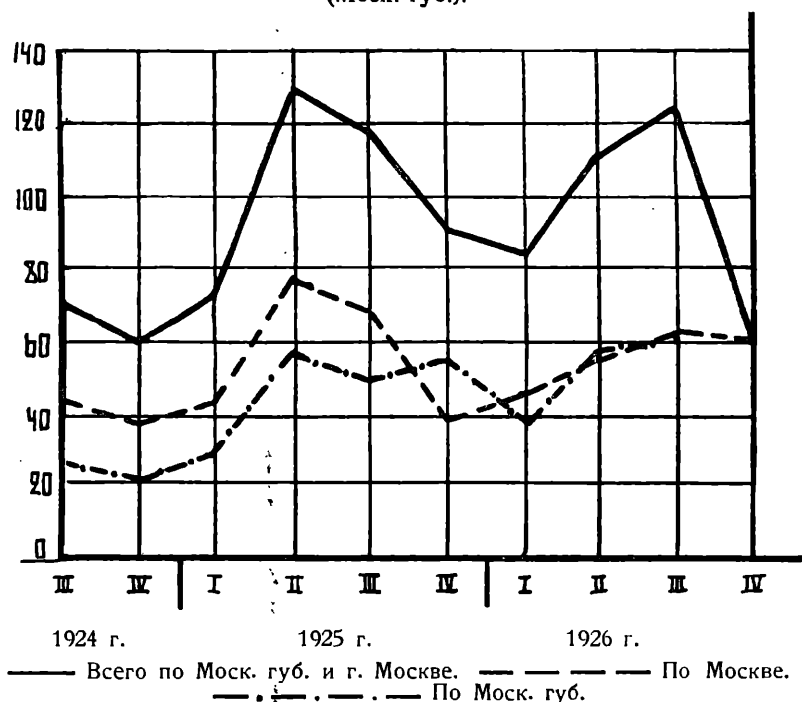
К в а р т а л ы	1924 г.		1925 год				1926 год			
	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
По Московской губ. и г. Москве	70	60	73	132	119	94	85	111	125	118
По г. Москве	44	38	43	76	69	39	46	56	62	60
По Московской губернии (уезды)	26	22	30	56	50	55	39	55	63	58

Общее число возникших дел в органах милиции за 1924 г. равно 130, в 1925 г. — 418, и в 1926 г. — 439.

Темп роста этих правонарушений в уездах более значителен, чем в Москве. Так, в уездах в 1924 г. возникло правонарушений — 48, в 1925 г. — 191 и в 1926 г. — 215, тогда как по г. Москве возникло правонарушений в 1924 г. — 82, в 1925 г. — 227, и в 1926 г. мы даже наблюдаем, правда, весьма незначительное снижение по сравнению с 1925 г.

Диаграмма № 3.

Движение дел, возбужденных по половым преступлениям
(Моск. губ.).

Этот более быстрый темп роста данных правонарушений в деревне идет исключительно за счет изнасилователей взрослых.

Для выяснения динамики половых правонарушений в Московской губернии можно воспользоваться для сравнения с приведенными данными числом вынесенных по этим преступлениям Мосгубсудом приговоров, хотя при этом необходимо учитывать, что момент вынесения приговора значительно отдален от момента совершения преступления, вследствие чего возможны некоторые несовпадения.

Общее число приговоров по делам о половых преступлениях, вынесенных Мосгубсудом за 1924-1926 г.г. равно 291:

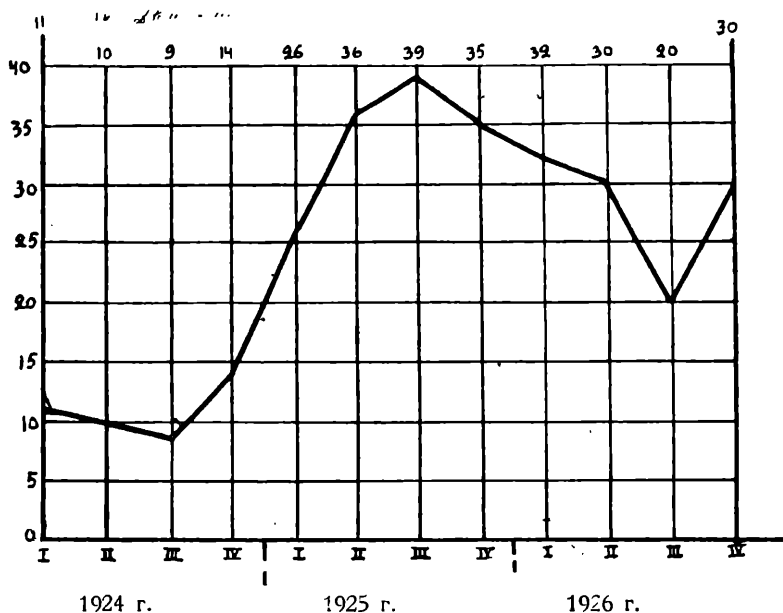
Г о д ы	Абс. ч.	Отн. ч.
1924	44	100,0
1925	135	306,0
1926	112	255,0

По этим данным мы видим быстрый рост этих правонарушений в 1925 г., в котором Мосгубсуд вынес в три раза больше приговоров, чем в 1924 г.; в 1926 же году эта кривая начинает несколько снижаться. Однако, при рассмотрении числа вынесенных приговоров в 1926 г. по кварталам, мы наблюдаем, что последний квартал дает значительное повышение числа приговоров по сравнению с предыдущим. Так, если число вынесенных приговоров в 1924 г. мы примем за 100, то получим следующие данные:

1924 год				1925 год				1926 год			
1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
100	100	82	127	236	327	355	309	291	272	182	273

Диаграмма № 4.

Движение приговоров Мосгубсуда по половым преступлениям.

При рассмотрении числа приговоров, вынесенных в отношении правонарушений, имевших место по городу и деревне, за каждый год в отдельности, мы получим следующие данные:

Место совершения преступления	1924 г.	1925 г.	1926 г.	Итого
Город	34	85	71	190
Деревня	10	50	41	101
Итого	44	135	112	291

Преобладающую роль в этих правонарушениях, как видно из приводимой таблицы, принадлежит городу, хотя следует заметить, что удельный вес города снижался из года в год.

Небезынтересно остановиться на вопросе о том, какие из половых преступлений преобладают в городе, и какие — в деревне. Это соотношение дает следующая таблица:

Стат. У. К.	Г о р о д		Деревня		И т о г о	
	Абс. ч.	Отн. ч.	Абс. ч.	Отн. ч.	Абс. ч.	Отн. ч.
Растления (166—167)	36	19,0	9	8,9	45	15,4
Развращения (168)	50	26,3	8	7,9	58	20,0
Изнасилования (169)	85	44,7	82	81,2	167	57,4
Использование материальной зависимости потерпевшей (169-а)	19	10,0	2	2,0	21	7,2
Итого	190	100,0	101	100,0	291	100,0

Из этой таблицы видно, что по всем видам половых преступлений против лиц, не достигших половой зрелости, преимущество остается за городом; в отношении же посягательств на половую неприкосновенность лиц, созревших в половом отношении, деревня по числу совершенных изнасилований находится почти на одинаковом уровне с городом. Однако, удельный вес изнасилований в деревне почти в два раза выше, чем в городе; так, процент изнасилований в деревне равен — 81,2%, а в городе — 44,7%. Если же учесть то обстоятельство, что в деревне не-

редки случаи, когда потерпевшая скрывает факт изнасилования и подает заявление об изнасиловании лишь тогда, когда по деревне пошла «худая молва», то можно будет утверждать, что изнасилования взрослых распространены в большей степени в деревне, в особенности, если учесть соотношение городского и сельского населения Московской губернии.

Необходимо отметить и то, что в делах о деревенских изнасилованиях имеет место и шантаж, целью которого обычно является стремление мнимо-потерпевшей заставить поскорее жениться на ней данного парня.

Распределение правонарушителей по отдельным видам половых преступлений следующее:

О С У Ж Д Е Н О	Абсолютные числа	Относительн. числа
За растления (166—167)	45	12,3
» развращения (168)	58	15,8
» изнасилования (169)	240	65,4
» использование материальн. завис. потерпевш. (169-а)	24	6,5
Итого	367	100,0

Таким образом, число осужденных, посягавших на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, равно 28,1%; среди них большинство осуждено за развращение малолетних и несовершеннолетних 15,8%; за растление же осуждено 12,3%. Число же посягавших на половую неприкосновенность лиц, созревших в половом отношении, равно 71,9% осужденных. Среди этой группы потерпевших огромное большинство осуждено за изнасилование (65,4%), тогда как процент осужденных за использование зависимого положения потерпевшей не так значителен (6,5%).

Таким образом, число осужденных, посягавших на половую неприкосновенность лиц, созревших в половом отношении, превышает больше, чем в два раза, число правонарушителей, посягавших на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних.

В буржуазных государствах мы наблюдаем в половой преступности как раз обратное соотношение; так, например, во Франции мы наблюдаем следующее: «Характерною чертою половой преступности во Франции — пишет проф. Гернет, является гро-

мадное число посягательств на детей. Самые крупные цифры из всех преступлений против личности выпадают именно на эти грязные преступления, когда жертвою сладострастника является ребенок. Так, например, в 1905-1910 г.г. таких посягательств на взрослых было 59, а на детей 373»¹⁾).

Социальный состав осужденных следующий:

Социальный состав	Абсолютные числа	Относи- тельные числа
Крестьяне	119	32,0
Рабочие	97	26,7
Служащие	61	16,6
Ремесленники	20	5,4
Торгово-промышленники	16	4,4
Лица свободных профессий	5	1,5
Учащиеся	4	1,0
Иждивенцы	7	2,0
Безработные	5	1,5
Лица без определ. занятий	9	2,4
Прочие	3	0,8
Неизвестно	21	5,7
Итого	367	100,0

Превалирующая роль в изучаемых правонарушениях принадлежит крестьянам (32%). Это объясняется тем, что в деревне хотя и меньше совершается половых преступлений, чем в городе, но зато число осужденных деревня дает больше, благодаря тому что групповые изнасилования преимущественно совершаются в деревне. Довольно значительно также участие в этих правонарушениях рабочих (26,7%) и служащих (16,6%). Среди служащих почти исключительно находятся работники, занимающие технические должности в совучреждениях, и которые по своему культурному уровню и по образованию едва ли могут быть отнесены к интеллигенции. Интеллигенция же, как, например, лица свободных профессий, бухгалтера, учащиеся — составляют незначительный процент в этих правонарушениях, а именно 2,5%. Довольно значительное участие в данных правонарушениях принимают также ремесленники (5,4%) и торгово-промышленники (4,4%) (учитывая их социальный вес).

Рассмотрим социальный состав растлителей и развратителей, с одной стороны, и изнасилователей — с другой.

1) ГЕРНЕТ. „Моральная статистика“, стр. 53.

Социальный состав	Развратители и растлители в %	Изнасилватели в %
Рабочие	42,4	19,5
Крестьяне	14,2	39,5
Служащие	14,2	17,2
Ремесленники	4,7	5,7
Торговцы	2,8	4,9
Лица свободных профессий	0,9	1,6
Учащиеся	0,9	1,1
Иждивенцы	4,7	0,8
Безработные	1,9	1,1
Лица без определенных занятий	5,7	2,6
Прочие	1,9	0,4
Неизвестные	5,7	5,6
Итого	100,0	100,0

Диаграмма № 5.

Социальный состав осужденных за половые преступления (Моск. губ.).

Из этой таблицы явствует, что крестьяне по сравнению с рабочими совершают преимущественно посягательства в отношении лиц, достигших половой зрелости (процент крестьян, осужденных по этим правонарушениям, равен 39,5%, рабочих же — 14,2%), т. е. число крестьян в данных правонарушениях превышает больше, чем в два раза. Обратную картину мы находим в отношении посягательств на половую неприкосновенность малолетних и не-

совершеннолетних. Здесь процент правонарушителей — рабочих равен 42,4%, а крестьян 19,5%. Таким образом, процент рабочих в данных правонарушениях по сравнению с крестьянами выше более, чем в два раза.

Интересно также сопоставить социальный состав данных правонарушителей по Московской губернии с социальным составом последних по РСФСР. Из предлагаемой таблицы мы получаем следующее отношение различных социальных группировок ¹⁾.

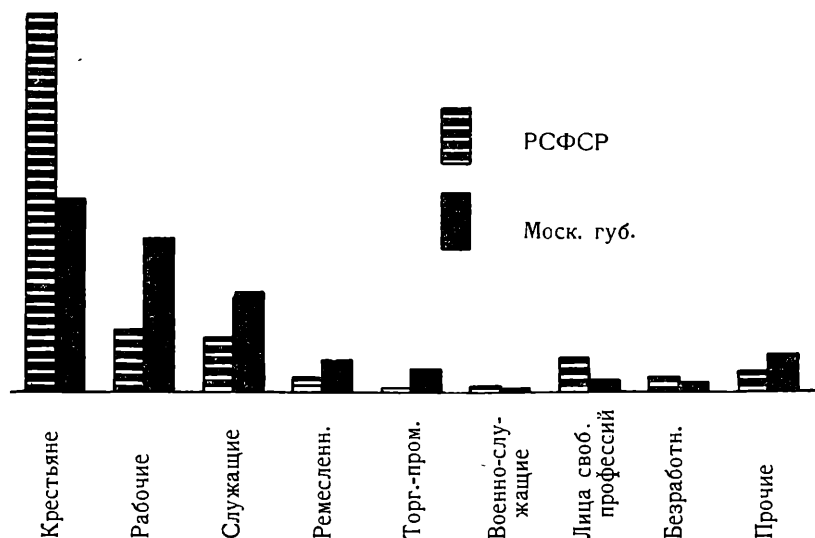
Социальный состав	РСФСР в %	Московская губ. в %
Крестьяне	66,8	34,3
Рабочие	11,4	27,9
Служащие	10,3	17,6
Ремесленники	3,1	5,8
Торгово-промышлен.	1,3	4,6
Военно-служащие	1,0	0,3
Лица свободных профессий	0,7	1,4
Безработные	1,8	1,4
Прочие	3,6	6,7
Итого	100,0	100,0

Из этих данных мы видим значительное отличие социального состава правонарушителей по Московской губернии от общих данных по РСФСР. Промышленный характер Московской губернии сильно сказывается на социальном составе правонарушителей. Так, процент крестьян по Московской губернии в два раза меньше, чем среди осужденных по РСФСР, а процент рабочих выше в два раза. Затем в 1½ раза приблизительно выше процент осужденных по Московской губернии, чем среди осужденных по РСФСР следующих социальных группировок: служащих, ремесленников и свободных профессий. Торгово-промышленники же в Московской губернии в 4 раза чаще совершают эти правонарушения, чем по РСФСР с целом.

¹⁾ Для сравнения данных по Моск. губ. с данными по РСФСР, мы ранее приводимую таблицу о социальном составе по Моск. губ. пересоставили применительно к данным РСФСР, дабы возможно было произвести это сравнение.

Диаграмма № 6.

Социальный состав осужденных за половые преступления (РСФСР и Моск. губ.).

Выше мы произвели анализ социального состава осужденных; теперь перейдем к выяснению возрастного состава последних.

Возраст осужденных в изучаемых правонарушениях следующий:

В о з р а с т	Абсолютн. числа	Относит. числа
До 18 лет	45	12,3
От 18—25 лет	161	43,8
» 26—35 »	87	23,7
» 36—50 »	52	14,2
Свыше 50 лет	22	6,0
Итого . .	367	100,0

Таким образом, наиболее активным возрастом в данных правонарушениях является возраст от 18 до 25 лет (43,8%); числа осужденных в возрасте до 18 лет и от 36 до 50 лет находятся приблизительно на одинаковом уровне. Общее же участие молодежи в этих преступлениях, если взять возрасты до 18 лет и от 18 до 25 лет, равно — 56,1% всех осужденных. Старики в возрасте свыше 50 лет участвуют в данных правонарушениях довольно интенсивно, при их общем ничтожном участии в преступности.

При рассмотрении изменений в возрастном составе осужденных за изучаемый период, мы наблюдаем следующую картину:

В о з р а с т	1924 г. в %	1925 г. в %	1926 г. в %
До 18 лет	9,3	10,3	15,5
От 18—25 лет . . .	37,0	44,9	45,2
» 26—35 »	29,6	24,3	21,0
» 36—50 »	13,0	14,5	14,2
Свыше 50 лет . . .	11,1	6,0	4,1
Итого	100,0	100,0	100,0

Из этой таблицы видно, что наблюдается непрерывный рост числа осужденных в возрасте до 18 л. и от 18 до 25 лет. Таким образом, участие молодежи в данных правонарушениях из года в год становится все более значительным.

В растлениях и извращениях обращает на себя внимание высокий % участия лиц в возрасте свыше 50 лет. В изнасилованиях принимает преобладающее участие молодежь в возрасте до 25 лет.

Закончив анализ возрастного и социального состава осужденных, перейдем к выяснению вопросов о их семейном положении, половом составе, образовании и судимости.

По полу осужденными являются почти исключительно мужчины. Женщины фигурируют в данных правонарушениях исключительно в качестве соучастниц.

Семейное положение осужденных известно только в отношении 247 чел; в отношении же остальных осужденных установить его не удалось. Семейное положение данных 247 осужденных следующее:

Семейное положение	Абсолютные числа	Относительные числа
Женатых	119	48,2
Холостых	115	46,5
Вдовых и разведенных	13	5,3
Итого	247	100,0

Таким образом, численное отношение женатых и холостых в данных правонарушениях почти одинаково. Если же мы холостых, вдовых и разведенных возьмем за одну скобку, то численность последних будет даже несколько превышать число осужденных, являющихся по семейному положению женатыми. Эти данные, между прочим, несколько отличаются от до-революционных, где холостых среди этих правонарушителей было подавляющее большинство.

Рассматривая же семейное положение данных правонарушителей по месту совершения ими преступных деяний, мы получаем следующие данные:

Место совершения преступления.	Женатых		Холостых		Вдов. и разв.	
	абс. ч.	отн. ч.	абс. ч.	отн. ч.	абс. ч.	отн. ч.
Город	79	66,4	45	39,1	7	53,8
Деревня	40	33,6	70	60,9	6	46,2
Итого . .	119	100,0	115	100,0	13	100,0

Семейное положение осужденных по городу и деревне, таким образом, резко отличается: так, если в городе мы наблюдаем преобладание женатых, то в деревне, наоборот, большинство осужденных являются холостыми.

Семейное положение осужденных по отдельным видам половых преступлений следующее:

Вид преступления	Женат	Холост	Вдов и развед.
Растлители (166—167) . . .	15	10	2
Развратители (168)	14	13	4
Изнасилватели (169)	75	91	7
Использование материальной зависимости потерп. (169-а)	15	1	—

Таким образом, среди лиц, посягавших на половую неприкосновенность с использованием материальной зависимости потерпевшей, почти все являются женатыми. В растлениях малолетних и несовершеннолетних мы видим, что участвуют преимущественно женатые. В развращениях же малолетних и несовершеннолетних участвуют в одинаковой степени как женатые, так и холостые. В изнасиловании же лиц, достигших половой зрелости, главным образом, участвуют холостые. Этим и объясняется то обстоятельство, что данные правонарушения совершаются в деревне преимущественно холостыми, ибо там почти исключительно совершаются изнасилования лиц, достигших половой зрелости.

Таким образом, развращения и растления малолетних и несовершеннолетних совершаются главным образом женатыми. Последние правонарушения совершаются преимущественно, если не исключительно, в городе, и поэтому среди осужденных города и наблюдается по сравнению с осужденными деревни — преобладание женатых.

По образованию, основная масса осужденных малограмотные и неграмотные. Со средним образованием совершенно незначительное число осужденных, и с высшим есть только несколько случаев. Тогда как по до-революционным данным число осужденных со средним и высшим образованием составляло довольно значительный процент.

Прошлая судимость данных осужденных весьма незначительна, она равна всего 6%, причем судимости преобладают за кражи, хулиганство, оскорбления и дезертирство.

Процент осужденных, совершивших данные правонарушения в состоянии опьянения, равен 19%.

Однако по отдельным годам мы наблюдаем следующие колебания:

1924 г.	16,6%
1925 г.	12,1%
1926 г.	28,4%

Таким образом, мы видим, что, начиная с конца 1925 г., наблюдается сильный рост в 1926 г. правонарушений, совершаемых в пьяном состоянии. Небезынтересно отметить, что по сравнению с хулиганством наблюдается значительно более низкий процент осужденных, совершивших правонарушения в состоянии опьянения. Это объясняется тем, что почти все осужденные по 166—168 и 169-а статьям УК совершают данные правонарушения в трезвом состоянии, в пьяном же состоянии эти правонарушения совершаются преимущественно осужденными по 169 ст. УК.

Заканчивая общий статистический анализ данного материала, мы еще остановимся специально на анализе той формы половых правонарушений, которая является особо социально-опасной, а именно на групповых изнасилованиях.

Общее число последних за 1924 г., 1925 г. и 1926 г. равно 32, причем по городу — 9 случаев групповых изнасилований, а по деревне — 23. Процент групповых изнасилований по отношению к общему числу изучаемых правонарушений равен 11,3%. Процент же осужденных по групповым изнасилованиям к общему числу последних равен 28,3%. Но если мы примем во внимание, что групповые изнасилования квалифицируются по 169 ст. УК и возьмем поэтому число осужденных по групповым изнасилованиям только к общему числу осужденных по этой статье, то этот процент будет равен 42,5%.

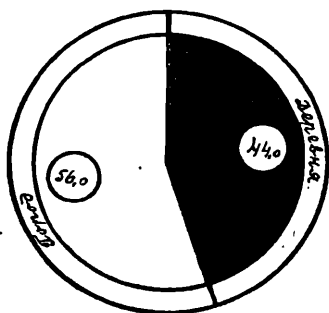
Сопоставляя данные о месте совершения преступления по общим данным и по групповым изнасилованиям, получаем следующую таблицу:

Место совершения преступления	Общие данные в %	Групповые изнасил. в %
Город	56,0	28,0
Деревня	44,0	72,0
Итого . . .	100,0	100,0

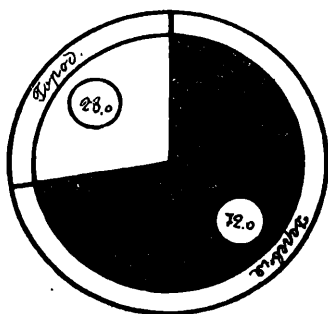
Диаграмма № 7.

Групповые изнасилования в городе и деревне.

Общие данные.

Групповые изнасилования.

Если половые преступления, в целом, возникают преимущественно в городе, то групповые изнасилования в своем подавляющем большинстве (72%) возникают в деревне.

Следует отметить, что группы более велики количественно в деревне. В городе же не было ни одного случая группового изнасилования, в котором число участников превышало бы 5 чел.

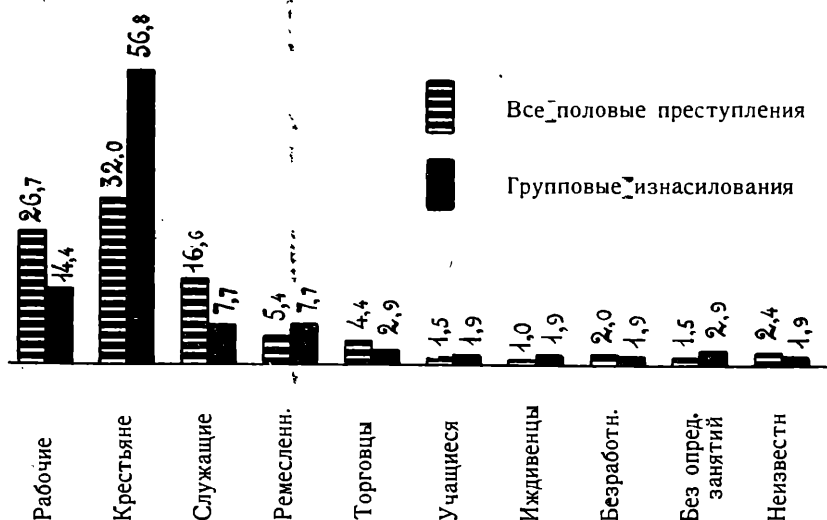
Число осужденных за групповые изнасилования составляет по городу 25 ч. и по деревне — 77 чел.

При сравнении социального положения осужденных по групповым изнасилованиям с общими данными, мы получаем следующую таблицу:

Социальный состав	Общие данные в %	По групповым преступ. в %
Рабочие	26,7	14,4
Крестьяне	32,0	56,8
Служащие	16,6	7,7
Ремесленники	5,4	7,7
Торгово-промышленники	4,4	2,9
Учащиеся	1,0	1,9
Иждивенцы	2,0	1,9
Безработные	1,5	1,9
Прочие	4,7	2,9
Неизвестн	5,7	1,9
Итого	100,0	100,0

Диаграмма № 8.

Социальный состав осужденных за половые преступления.

Из этой таблицы мы видим, что в групповых изнасилованиях, по сравнению с общими данными, почти в два раза снижен процент рабочих, процент же крестьян повышен почти в два раза. Затем в групповых изнасилованиях больше чем в 2 раза снижается процент служащих, по сравнению с общими данными. Остальные же социальные группы колеблются приблизительно на одном уровне. Таким образом, в групповых изнасилованиях преобладающую роль играют крестьяне.

Возраст участников в групповых изнасилованиях по сравнению с общими данными следующий:

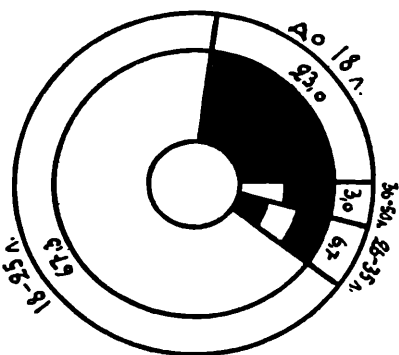
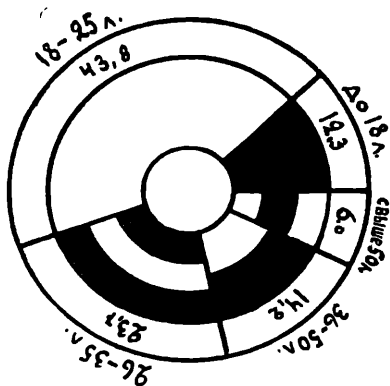
В о з р а с т	Общие данные в %	По группо- вым изна- силованиям в %
До 18 лет	12,3	23,0
От 18—25 лет	43,8	67,3
» 26—35 »	23,7	6,7
» 36—50 »	14,2	3,0
Свыше 50 »	6,0	—
Итого	100,0	100,0

Диаграмма № 9.

Возрастной состав осужденных за половые преступления.

Половые преступл. (все).

Групповые изнасилования.

Таким образом, при сравнении возраста участников групповых изнасилований с общими данными, мы видим весьма крупные отличия: так, процент осужденных в возрасте до 18 лет и от 18 до 25 л. по групповым изнасилованиям едва ли не в два раза выше, чем это имеет место в общих данных. На ряду с этим, мы наблюдаем также резкое снижение процента осужденных в возрасте от 26 до 35 л. и от 36—до 50 лет в групповых изнасилованиях. Таким образом, если по общим данным процент молодежи среди осужденных равен 56,1%, то в групповых изнасилованиях этот процент равен 90,3%.

Судимость среди участников групповых изнасилований более высока, чем среди всех осужденных по половым правонарушениям. Так, по общим данным процент судившихся равен 6%, а по групповым изнасилованиям — 10,5%. Судимость преобладает за хулиганство и кражу.

Процент лиц, совершивших правонарушения в состоянии опьянения, если взять суммарно за три года, ниже, чем в общих данных: так, этот процент равен — 19%, а в групповых изнасилованиях — 16%. Если же взять процентное соотношение только к числу осужденных за 1926 г., то он будет равен 36%. Таким образом, алкоголь, сильно дает себя чувствовать в групповых изнасилованиях в 1926 г.

Подводя итоги, мы можем так охарактеризовать современную половую преступность.

А. Динамика половой преступности.

1. Значительное возрастание половой преступности за последние три года.

2. Повышение удельного веса деревни, при все еще преобладающем значении города, как места совершения половых преступлений.

3. По отдельным видам половых преступлений % изнасилований взрослых в деревне в два раза выше, чем в городе, тогда как процент посягательств на половую неприкосновенность малолетних и совершеннолетних значительно выше в городе, чем в деревне.

Б. Социальный состав осужденных.

1. Превалирующая роль в половых правонарушениях принадлежит крестьянам, рабочим и служащим.

2. Крестьяне совершают преимущественно изнасилования взрослых (169), рабочие совершают преимущественно посягательства на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, служащие же — посягательства на половую неприкосновенность взрослых с использованием материальной зависимости потерпевших.

3. Особенность социального состава осужденных по Московской губернии, при сравнении с социальным составом осужденных по РСФСР, заключается в том, что процент крестьян по Московской губ. в два раза меньше, чем среди осужденных по РСФСР, а процент рабочих выше в два раза.

В. Возрастной состав осужденных.

1. Преобладающую роль в половых правонарушениях играет возраст от 18 до 25 лет. Характерно для половых преступлений то, что среди осужденных за растления и развращения довольно значителен процент старших возрастов и даже стариков (свыше 50 лет).

2. При общем снижении из года в год числа осужденных по отдельным возрастным группировкам, наблюдается непрерывный рост числа осужденных в возрасте до 18 л. и от 18 до 25 л.

3. Особенность возрастного состава среди осужденных по Московской губернии, при сравнении с возрастным составом осужденных по РСФСР, заключается в том, что процент наиболее молодых возрастов по Московской губернии ниже, чем среди осужденных по РСФСР, и процент старших возрастов среди осужденных по Московской губернии выше, чем по РСФСР.

Г. Семейное положение осужденных:

1. Среди осужденных города преобладают женатые, а среди осужденных деревни — холостые.

2. Семейное положение лиц, осужденных по отдельным видам половых правонарушений следующее: растления совершают преимущественно женатые, развращения совершают в одинаковой степени как женатые, так и холостые, изнасилования же совершают главным образом холостые.

Д. Пол, образование, судимости и алкоголизм половых правонарушителей:

1. По полу осужденные почти исключительно мужчины. Женщины фигурируют в качестве соучастниц.

2. По образованию среди осужденных преобладают малограмотные и неграмотные.

3. Процент, среди осужденных по половым преступлениям, лиц с прошлой судимостью, очень мал.

4. Число осужденных, совершивших данные правонарушения в состоянии опьянения, растет из года в год.

Е. Групповые изнасилования:

1. Социальное положение участников групповых изнасилований значительно отличается от общих данных: так, в групповых изнасилованиях процент рабочих снижается в два раза по сравнению с общими данными, процент же крестьян увеличивается почти в два раза. Затем больше, чем в два раза, увеличивается процент служащих.

2. В отличие от общих данных, участники групповых изнасилований состоят почти исключительно из молодежи в возрасте до 18 л. и от 18 до 25 лет.

3. Прежняя судимость участников групповых изнасилований более высока, чем по общим данным.

4. Влияние алкоголя в групповых изнасилованиях в особенной степени сказывается в 1926 г.

III.

В заключение остановимся на изучении уголовно-судебной политики, которая имела место в отношении половых правонарушений.

Прежде всего, мы остановимся на тех мерах социальной защиты, которые применялись Мосгубсудом в борьбе с изучаемыми правонарушениями.

Основной мерой социальной защиты, применяемой судом в борьбе с половыми преступлениями, является лишение свободы. Правонарушители по данным преступлениям были лишены свободы на следующие сроки:

		в ‰/‰	
Лишение свободы до 1 года		10,3	осужденных
"	" 1—2 л.	25,6	"
"	" 2—4 л.	33,0	"
"	" 4—6 л.	13,3	"
"	" 6—10 л.	3,0	"

Таким образом, основная масса осужденных приговорена судом к лишению свободы от 1 до 2 лет (25,6%) и от 2 до 4 л. (33%). Условно же осуждению было подвергнуто 11,8%. Осужденных к другим мерам социальной защиты — 3%.

По отдельным видам половых преступлений меры социальной защиты применялись следующие:

Статьи У. К.	Сроки лишения свободы							
	До 1 г. %/%	1—2 г. %/%	2—4 г. %/%	4—6 л. %/%	6—10 л. %/%	Условно %/%	Другие м. с. з. %/%	Итого % %
166	—	27,3	27,3	36,3	—	—	9,1	100,0
167	—	11,4	25,7	34,2	23,0	—	5,7	100,0
168	20,7	27,6	20,7	10,3	—	17,2	3,5	100,0
169	10,5	28,4	37,0	9,6	0,8	12,0	1,7	100,0
169a	4,4	13,0	24,8	17,4	4,3	17,4	8,7	100,0

Из этой таблицы видно, что в отношении правонарушителей, осужденных по 166 ст., применялось лишение свободы, главным образом, на срок от 4 до 6 лет (36,3%). То же самое наблюдается и в отношении осужденных по ст. 167 УК., где на срок от 4 до 6 лет осуждено 34,2%. Осужденных же по 166 ст. УК на срок лишения свободы от 6 до 10 лет вовсе не имеется, тогда как по 167 ст. на этот срок лишения свободы осужден довольно значительный процент правонарушителей (23%). Но если для осужденных по 166 и 167 статьям в общем характерно лишение свободы на срок от 4 до 6 лет, то для осужден-

ных по 169 и 169-а статьям У.К. этот срок лишения свободы снижается, и здесь основная масса правонарушителей осуждается на срок от 2 до 4 лет; так, по 169 ст. осуждено 37 % правонарушителей, а по 169-а — 24,8 %. В отношении же осужденных по 168 ст. У.К. характерно еще большее снижение репрессии, так, здесь основная группа правонарушителей осуждена на срок лишения свободы от 1 до 2-х лет (27,6 %) и от 2 до 4 лет (20,7 %). Осужденных на срок от 6 до 10 лет по этой статье вовсе не имеется. Почти на одинаковом уровне находится число осужденных по 168 ст. к условному осуждению (17,2 %) и к лишению свободы до 1 года (20,7 %). Та же картина наблюдается и в отношении осужденных по 169 ст.: так, здесь к условному осуждению приговорено 12 % правонарушителей и к лишению свободы до 1 г. — 10,5 % последних. Условное осуждение почти в одинаковой степени применяется в отношении осужденных по 168 (17,2 %) и по 169-а (17,4 %). Реже условное осуждение применяется в отношении осужденных по 169 ст. (12 %) и совсем не применяется, как это указывалось раньше, по 166 и 167 статьям У.К.

Одним из основных вопросов при изучении уголовно-судебной политики является вопрос о применении уголовного закона в судебной практике. Поэтому необходимо проследить движение репрессии в рамках санкции уголовного закона. Это можно выяснить из данных следующей таблицы*):

Число вынесенных приговоров	Статьи уг. код.			
	166	167	169	169а
выше минимума санкции . . .	10,0	24,3	12,6	18,7
ниже минимума санкции . . .	30,0	39,4	57,2	31,3
по линии минимума санкции .	60,0	36,3	30,2	50,0

Самый большой процент осужденных, в отношении которых вынесенные меры соц. защиты, идут по линии минимума приходится на осужденных по 166 ст. (60 %) и по 169-а (50 %), тогда как в отношении осужденных по 167 и 169 — этот процент значительно ниже (167 ст. — 36,3 % и 169 ст. — 30,2 % осужд.).

Наименьшие колебания репрессии между минимумом и максимумом санкции, т. е. движение репрессии выше минимума санкции, мы наблюдаем в отношении осужденных по 166 и 169-а ст. Так, число осужденных по 166 ст., в отношении которых были вынесены меры социальной защиты выше минимума санкции — равно

*) Нами взяты только те статьи, в санкции которых указан минимум лишения свободы.

10%, а в отношении осужденных по 169 ст. 12,6%. Более высокий процент осужденных, в отношении которых применялись меры социальной защиты выше минимума санкции, приходится на ту группу осужденных, деяния которых квалифицировались по 167 ст. (24,3%) и по 169а (18,7%).

Наибольший процент выносимых мер социальной защиты ниже минимума санкции уголовного закона применяется в отношении осужденных по 169 ст. (57,2%), в отношении же осужденных по 166, 167 и 169а то процент выносимых мер социальной защиты ниже минимума санкции уголовного закона находится почти на одинаковом уровне (166 ст. 30% осужд., 167 — 39,4% осужд., и 169а ст. — 31,3% осужд.).

Таким образом, на основании данных последней таблицы мы видим, что по отношению к весьма значительному проценту осужденных применялись меры социальной защиты ниже минимума, указанного в законе, и поэтому мы можем сделать тот вывод, что санкции статей по половым преступлениям У.К. 1922 г., еще до опубликования нового У.К. (редакции 1926 г.), в значительной степени не проводились в жизнь судебной практикой. Те снижения санкций, которые фиксированы в У.К. редакции 1926 г., уже задолго до опубликования последнего фактически проводились в жизнь.

Переходя к вопросу о применении 28 и 36 ст. У.К. в половых правонарушениях, мы прежде всего должны остановиться на вопросе о том, к какому проценту осужденных последние применялись. Из общего числа осужденных, 28 ст. применялась в отношении 24% правонарушителей, а 36 ст. — 9,2% правонарушителей. По отдельным видам половых преступлений наблюдаются значительные колебания процента осужденных, к которым применялась 28 или 36 ст. У.К. Если взять отношение числа осужденных, к которым применялись 28 и 36 статьи У.К., к общему числу осужденных, по каждому отдельному виду половых правонарушений, то у нас получаются следующие данные:

Ст. уг. код.	166—167	168	169	169а
	%	%	%	%
28 стат.	42,2	4,7	27,0	—
36 стат.	2,2	12,0	9,6	13,0

Здесь мы видим, что 28 ст. реже всего применяется в отношении осужденных по 168 ст. (4,7%), на ряду с этим здесь весьма значительно применение 36 ст. (12%). Наиболее значительно применение 28 ст. в отношении осужденных по 166 и 167 ста-

тъям У.К. (42,2%), в то же время здесь реже всего применяется 36 ст. (2,2%). Довольно значительно применение 28 ст. в отношении осужденных по 169 ст. (27%), здесь также довольно значительно применение 36 ст. (9,6%).

К осужденным же по 169а 28 ст. вовсе не применяется, применение же 36 ст. здесь более значительно, чем во всех остальных видах половых преступлений (13%).

Мотивы, обуславливающие применение 28 и 36 ст. ст. У. К. в приговорах указываются следующие: наиболее часто применяемые — малограмотность, первая судимость, социальное положение, тяжелое материальное положение, семейное положение и молодость; значительно реже применяются такие мотивировки, как служба в Красной армии, «чистосердечное признание» и «раскаяние», опьянение и характеристика коллективов о поведении осужденного до момента совершения преступления, и уже совсем редко применяются эти статьи без всякой мотивировки.

Обычно в приговорах переплетается целый ряд этих моментов, так, в одном приговоре мы читаем: «учитывая первую судимость, его пролетарское происхождение, темноту и малосознательность гражданина Л., а равно принимая во внимание характеристику данную ему рабочими...говорящей о его безупречном, до совершения преступления, поведении, Губсуд находит возможным в отношении гр. Л. применить 28 ст. УК»... Особенное внимание обращается судом на материальное и семейное положение осужденного: так, в одном приговоре говорится: «учитывая то, что осужденный гр. П. семейный, а также наличие крестьянского хозяйства, в котором он является единственным работником... постановил применить к гр-ну П. 28 ст. УК...». В отношении формулировок, обуславливающих применение 36 ст. У.К., в качестве типичной приведу следующую: «принимая во внимание первую судимость гр-на З., а также его имущественное положение, как рабочего, на иждивении которого находятся двое малолетних детей, а также его заслуги в период гражданской войны... и что гр-н З. не является социально-опасным для общества, поэтому и не требуется его изоляции. На основании всего изложенного суд находит возможным применить к нему 36 ст. У.К.»...

Если в общем линия суда в отношении применения 28 и 36 ст. У.К. была правильной, то все же в отдельных случаях, правда единичных, наблюдается некоторый перегиб в сторону применения как 28, так и 36 ст. У.К. Верховный Суд РСФСР обратил, специально, свое внимание на те должностные преступления, которые «связаны с насилием над личностью». По этому поводу Верховный Суд в своем инструктивном письме (№ 2, 1925 г.) главсудам, крайсудам и губсудам пишет: «практика УКК показывает, что суды недостаточно учитывают необходимость борьбы с некоторыми видами должностных преступлений, борьба с которыми в первую очередь есть борьба за революционную законность и общую политику Советской власти.

К таким преступлениям следует отнести должностные преступления, совершаемые из корысти, должностные преступления, сопряженные с разного вида и рода насилием над личностью (курсив наш—Б.М.) и, наконец, должностные преступления, которые имеют признаки самоуправства или самодурства. Совершенно естественно, что громадное число этих преступлений совершается в деревне, так как именно там для них имеются наиболее благоприятные условия в виде низкого культурного уровня крестьянских масс, связанного с полным незнанием часто самых элементарных своих прав и обязанностей, а также и способов защиты от незаконных действий представителей власти и вообще должностных лиц. При этих условиях, имеющих последствием в значительном числе случаев полную безнаказанность преступлений должностного лица, суды должны с особенной тщательностью рассматривать дела об уже раскрытых преступлениях этого рода, и в случае доказанности их, карать виновных с целью достижения общего предупреждения преступлений.

Во всяком случае к преступлениям этого рода ст. 28 и ст. 36 У. К. применяться не должны. (курсив—Б.М.). Если же исключительные обстоятельства какого либо отдельного дела приведут суд к сознанию необходимости применения этих статей, то суд должен в приговоре подробно и конкретно мотивировать, чем вызвано их применение».

Социальное положение осужденных, к которым применялась 28 и 36 ст. У. К. следующее:

Соц. состоян.	Рабоч.	Крест.	Служ.	Кустар.	Своб. пр.	Учаш.	Иждив.	Прочие	Неизв.	Итого
28 ст.	26,9%	41,8%	13,5%	3%	0,7%	0,7%	3,7%	3,7%	6%	100%
36 ст.	35%	20%	20%	5%	—	2,5%	2,5%	10%	5%	100%

Из этих данных мы видим, что 28 ст. применяется преимущественно в отношении крестьян (41,8%), тогда как 36 ст., главным образом, в отношении рабочих (35%). В отношении служащих 36 ст. применяется чаще (20%) чем статья 28 У. К. (13,5%). Довольно значителен процент применения 28 и 36 ст. У. К. в отношении кустарей; причем под рубрикой «кустарей» фигурируют здесь мелкие кустари, основой дохода которых является их собственный труд.

Особенно часто наблюдается применение 28 и 36 ст.ст. к тем осужденным, которые только покушались на совершение правонарушения. Если взять отношение числа неоконченных правона-

рушений из числа половых преступлений, к общему числу последних (конечно, мы берем только те правонарушения, которые квалифицируются по 166, 167 и 169 статьям У. К.), то это отношение будет равно 25 %. Таким образом, четвертую часть всех половых правонарушений составляют неоконченные деяния. Процент неоконченных деяний по отдельным видам половых правонарушений следующий: по 166 и 167 статьям У. К. — 42,2 %, и по 169 ст. 26 %. Стало быть, процент покушений более значителен среди правонарушений, квалифицируемых по 166 и 167 статьям У. К. (42,2 %), чем среди правонарушений, квалифицируемых по 169 ст. У. К. (26 %).

Это объясняется тем, что посягательства на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних происходят преимущественно в квартирах, где при первом же крике потерпевшей являются соседи, которые лишают возможности осужденного выполнить полный состав преступления.

Как уже упоминалось выше, в отношении тех осужденных, которые не выполнили по тем или иным причинам полного состава преступления, довольно часто имеет место применение 28 и 36 статей У. К.: так, последние применялись к 82,7 % данных осужденных. Таким образом, мы видим, что едва ли не 90 % всех покушений оканчиваются применением 28 и 36 статей У. К. При чем 28 ст. применялась в отношении 58 % всех покушений, а 36 ст. — к 24,7 % последних.

Применение же 28 и 36 ст. У. К. в отношении того круга покушений, которые имели место, по отдельным видам половых преступлений, следующее: к осужденным, которые покушались на совершение преступлений, квалифицируемых по 166 и 167 статьям У. К., 36 статья совсем не применялась, применение же 28 ст. имело место к 37 % осужденных. В отношении же осужденных по 169 статье, не выполнивших полный состав преступления, процент применения 28 и 36 ст. равен 96,7 %, причем 28 статья была применена к 64,5 % данных осужденных и 36 ст. — 32,2 % осужденных.

Таким образом, в отношении покушений на изнасилование лиц, созревших в половом отношении, 28 и 36 статьи У. К. применяется едва ли не к 100 % последних (96,7 %); тогда как в отношении осужденных, покушавшихся на половую неприкосновенность малолетних и несовершеннолетних, только в третьей части последних имеет место применение 28 ст. УК.; 36 ст. в данных правонарушениях вовсе не применяется.

Типичными мотивировками, обуславливающими применение 28 и 36 ст. УК., при покушениях, являются примерно следующие: «учитывая, что покушение никаких вредных последствий не имело (курсив наш Б. Я.), обвиняемый ни разу не судился»... суд постановил: «приговор считать условным». Подобная постановка вопроса о покушении которая подчас явление обычное, не вполне соответствует основным принципам нашей уголовной политики. Вместе с тем здесь выявляется и то обстоя-

тельство, что идея эквивалента еще жива в достаточной степени в судебной практике.

В заключение остановимся на соотношении обще и специально превентивного начала в судебной практике в отношении половых преступлений. Нередко высказывается мнение, что между общим и специальным предупреждением вообще нельзя провести разграничения, и что подобные попытки являются схоластикой. Нам думается, что генеральную линию, по которой движется в данный отрезок времени уголовная политика выявить можно, и стало быть можно выявить, какие ставятся основные задачи, задачи ли общего или специального предупреждения. Судебная практика в достаточно осязаемой форме проводит различие между общим и специальным предупреждением. Это можно проиллюстрировать хотя бы на растратчиках и хулиганах. До того момента, когда волна этих правонарушений не представляла еще большой социальной опасности, суд подходил к этим правонарушениям преимущественно с точки зрения специального предупреждения и, конечно, если бы в дальнейшем, с ростом этих преступлений на первый план не были бы поставлены задачи общего предупреждения, то расстрелов в отношении этих правонарушителей мы наверное не имели бы; затем можно также на изучаемых правонарушениях продемонстрировать то разграничение, которое проводит судебная практика между общим и специальным предупреждением. Так, например, в тот момент, когда половые преступления были не столь частым явлением, суд подходил к правонарушителям прежде всего с точки зрения специального предупреждения, и выносились формулировки обычно слеующего характера: «Учитывая первую судимость гражданина Ш. — говорится в одном приговоре, — его честную трудовую жизнь в прошлом и службу в Красной армии, имея в виду его социальное положение, а также считая назначенное ему наказание в три года непомерно большим... суд нашел возможным, на основании ряда хороших отзывов о гражданине Ш., как о честном и полезном работнике для общества, поэтому на основании ст. 28 У. К. назначенное ему наказание в 3 г. лишения свободы, понизить до 1 г. 6 мес.»... Затем в дальнейшем, когда в 1925 г. кривая этих преступлений начала быстро подниматься вверх, то в приговорах все чаще начинают выдвигаться во главу угла задачи общего предупреждения: «учитывая, что насилие имело место в лесу — читаем мы в одном приговоре, — что изнасилована была крестьянка, отправившаяся в лес по делам своего хозяйства, суд, учитывая социальную опасность содеянного, что подобные деяния терроризуют крестьянских женщин и девушек, по характеру своих работ неоднократно отправляющихся в лес по хозяйству, приговорил»... В особенности момент общего предупреждения выдвигается в групповых изнасилованиях, так, в одном приговоре пишется следующее: «Принимая во внимание... рост хулиганства... выливающегося в поножовщину и доходящего до коллективного насилия над женщинами, грязящей срывом всякой культурной работы, необходимо самыми суровыми ме-

рами в корне пресечь это социально-опасное явление и, учитывая одновременно степень развития и социальной опасности каждого подсудимого, суд приговорил гражданина Б. и гр-на В. по 169 ст. У. К. лишить свободы сроком на 5 лет каждого без поражения прав, а гр. Е. по 16 и 169 У. К. и В-ва по 169 ст. У. К. к лишению свободы сроком на десять лет каждого без поражения прав»... И в этот момент, даже в отношении случаев покушения, начинают выдвигаться те же задачи, так мы читаем: «Переходя к вопросу о мерах социальной защиты, суд считает необходимым отметить, что в связи с нарастающими в последнее время половыми преступлениями в г. Москве и губернии, необходимо выносить суровые меры социальной защиты, независимо от того, что преступный результат не наступал, т. к. это в данном случае не зависело от воли правонарушителей»...

Таким образом, судебная практика умеет с достаточной четкостью устанавливать грань между задачами общего и специального предупреждения, когда это ей необходимо. Подтвердить это можно также и на той эволюции которую прошла наша уголовная политика за время революции. Так, в период военного коммунизма ставились преимущественно задачи общего предупреждения. Между прочим, т. Эстрин считает, что в период военного коммунизма во главу угла ставились не задачи общего, а специального предупреждения¹⁾. С этой точкой зрения едва ли можно согласиться, ибо в первый период пролетарской революции уголовная политика пролетарского государства ставила себе главной задачей устранение своего классового противника. В этот период чрезвычайные органы во главу угла своей деятельности ставили задачи общего предупреждения, которые конкретизировались в наиболее яркой своей форме — в терроре. «Устранение — пишет т. Троцкий, в своей книжке «Терроризм и коммунизм» — есть могущественное средство, политики международной и внутренней. Война, как революция, основана на устрашении» (Курсив наш Б. М.). В первые периоды революции на первом плане прежде всего стоял вопрос о социальной опасности деяния, как такового. Лучшей иллюстрацией этого положения может служить еще институт заложников. Но если, таким образом, в первые этапы пролетарской революции доминирующую роль играло общее предупреждение, то в дальнейшем, с укреплением мощи пролетарского государства роль специального предупреждения все более возрастает. И это мы можем констатировать уже в наши дни, когда роль специального предупреждения довольно значительна. Однако, в условиях современности временами почти исключительно роль играет общее предупреждение, и это имеет место в те моменты, когда данный род правонарушений принимает особенно угрожающие размеры. Но возникающие кампании по борьбе с тем или иным родом правонарушений весьма отрицательно отражаются как на

¹⁾ „К вопросу о принципах построения системы уголовной репрессии в пролетарском государстве“ (Жур. „Рев. и Право“ № 1).

деятельности судебного, так и следственного аппарата, и приводят на практике иногда к искажениям уголовной политики. Для преодоления подобных явлений в дальнейшем, суд должен всемерно усилить плановое начало в своей деятельности, в смысле систематического изучения практики и своевременного выпрямления появившихся недочетов, дальнейшее развитие которых может оказать свое влияние на усиление темпа роста данного рода правонарушений.

Затем, с задачами усиления планового начала в нашей судебной практике совершенно несовместимы начала эквивалента, которые стихийно прорываются, несмотря на то что уголовное законодательство всемерно ведет с ними борьбу. Таким образом, наблюдая живучесть эквивалентных начал в судебной практике, мы в отношении этого явления не должны занять позицию «скрещенных рук на груди», а необходимо, в пределах возможного, вести борьбу с этим идеологическим пережитком, отражающим идеологию значительных кругов крестьянства и наиболее отсталых слоев рабочего класса. Констатирование, вместо борьбы с этим началом, есть определенный идеологический хвостизм. В этой борьбе определенную роль должны сыграть все возможности государственного аппарата, а также научные институты и кабинеты по изучению преступности и преступника.

Половая преступность в до-революционной России.

(Статистический очерк).

Не только в современной, но и в дореволюционной русской уголовно-социологической литературе половым преступлениям определенно не посчастливилось. Между тем, при изучении современной половой преступности анализ ее дореволюционных форм приобретает большое значение; зачастую мы не можем понять тех или иных особенностей в преступности без известных сопоставлений, взятых соотносительно изменениям в области экономической; мы уже не говорим о том, что, видя причины преступности, вообще, половой преступности, в частности, коренящимися в капиталистическом способе производства, мы должны уделить достаточно места анализу преступности этого последнего. Правда, не следует забывать, что нами сравниваются различные эпохи, что понятия «преступного» и «непреступного» видоизменяются, и уголовная статистика, целиком отражающая эти видоизменения, зачастую может оказаться весьма ненадежным оружием в руках исследователя.

Вследствие этого, в предлагаемом очерке, посвященном описанию половой преступности дореволюционной (точнее, довоенной) России, отводится сопоставлениям весьма скромное место, и в центре внимания находится анализ динамики половой преступности и выявление основных социологических черт, характеризующих полового преступника. Что же касается уяснения отдельных социально-экономических условий, определивших то или иное направление в развитии половой преступности, то эта работа, представляющая собой самостоятельное значение, здесь нами не продельвается, так как это расширило бы поставленную задачу за рамки настоящего сборника, посвященного главным образом, *современной* половой преступности.

Официальная уголовная статистика в числе половых преступлений насчитывала ряд деяний, которые у нас отказались считать преступными: таковы прелюбодеяния, педерастия, скотоложество. С другой стороны, наше уголовное право затрагивает деяния, ранее не считавшиеся преступными; таково, например, притонодержательство. Отбрасывая деяния, ныне не входящие в Уголовный Кодекс, мы выделяем растления и изнасилования в качестве двух основных групп половых преступлений.

Обращаясь к данным уголовной статистики за сорокалетний период времени, мы должны прежде всего констатировать колоссальный рост половой преступности. В 1874 г. в пределах 33 губерний Европейской России было осуждено за изнасилования и растления 110 человек. В 1913 г. на той же территории число осужденных за половые преступления возросло до 403 человек, т.-е. увеличилось в 3,7 раз¹⁾. Правда, в этот коэффициент должны быть внесены поправки на рост населения, на большую обращаемость последнего в суды по половым преступлениям, наконец, на развитие судебно-следственного аппарата, но эти поправки, как мы увидим ниже, не столь уж значительны.

Неравномерность темпа роста половых преступлений, состоящая в значительном его усилении как раз в последние годы изучаемого периода, характеризуются следующими данными²⁾.

Таблица 1. Число осужденных за половые преступления в России в 1900—1913 г.*)

Преступления	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
	в абсолютных числах													
Растления	96	99	95	72	86	74	93	73	126	160	197	237	211	261
Изнасилования .	242	247	237	249	299	236	280	356	468	519	523	570	691	799
Итого . . .	338	346	332	321	385	310	373	429	594	679	700	807	902	1060
	в относительных числах (1900 г.-100).													
Растления	100	103	98	75	89	77	97	76	131	166	205	246	219	271
Изнасилования .	100	102	99	103	123	97	116	147	193	214	216	235	285	330
Итого . . .	100	102	98	95	114	92	110	127	176	201	207	239	267	314

Если первые пять-семь лет двадцатого века характеризуется сравнительной устойчивостью числа осужденных за половые преступления, то, начиная с 1906 года для изнасилований и с 1908 года — для растлений, эта стабильность сменяется бурным ростом: если число осужденных за изнасилования в 1907 г.

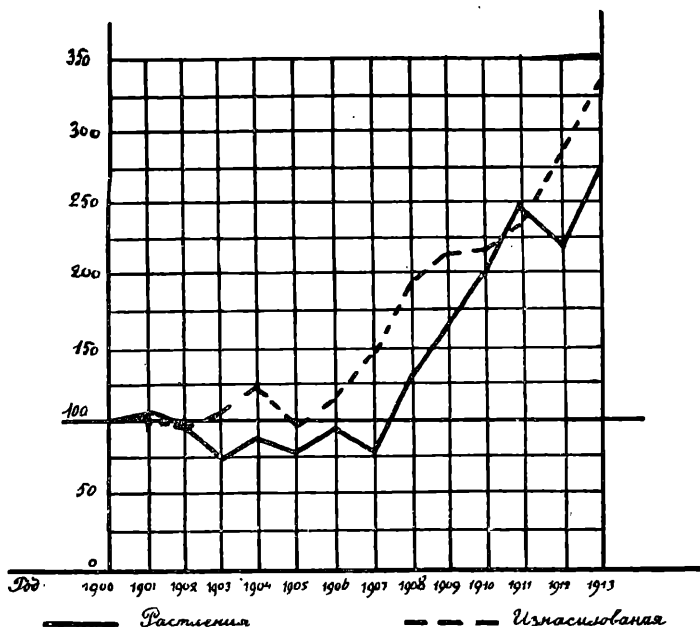
1) Данные за 1874 г. взяты из „Итогов уголовной статистики за 20 лет“. Для 1913 г. цифры осужденных за половые преступления вычислены на основании „Свода статистических сведений...“ Министерства Юстиции за 1913 год, по 33 губерниям Европейской России.

2) Везде в тексте, кроме тех данных, о которых особая оговорка, использованы материалы, опубликованные в „Сводах“ и „Сборниках“ статистических сведений Министерства Юстиции за соответствующий год.

*) Данные охватывают всю Россию, за исключением Округа Тифлисской палаты.

Диаграмма № 1.

Движение числа осужденных за половые преступления в России
в 1900—1913 гг. (1900 = 100).

превосходит предыдущий год на 27 %, а число осужденных за растления в 1908 году повышается по сравнению с предыдущим годом на 72 %, то к 1913 году первое возрастает по сравнению с 1900 г. в 3,3 раза, а второе в 2,7 раза, те и другие вместе взятые в 3,1 раза.

Рост половой преступности, несомненно, находился в тесной связи с ростом всей преступности, в особенности же, ее наиболее тяжелых видов, имевшим место в начале XX века. Это обстоятельство не раз отмечалось и уголовными статистиками, и общей периодической печатью; повидимому, несколько паническое отношение к проблеме хулиганства, получившее тогда отражение на страницах Журнала Министерства Юстиции, в значительной доле объяснялось констатированием роста общеуголовной преступности и сознанием бессилия остановить этот бурный рост. (См. табл. на 112 стр.).

Как это можно заметить из диаграммы II, на ряду с бурным ростом наиболее серьезных видов общеуголовной преступности, остальная преступность также возрастала, в одних случаях обгоняя темп роста населения, в других же — отставая от него. Поло-

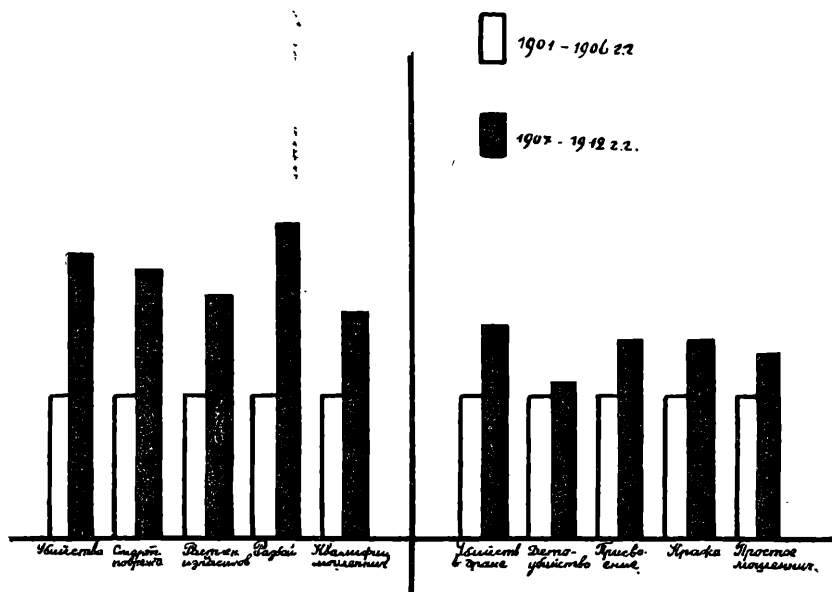
Таблица 2. Рост общеуголовной преступности в России в 1901—1912 г.¹⁾

Преступления с резко выраженной тенденцией роста	1901—06	1907—12	Преступления с более слабо-выраженной тенденцией роста	1901—06	1907—12
Убийства	100	200	Убийства в драке . .	100	148
Смертельные повреждения	100	186	Детоубийство	100	111
Растления и изнасилования	100	173	Присвоения	100	138
Разбои	100	223	Кража	100	138
Квалифицированное мошенничество . .	100	215	Простое мошенничество	100	130

вые преступления, если и не стоят на первом месте, то, во всяком случае, относятся к группе преступлений с резко-выраженной тенденцией роста.

Диаграмма № 2.

Рост общеуголовной преступности в России в 1901—1912 г.

¹⁾ А. Мельников — Колебания преступности в текущем столетии. Ж. М. Ю. 1917 г.

Московская губерния, как в отношении всей преступности, так и в отношении половых преступлений, в полной мере отражала в себе основные тенденции роста, наблюдавшегося в преступности всей России.

Таблица 3. Число возникших дел у следователей Московского Окружного Суда в 1900—1913 г.

	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1901	1911	1912	1913
	(1900 г. = 100)													
Всего возникло дел	100	115	120	128	134	166	214	201	194	205	209	202	200	205
В том числе по половым преступлениям . .	100	94	107	136	116	100	98	128	144	175	177	206	191	207

Единственно, что можно отметить в кривой московской половой преступности, отличающее ее от всероссийской, это несколько меньшее возрастание за исследуемый период времени.

Итак, основной эволюторной тенденцией динамики половой преступности дореволюционной России является неуклонный рост как изнасилований, так и растлений, первых в большей степени, чем вторых. Кривые тех и других, в общем, шли параллельно; в 1911 г. темп роста их сравнялся. После 1911 г. кривая растлений подымалась несколько зигзагообразно, в то время как рост изнасилований шел неуклонно вверх.

Большой интерес в свое время вызывал в уголовной статистике так называемый «календарь преступности» — сезонные колебания преступности. Строгая закономерность помесечного распределения преступлений, с летним максимумом для преступлений против личности и с зимним максимумом — для имущественных преступлений, устойчивость этого распределения, действительная не только в различные эпохи в одной стране, но и в разных странах, — эти факты, получавшие самое различное объяснение со стороны криминологов, подтверждались и на распределении половых преступлений в России.

Числовые величины, помещенные в таблице IV, представляют собою отношение среднего дневного числа преступлений, совершенных в данном месяце, к среднему дневному числу преступлений, совершенных в данном году. Из этих данных видно, что, во первых, распределение по месяцам половых преступлений совпадает с таким же распределением вообще всех преступлений против личности и, во вторых, что «календарь» растлений соответствует «календарю» изнасилований. Если же учесть то обстоятельство, что сезонные колебания преступлений против личности и половых

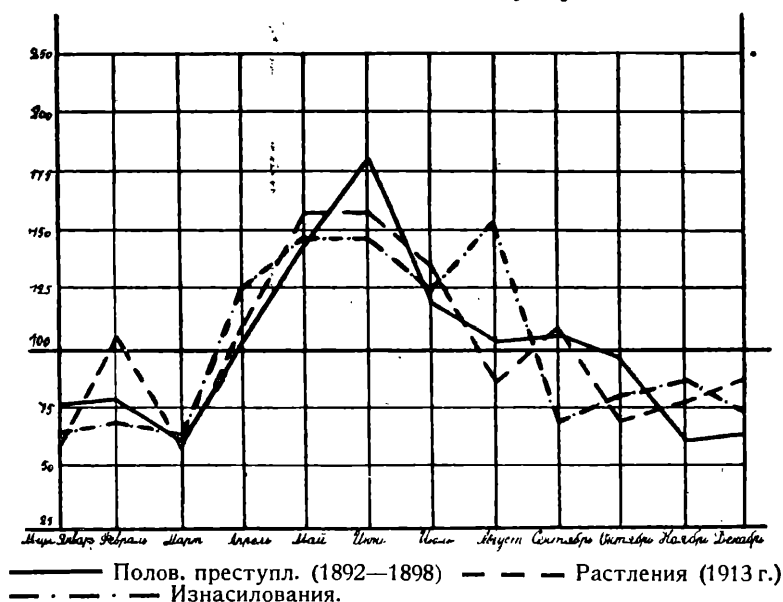
Таблица 4. Сезонные колебания половой преступности ¹⁾.

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Преступлен. против личности	83	86	66	109	118	122	115	113	113	109	86	78
Половые преступления	76	80	59	102	143	179	121	103	107	98	61	63
Растления	57	106	57	108	157	158	135	86	108	70	77	81
Изнасилования	64	70	64	124	147	147	124	152	69	78	87	74

преступлений, представленные в таблице первым и вторым рядом чисел, относятся к периоду 1892—1898 г.г., а сезонные колебания растлений и изнасилований—к 1913 г., в этом случае устойчивость сезонных волн в преступности будет достаточно показательна.

Диаграмма № 3.

Сезонные колебания половых преступлений.

¹⁾ Первые два ряда чисел взяты из статьи Е.Тарновского «Помесячное распределение преступлений».

Апрель, май, июнь, июль в отношении половых преступлений являются месяцами повышенной преступности. Осенние и зимние месяцы относятся к месяцам пониженной половой преступности.

Однако, эта устойчивость помесячного распределения преступлений действительна только в условиях так сказать «мирного времени». Как показало изучение преступности эпохи гражданской войны, в периоды коренных ломок старых социально-экономических отношений, «календарь преступлений» нарушается¹⁾. В этом мы видим одно из лучших доказательств тому положению, что объяснение сезонных колебаний преступности лежит не в космических и теллурических факторах, а в совокупности социально-экономических условий, и, как нам кажется, анализ сезонных колебаний народно-хозяйственной жизни в связи с сезонными колебаниями преступности, сможет пролить значительный свет и на эти последние.

Переходя к вопросу о распределении половой преступности между городом и деревней, мы должны отметить, что половая преступность в связи с преобладанием в России сельского населения, естественно, более распространена в деревне. На 100 осужденных за половые преступления совершили последние:

В городе		В деревне	
1907—09, 1910—12		1907—09, 1910—12	
17,4	16,9	82,6	83,1

Учтя же размеры городского и сельского населения России, мы получим несколько иные, весьма показательные выводы:

Таблица 5. Распределение половой преступности между городом и деревней.

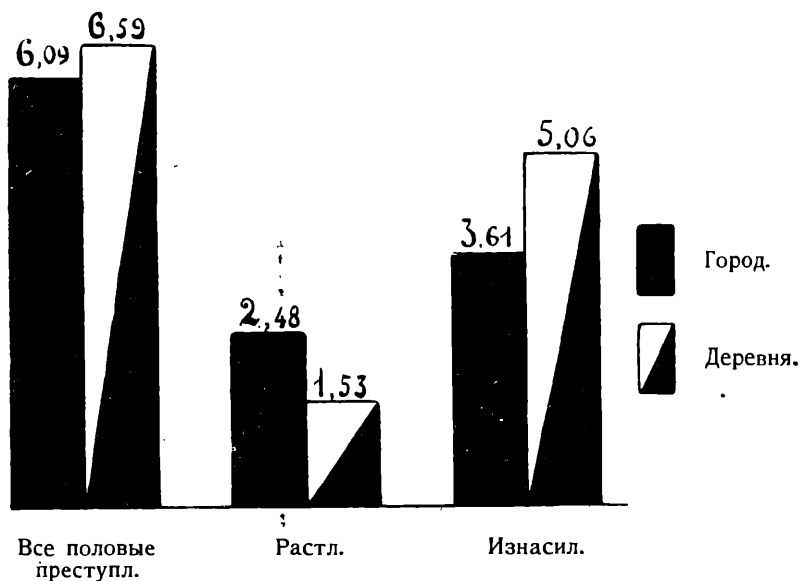
	Город	Деревня	В среднем по России
	На 1.000.000 ч. населения		
Растреления	2,48	1,53	1,65
Изнасилования	3,61	5,06	4,65
Итого	6,09	6,59	6,16

¹⁾ См. Д. Родин — «Время совершения преступлений в 1922 и 1923 г.» Бюллетень ЦСУ № 91, М. Н. Гернет — «Голод и преступность», а также нашу статью в «Советском праве» 1925 г. № 6 — «Показатели динамики преступности».

Половая преступность, взятая суммарно, распределяется между городом и деревней поровну, с некоторым, правда, преимуществом для деревни. Но если растления занимают в городе около половины половых преступлений и превышают среднюю по России весьма значительно, то в деревне они не достигают и четверти их. Таким образом, для деревни более показательны изнасилования, чем растления.

Диаграмма № 4.

Половая преступность в городе и деревне (на 1.000.000 чел. населения)

Данные о соотношении городской и сельской преступности, равно как и большинство нижеприводимых данных, относятся к 1913 г. Этот последний выбран нами, как последний из довоенных годов, установивший известную грань между преступностью эпохи 1905 г. в широком смысле слова и эпохой империалистической войны. Данные уголовной статистики за этот год разработаны по обычным схемам дореволюционной статистики и являются последними в довоенную эпоху, так как с началом войны подробная разработка судебной статистики прекратилась.

Вопрос о групповых изнасилованиях, ныне привлекавший к себе значительное внимание, не может быть освещен данными дореволюционной статистики, так как в последней групповые изнасилования не выделялись в качестве самостоятельного признака. Некоторым показателем в этом отношении могут служить данные о соучастии в преступлении.

Таблица 6. Соучастие в совершении половых преступлений. Преступление совершено:

	Единолично	В соучастии	Итого
Растления	250	38	288
в %	86,8	13,2	100,0
Изнасилования	405	428	833
	48,6	51,4	100,0
Вся преступность ¹⁾ .	46122	41637	87759
	52,5	47,5	100,0

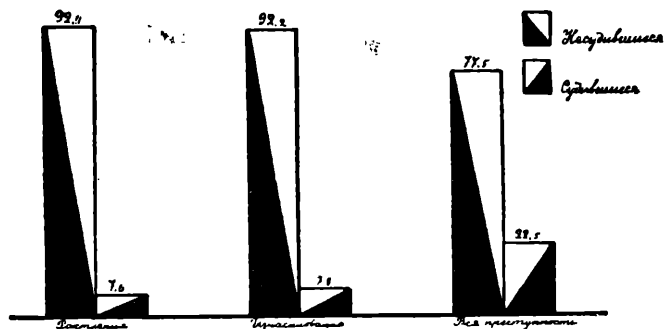
Характер преступления, естественно, ставит известные рамки самой возможности соучастия. В растлении, преступлении, совершаемом, главным образом «келейно», исподтишка, % осужденных, совершивших преступление в соучастии, сравнительно невелик. В числе же осужденных за изнасилования более половины совершили преступления в соучастии. Эти данные подчеркивают несколько повышенное значение соучастия в изнасиловании по сравнению с соучастием во всей преступности, где последнее не достигает 50 % случаев.

Половые преступления совершаются большей частью лицами без прежней судимости; % рецидивистов совершенно ничтожен. Что же касается участия в половой преступности лиц с прошлой судимостью, то оно выражается следующими числами:

Растления 7,60% лиц с прошлой судимостью
 Изнасилования 7,80% » » »
 Вся преступность 22,50% » » »

Диаграмма № 5.

Прошлая судимость половых преступников.

¹⁾ Здесь, как и в дальнейшем, под всей преступностью понимается число осужденных общими судебными установлениями по всем преступлениям, подсудным им.

Эти данные подчеркивают благополучное в криминальном отношении прошлое половых преступников, среди которых % лиц с прошлой судимостью в три раза ниже, чем во всей преступности.

Данные об алкоголизме осужденных, в частности, о состоянии опьянения при совершении преступления представлены русской уголовной статистикой весьма скудно. Так, в 1913 г. число лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, не превышало для растлителей 5,4%, для изнасилвателей 8,5% и для всей массы преступников 5,4%. Эти данные как-то не вяжутся с нашим представлением о большой роли алкоголя в этиологии половой преступности; в то же самое время данные за 1913 г. не представляют собою ничего экстраординарного. У Тарновского в его работе «Влияние алкоголизма на преступность» мы находим такие данные, относящиеся к 1907—1909 г.г.

Таблица 7. Процент осужденных, совершивших преступление в состоянии опьянения.

Мелкие деликты против личности	22,4
Пр-ния против телесной неприкосновенности	12,5
» » женской чести	10,1
Убийство (без детоубийства)	9,2
Вся преступность (по общим и мировым судебным установлениям)	11,4

Столь низкий процент для половых преступлений объясняется, как это отмечает сам Тарновский, недостаточностью учета.

Значительный корректив в эти данные вносят исследования влияния алкоголизма на преступность, произведенные рядом авторов в отдельных губерниях России. М. Н. Гернет в своей «Моральной статистике» приводит результат этих работ в виде сводной таблицы, которую мы здесь частично воспроизводим:

Таблица 8. Влияние алкоголизма на преступления против личности.

	Казанская губ.	Пензенская губ.	Петербургск. губ.	Г. Петербург.
Изнасилования	51,9	67,5	46,0	62,0
Телесные повреждения	44,7	78,6	51,5	53,5
Пр-ния против жизни	53,7	54,7	33,4	39,0
Оскорбления	37,2	—	66,7	42,8

Согласно этим данным, от половины до двух третей изнасилований производились под влиянием алкоголя. Наивысший % осужденных, совершивших преступление в состоянии опьянения, по каждой губернии приходится на изнасилования и телесные повреждения.

Наконец, следует отметить, что душевое потребление алкоголя в России за период 1906—1911 г. по сравнению с предыдущим шестилетием, возросло на 20 %, при чем один 1906 год дал увеличение на 17 %, а нами уже отмечалось, что половая преступность как раз начала интенсивно расти именно в это время.

Каков же социальный облик дореволюционного полового преступника?

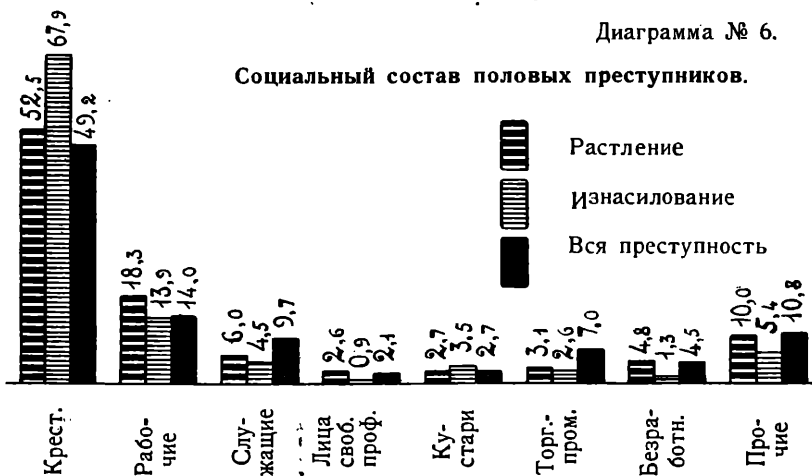
Приведенные выше данные о криминальном и алкогольном прошлом осужденных, дают уже частичные ответ на этот вопрос. Обратимся теперь к социальному, возрастному, семейному и половому составу половых преступников. Предварительно следует отметить, что данные о социальном составе осужденных, представляемые дореволюционной статистикой должны быть восприняты с большой осторожностью. Нет никакого сомнения в том, что обеспеченные слои населения имели достаточно ресурсов для того, чтобы потерпевшие не придавали дела огласке, кончая дело «миром», «полюбовно». Вследствие этого, в социальном составе осужденных за половые преступления % лиц, материально обеспеченных (торгово-промышленников, интеллигенции и т. п.), фактически более низок, чем это имело место в действительности.

Таблица 9. Социальный состав осужденных за половые преступления

	Растления	Изнасилования	Вся преступность
Крестьяне	52,5	67,9	49,2
Рабочие	18,3	13,9	14,0
Служащие	6,0	4,5	9,7
Лица свободной профессии . .	2,6	0,9	2,1
Кустари	2,7	3,5	2,7
Торгово - промышленники . .	3,1	2,6	7,0
Безработные	4,8	1,3	4,5
Прочие	10,0	5,4	10,8
Итого	100,0	100,0	100,0

Наибольший удельный вес в растлениях имеют крестьяне; следующей социальной группой, интенсивно участвующей в этом преступлении являются рабочие. На долю других групп падает $\frac{1}{3}$ осужденных. В изнасилованиях мы находим приблизительно такую же

картину: $\frac{4}{5}$ числа осужденных относятся к рабочим и крестьянам и только $\frac{1}{5}$ — к остальным группам, среди которых характерно трехкратное превышение % лиц свободных профессий в растлениях — по сравнению с изнасилованиями. Сравнивая социальный со-

став растлителей и изнасилователей, мы находим, что крестьяне в большей степени участвуют в изнасилованиях, чем в растлениях; наоборот, рабочие и все другие группы преобладают среди осужденных за растления. Это вывод находится в полном согласии с установленным выше распределением половой преступности между городом и деревней. Наконец, сравнивая удельный вес каждой социальной группы в половой преступности¹⁾ и в общей преступ-

¹⁾ Ниже мы приводим сравнительные данные о социальном составе осужденных за половые преступления, педерастию и скотоложество. Последние, не являясь с нашей точки зрения преступными деяниями, все же представляют собой интерес, так как характеризуют, в известной степени, половую жизнь различных слоев до-революционной России.

Социальный состав осужденных за половые преступления 1874—1904 гг.

	Педерастия и скотоложество	Растления	Изнасилования	Вся преступность
Крестьяне	31,59	46,72	51,72	47,77
Рабочие	34,32	25,44	26,53	34,66
Ремесленники	11,59	6,89	11,09	5,91
Служащие	0,68	1,39	1,55	3,22
Лица свобод. проф.	5,23	1 29	0,63	1,04
Торговцы	4,50	3 24	2,41	5,77
Прислуги	3,13	2,03	1,40	1,62
Другие	8,91	13,00	4,67	0,01
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

(Б. И. Пятницкий—Половые извращения и уголовное право, 1910 г.).

ности мы находим, что среди растлителей крестьяне, рабочие, лица свободных профессий и безработные имеют больший удельный вес, чем они же во всей преступности.

Среди же изнасилователей, по сравнению со всей массой осужденных, несколько понижен % рабочих и служащих.

Возрастной состав половых преступников представляется таким:

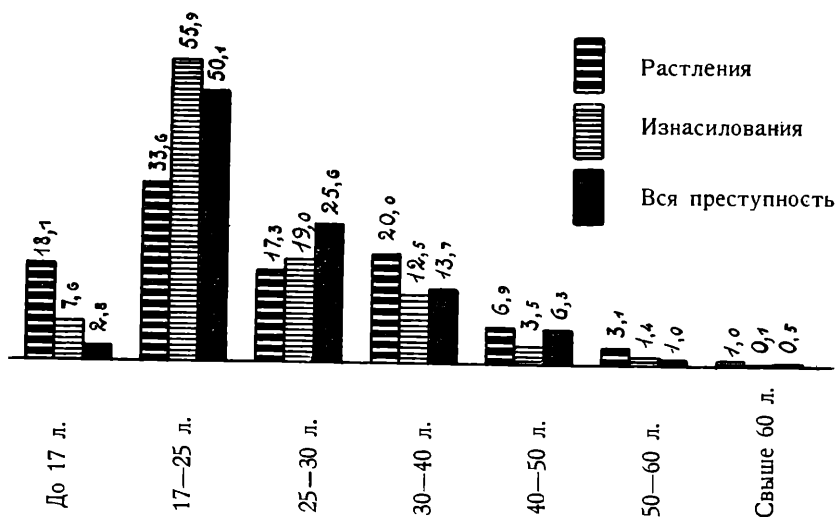
Таблица 10. Возраст осужденных за половые преступления.

	Растления	Изнасилования	Вся преступность
До 17 лет	18,1	7,6	2,8
17-25 лет	33,6	55,9	50,1
25-30 »	17,3	19,0	25,6
30-40 »	20,0	12,5	13,7
40-50 »	6,9	3,5	6,3
50-60 »	3,1	1,4	1,0
60-70 »	1,0	0,1	0,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Первое, что бросается в глаза при анализе возрастного состава половых преступников-растлителей — это значительный удельный вес лиц в возрасте до 17 лет, составляющих около одной пятой числа всех осужденных. Лица в возрасте 17—25 лет, со-

Диаграмма № 7.

Возраст половых преступников.

ставляющие свыше одной трети, и лица в возрасте 25 — 40 лет, вместе с малолетними преступниками составляют 89,0% числа всех растлителей. В изнасилованиях мы находим значительно меньший % малолетних и сильное возрастание группы 17—25-летних, обнимающих собой свыше половины всех осужденных. На долю стариков (свыше 50 лет) падает 5,0%. Анализируя возрастной состав осужденных по всем преступлениям, мы приходим к заключению о повышенном участии в половой преступности малолетних, в особенности по растлениям, и стариков. Лица в возрасте от 17 до 30 лет участвуют в общей преступности в 75% случаев. В растлениях эта цифра понижается до 50%, а в изнасилованиях — приближается к уровню общей преступности. В половой преступности участвует, таким образом, молодежь, как в возрасте до 17 лет, так и более взрослая в возрасте до 30 лет.

Участие женщин в половых преступлениях совершенно ничтожно, вследствие чего не представляет интереса рассмотрение семейного положения половых преступников в связи с полом осужденных.

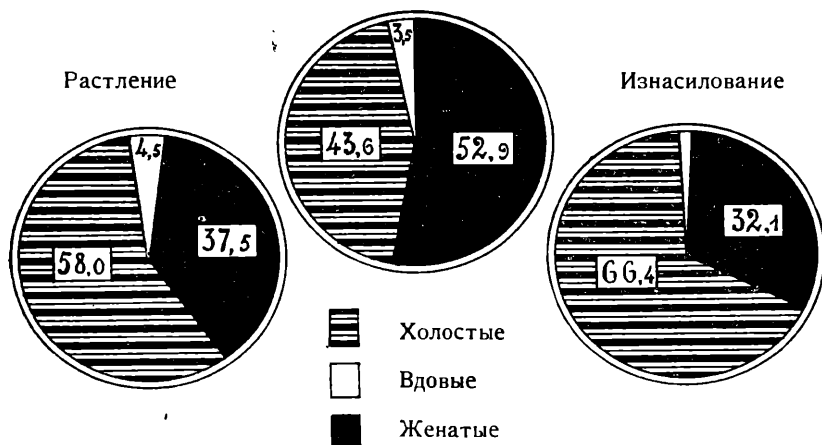
Таблица 11. Семейное положение половых преступников.

	Растления	Изнасилования	Вся преступность
Холостые	58,0	66,4	43,6
Женатые { бездетные	10,4 { 37,5	8,6 { 32,1	10,8 { 52,9
{ с детьми	27,1 {	23,5 {	42,1 {
Вдовы и разведенные { бездетные	2,1 { 4,5	0,7 { 1,5	1,2 { 3,5
{ с детьми	2,4 {	0,8 {	2,3 {
Итого	100,0	100,0	100,0

Диаграмма № 8.

Семейное положение половых преступников.

Вся преступность

В половых преступлениях, в противоположность всей преступности, значительно преобладают холостые, число которых в изнасилованиях равно $\frac{2}{3}$ всего числа осужденных. В растлениях % женатых, в частности, имеющих детей, сравнительно более высок, не достигая все же уровня общей преступности. Среди растлителей, как имеющих, так и не имеющих детей, вдовых в три раза больше, чем среди изнасилователей ¹⁾.

Для сравнения основных показателей дореволюционной половой преступности с современной мы располагаем данными о социальном и возрастном составе осужденных, а также о сезонных колебаниях половой преступности в РСФСР в 1924 году. Учитывая замечания, высказанные в начале очерка о пределах допустимости подобного сопоставления, мы можем последнее сделать в следующем разрезе:

Таблица 12. Социальный состав половых преступников в 1913 и 1924 гг.

	1913 г.	1924 г.
Крестьяне	64,1	70,5
Рабочие	15,1	7,8
Служащие	4,7	10,3
Кустари	2,6	3,4
Торг. промышлен.	2,8	1,8
Лица своб. профес.	1,2	0,8
Безработные	2,3	1,8
Прочие	7,2	3,6
Итого	100,0	100,0

В 1924 г., так же как и в 1913 г., рабочие и крестьяне составляют главную массу половых преступников — в 1913 г. 79%, в 1924 г. 78%. На остальных падает, таким образом, около четверти числа всех осужденных. При более подробном сопоставлении удельного веса каждой группы, мы находим, что % участия крестьян в половых преступлениях возрос, в то время как

¹⁾ У Пятницкого (Половые извращения и уголовное право) мы находим такие данные о семейном положении осужденных:

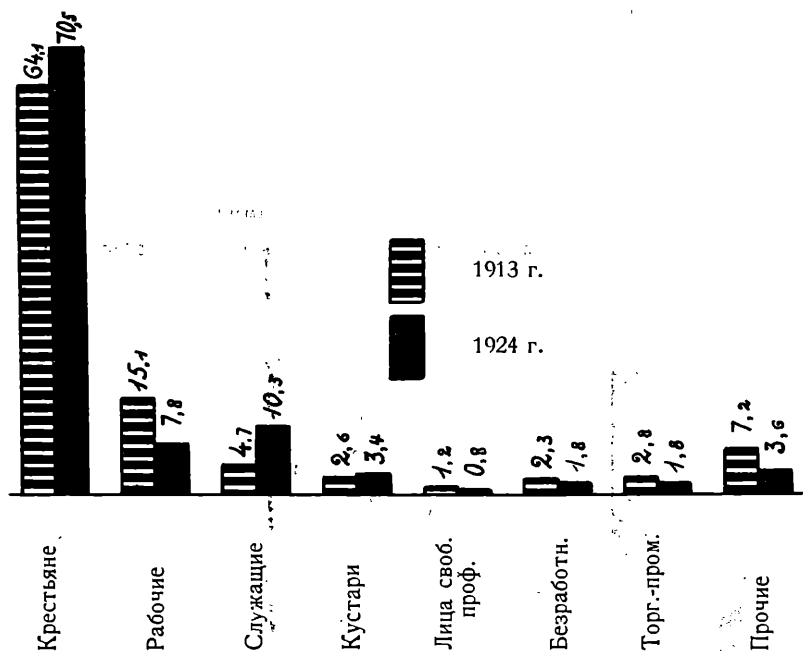
	Растления	Изнасилования	Вся преступность
Холостые	58,6	61,3	35,0
Женатые	35,9	35,6	61,4
Вдовые и разведенные	5,6	3,1	3,6
Итого	100,0	100,0	100,0

Как мы видим, и в 1913 г. пропорция сохранилась, в общем, прежняя.

для рабочих этот % снизился в два раза²⁾. Из других социальных групп наибольший рост дают служащие — с 4,7% до 10,3%; поднялся также % участия кустарей. Что же касается торгово-промышленной группы и лиц так называемых свободных профессий, то участие их в половой преступности значительно упало. Однако, не следует забывать, что и социальный удельный вес этих групп во много раз упал после революции.

Диаграмма № 9.

Социальный состав половых преступников в 1913 и 1924 гг.

Переходя к вопросу о возрастном составе половых преступников в 1913 и 1924 г.г., следует отметить, что разбивка на воз-

²⁾ По данным М. Н. Гернета, опубликованным в его статье „Преступность в связи с классово-социальным составом осужденных в 1922 г.“, % осужденных за половые преступления из рабочих в 1922 г. составлял в первом полугодии 29,0, во втором полугодии 16,9% (сведения об осужденных по 15 губерниям РСФСР). По данным Д. Н. Разина („Социальный состав осужденных в 1923 г.“)—по 17 губерниям РСФСР—% осужденных за половые преступления из рабочих составлял в 1924 г. 11,1%. В общей же массе населения этих 17 губерний рабочие составляют 18,5%. Эти данные подтверждают, таким образом, наши соображения о значительном снижении удельного веса рабочих в половой преступности последних лет.

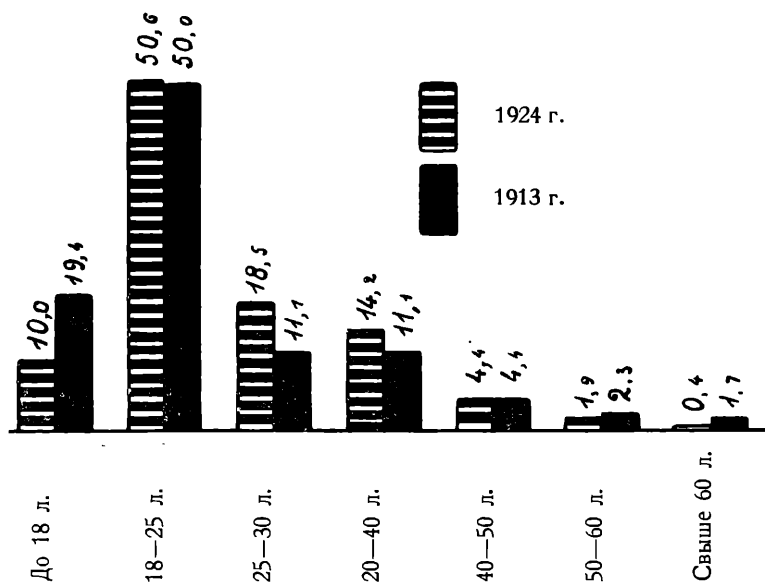
растные группы в 1913 г. несколько не совпадает с ныне принятой разбивкой; однако, эти различия не настолько существенны, чтобы препятствовать сопоставлению.

Таблица 13. **Возрастной состав половых преступников в 1913 и 1924 гг.**

	1913 г.	1924 г.
До 18 лет	10,0	19,4
18—25 »	50,6	50,0
25—30 »	18,5	11,1
30—40 »	14,2	11,1
40—50 »	4,4	4,4
50—60 »	1,9	2,3
свыше	0,4	1,7
Итого	100,0	100,0

Диаграмма № 10.

Возрастной состав половых преступников в 1913 и 1924 гг.

Изменения в возрастном составе половых преступников следует признать весьма существенными; участие молодняка в возрасте до 18 лет увеличилось в два раза, участие молодежи в возрасте 18—25 лет осталось без изменения; % участия лиц в возрасте от 25 до 50 лет упал с 37,1% до 26,6%. Что же касается

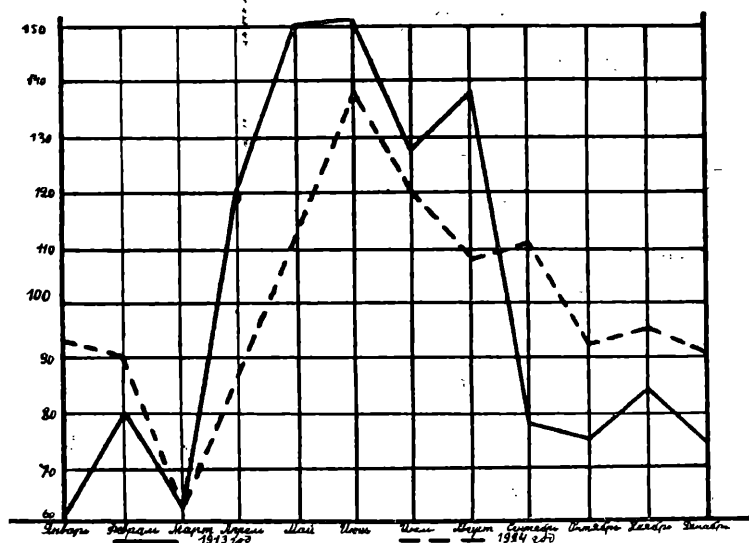
участия в половой преступности более старых возрастов, то оно повысилось с 2,3% до 4%, при чем наибольшую тенденцию к росту мы находим у группы лиц в возрасте свыше 60 лет. Итак, в возрастном составе половых преступников произошли серьезные сдвиги, как в сторону «омоложения» кадров этих последних за счет сокращения % участия лиц в более зрелом возрасте, так и в сторону повышения % лиц старческого возраста. Не располагая, к сожалению, более подробными данными о социальном типе современного полового преступника, мы на основании даже приведенных выше двух показателей можем констатировать значительные сдвиги, среди которых особенно обращает на себя внимание понижение удельного веса рабочих в половой преступности в два раза.

Таблица 14. Сезонные колебания половой преступности в 1913 и 1924 гг.

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
1913 г.	61	80	62	120	150	151	127	138	78	75	84	74
1924 г.	93	90	62	88	112	138	121	108	111	92	95	90

Диаграмма № 11.

Сезонные колебания половой преступности в 1913 и 1924 гг.

Выше уже был затронут вопрос о сезонных колебаниях половой преступности, при чем было установлено, что в помесечном распределении половых преступлений существует определенная устойчивость. Сопоставляя «календарь преступности» в 1913 г. с 1924 г., мы находим, что эта устойчивость сохранилась и поныне¹⁾: минимум половых преступлений — в осенние и зимние месяцы года, максимум — в весенние и летние месяцы с кульминационной точкой в июне.

Эта устойчивость в распределении половой преступности по месяцам года лишний раз подчеркивает влияние на преступность старого быта, обуславливавшего то или иное направление кривой преступности в прошлом и не потерявших своего значения даже и теперь в половой преступности, быть может, в большей степени, чем в других видах преступности.

Выделяя наиболее существенные черты половой преступности дореволюционной России, мы приходим к следующим выводам:

1. Динамика половой преступности периода 1874—1913 г.г. характеризуется интенсивным ростом, усиливавшимся к концу предвоенного периода в 1907—1908 г.г. Кривая растлений, в общем, шла параллельно кривой изнасилований, хотя интенсивность роста последних была более значительной.

2. На ряду с ростом половых преступлений наблюдается под'ем общей преступности, более стремительный в наиболее тяжких преступлениях и менее стремительный — в других.

3. Кривая половой преступности в Московской губернии, в общем, совпадала с кривой половой преступности всей России, хотя там ее рост был несколько слабее.

4. В сезонных колебаниях половой преступности, в равной степени, как для растлений, так и изнасилований, наблюдалась определенная устойчивость, выражавшаяся в понижении числа преступлений осенью и зимой и в повышении весной и летом.

5. Половые преступления, в абсолютном числовом выражении преобладавшие в деревне, в шесть раз по сравнению с городом, взятые с учетом плотности населения города и деревни, распределялись между ними в равной пропорции. По отдельным видам половых преступлений эта пропорция значительно изменяется: растления более характерны для городской половой преступности, а изнасилования — для деревни.

6. В изнасилованиях наблюдался повышенный % лиц, осужденных за соучастие в совершении преступления. На ряду с высоким % соучастия, для половых преступлений характерен незначительный контингент осужденных с прошлой судимостью.

7. Влияние алкоголизма, вообще, и состояния опьянения, в частности, на совершение половых преступлений весьма велико; по официальным данным, далеко неполно отражающим фактиче-

¹⁾ Некоторые отклонения могут быть отнесены, повидимо, к расхождению старого и нового стиля.

ское влияние опьянения на половую преступность, последняя стоит в отношении алкоголизма на одном из первых мест среди других общеуголовных преступлений. Рядом специальных исследований влияния алкоголизма на половую преступность этот вывод еще более подкрепляется.

8. Наибольшим удельным весом, как абсолютно, так и относительно всей преступности, в половой преступности обладают крестьяне, за которыми следуют рабочие. Последние участвуют в растлениях несколько больше, чем они же во всей преступности. Рабочие и крестьяне в половой преступности охватывают около 80% всех осужденных, давая тем самым повышенный % участия в половой преступности по сравнению с общей (63%). Служащие, лица свободных профессии и торгово-промышленники встречаются чаще среди осужденных за растление, чем за изнасилование; это, в особенности, относится к лицам свободных профессий, где число осужденных за растления в три раза превышает число осужденных за изнасилования.

9. Распределение осужденных за половые преступления по возрастам характеризуется значительным удельным весом молодежи, как в возрасте 17—25 лет (основная группа), так и в более зрелом (до 40 лет) и более молодом возрасте — до 17 лет. Среди растлителей мы находим повышенный по сравнению с общей преступностью % осужденных в возрасте до 17 и свыше 50 лет.

10. По семейному положению половые преступники распределяются с преобладанием холостых, % которых в половых преступлениях более высок, чем среди всех осужденных. Что же касается женатых, то последние, в особенности же имеющие детей, встречаются в $\frac{1}{3}$ части осужденных, при чем чаще среди растлителей. Половой состав осужденных — почти исключительно мужской.

11. Для сравнения дореволюционных данных с современными мы еще не располагаем достаточно обширными данными. Можно отметить три, правда, весьма существенных, показателя:

- а) рост половой преступности у молодняка до 18 лет;
 - б) возрастание удельного веса крестьянства и снижение в два раза удельного веса рабочих среди осужденных за половые преступления;
 - в) устойчивость сезонных колебаний половой преступности.
-

Половые правонарушения несовершеннолетних.

Из видов правонарушений несовершеннолетних половые правонарушения (по статистическим данным) занимают весьма скромное место. Так, например, по РСФСР (без Москвы и Ленинграда) в 1922 году в Комиссиях по делам о несовершеннолетних этот вид правонарушения составлял 0,47 % из общего числа правонарушений несовершеннолетних, в 1923 г. — 0,83 %, в 1924 г. — 0,79 %. По Москве в 1923 г. из 3.644 несовершеннолетних мальчиков правонарушителей Комиссией за половые правонарушения привлекались 7 человек; в 1924 г. из 4.926 привлекались 29 человек, в 1925 г. из 4.591 привлекались 20 человек и в 1926 г. из 3.696 — 12 человек ¹⁾.

По данным Московского Губернского Суда, в 1925 г. несовершеннолетние правонарушители до 18 лет составляют 6,4 % из общего числа правонарушителей, привлекавшихся к ответственности за половые правонарушения по ст.ст. 166, 167, 168, 169, 169а УК.

Отражают ли приводимые здесь статистические данные действительный процент совершаемых несовершеннолетними половых правонарушений? Мы склонны утверждать, что этот процент по сравнению с действительностью преуменьшен, так как целый ряд половых правонарушений несовершеннолетних не доходит до Комиссий, и тем самым не включаются в статистическую обработку материала. Как на пример, сошлемся на встречающиеся (чаще в интернатах), случаи развращения малолетних несовершеннолетними, на педерастию, покушение на изнасилование и т.п. Подобные случаи редко попадают в поле зрения Комиссии, чаще ликвидируются на месте путем применения мер медико-педагогического воздействия. Как на иллюстрацию к сказанному, укажем хотя бы на тот факт, что из просмотренных нами в Московской Комиссии (1925 и 1926 г.) 17 дел о 23 несовершеннолетних, нам встретилось лишь 2 дела, возбужденных приемным пунктом, 14 дел возбуждено родителями, родственниками потерпевших и одно дело самой потерпевшей; в Московском Губернском Суде не было за 1925 и 1926 г. ни одного дела, которое было бы возбуждено каким либо детским учреждением, в то время как в Детскую Психоневрологическую Клинику в эти же годы 11 раз за советом обращались различные

¹⁾ Данные заимствованы у Куфаева В. И. „Юные правонарушители“. Новая Москва. 2 изд. 1925 г. и из „Статистических Ежегодников“ за 1923-24 г. и 1924-25 г. Изд-во Наркомпроса.

детские учреждения и учреждения для подростков по поводу наблюдавшихся у них среди воспитанников случаев педерастии, развращения, покушения на изнасилование. Нужно думать, что детские учреждения обращаются в Комиссию чаще всего тогда, когда исчерпан доступный им арсенал мер медико-педагогического воздействия. Следует учесть также и то, что в семье потерпевший скорее заявит о случившемся с ним факте насилия или развращения, в то время как в интернате, боясь расправы, потерпевший упорно будет отрицать факты, выгораживая правонарушителя; нередко дело открывается только тогда, когда правонарушитель оказывается за пределами интерната.

Все это вместе взятое заставляет с большой осторожностью расценивать статистические данные о половых правонарушениях несовершеннолетних.

Не касаясь здесь различных теорий полового влечения, что расширило бы рамки нашей статьи, мы хотим лишь поделиться некоторыми данными, полученными нами при обработке материала, касающегося половых правонарушений несовершеннолетних.

Наш материал складывается из изучения за 1925—1926 годы 52 приговоров Московского Губернского Суда о 75 несовершеннолетних, изучения (за те же годы) 17 дел Московской Комиссии о 23 несовершеннолетних, изучения 12 дел и индивидуального обследования 15 несовершеннолетних воспитанников Московского Трудового Дома и индивидуального обследования 21 несовершеннолетних в Детской Психоневрологической Клинике¹⁾.

По возрасту несовершеннолетние делятся следующим образом:

	1925 г.										1926 г.									
	Возраст										Возраст									
	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	Итого	11	12	13	14	15	16	17	18	Итого
Московский Губ. Суд	—	—	—	—	—	—	1	3	14	15	33	—	—	—	1	2	4	21	14	42
Московская Комиссия по делам о несовершеннолет.	2	2	—	2	3	3	4	—	—	—	16	—	1	—	1	5	—	—	—	7
Московский Трудом.	—	—	—	—	—	1	3	1	—	—	5	—	—	2	4	3	1	—	—	10
Дет. Психоневролог. Клиника	—	2	—	2	1	3	1	—	—	—	9	2	1	3	5	1	—	—	—	12
	2	4	—	4	4	7	9	4	14	15	63 ч.	2	2	5	11	11	5	21	14	71 ч.

¹⁾ В число индивидуально обследованных нужно включить еще 5 человек, которые прошли через Московский Губернский Суд и содержались впоследствии в Трудовом Доме. Этих несовершеннолетних при наших подсчетах (возраст, социальное положение и т. д.) мы оставили в рубрике Суда. Таким образом из 134 несовершеннолетних нами обследовано индивидуально 41 человек (30,6%).

Для сравнения с нашими данными мы приводим данные, полученные на весьма значительном материале Комиссиями по делам о несовершеннолетних РСФСР (без Москвы) за 1923 и 1924 г. ¹⁾

1923 год. Мальчики.

	В о з р а с т										Итого
	До 10	10	11	12	13	14	15	16	17		
Первичн.	4	8	16	16	16	23	38	16	8	145	
Повторн.	—	—	—	1	2	3	4	3	—	13	
Общий %	2,5	5,0	10,0	10,8	11,5	16,5	26,7	12,0	5,0	100	

1924 год. Мальчики.

	В о з р а с т									
	До 10	10	11	12	13	14	15	16	17	Итого
Первичн.	22	15	18	20	25	36	55	12	1	204
Повторн.	—	1	—	1	1	5	6	1	1	16
Общий %	10,0	7,3	8,2	9,6	11,8	18,6	27,7	5,9	0,9	100

Как видно из таблицы за 1924 г. увеличился % правонарушителей более младшего возраста (до 10 лет) и почти без изменения остался % правонарушителей в возрасте 13—15 лет ²⁾. Несколько повысился (с 8,2% в 1923 г. до 10,0% в 1924 г.) процент повторных правонарушителей. Интересно отметить, что без изменения остался процент девочек правонарушительниц: 7,6% в 1923 г. и 7,7% в 1924 г. По нашим данным из 134 правонарушителей девочек всего было 3.

Проследить по данным Комиссий изменение за 1923—1924 г. состава несовершеннолетних правонарушителей по социальному происхождению их родителей мы не имели возможности, так как

¹⁾ Статистические ежегодники за 1923-24 г. и за 1924-25 г. Изд-во Наркомпроса.

²⁾ Незначительный % подростков в возрасте 17 лет объясняется тем, что дела о них в Комиссии случайны, т. к. ведению Комиссий подлежат лишь подростки в возрасте до 16 лет.

в тех источниках, которыми мы располагаем, даются суммарные сведения (безотносительно к тому или иному виду правонарушения) о социальном составе несовершеннолетних. По нашим данным, социальное положение несовершеннолетних рисуется в таком виде:

	Губернский Суд	Комиссия	Труд. дом	Клиника	% Общий
Детей рабочих . . .	24 ч. (32,1%)	13 ч. (56,6%)	6 ч. (40,0%)	8 ч. (38,2%)	38,1
Детей крестьян . .	44 „ (58,6%)	1 „ (4,4%)	5 „ (33,6%)	1 „ (4,7%)	38,1
Детей служащих . .	1 „ (1,3%)	4 „ (17,3%)	1 „ (6,6%)	4 „ (19,1%)	7,4
Детей кустарей . . .	2 „ (2,7%)	2 „ (8,8%)	—	2 „ (9,5%)	4,5
Детей лиц свободных профессий .	1 „ (1,3%)	—	—	3 „ (14,3%)	2,9
Детей торговцев . .	1 „ (1,3%)	—	1 „ (6,6%)	1 „ (4,7%)	2,3
Неизвестно . . .	2 „ (2,7%)	3 „ (12,9%)	2 „ (13,2%)	2 „ (9,5%)	6,7

По национальности правонарушители почти однородны: из числа 134 человек — русских 128, евреев и татар по 2, ассирийцев и чувашей по одному.

Семейное положение по данным Губернского суда выяснить не представляется возможным, т. к. в подавляющем большинстве приговоров на этот счет отсутствуют какие бы то ни было указания, а потому мы здесь ограничиваемся приведением лишь следующих данных:

	Комиссия	Труд. дом	Клиника	% Общий
Живы оба родителя . . .	14 ч. (60,8%)	3 ч. (20,0%)	14 ч. (66,6%)	52,5
Полусироты				
} жива только мать	3 „ (13,1%)	4 „ (26,7%)	4 „ (19,1%)	18,7
} жив только отец	2 „ (8,7%)	2 „ (13,3%)	1 „ (4,8%)	8,5
Сироты	4 „ (17,4%)	6 „ (40,0%)	2 „ (9,5%)	20,3

При рассмотрении приведенных данных нужно обратить внимание на несовершеннолетних Трудового Дома, в котором в подавляющем большинстве случаев находятся беспризорные подростки, рано осиротевшие и тем самым вытолкнутые на улицу. С другой стороны следует иметь также в виду, что сведения о семейном положении получены со слов подростков, а потому их нельзя принимать на веру целиком, т. к., порвав с семьей, подросток зачастую скрывает свое прошлое. В нашей практике нередки случаи, когда подросток, попадая в Трудовой Дом, выдавал себя за сироту, а впоследствии у него отыскивались родители.

Данные Комиссии и Клиники как будто бы говорят о более удовлетворительном семейном положении, но это лишь кажущееся благополучие, т. к. подавляющий процент этих подростков растет без всякого надзора, воспитателями их являются более старшие сверстники, которые нередко осведомляют подростка (при этом в самых уродливых и извращенных формах) о половой жизни, чем возбуждают у него нездоровое любопытство.

Переходим к отдельным видам половых правонарушений несовершеннолетних. Из общего числа 75 несовершеннолетних, привлекавшихся за 1925—1926 г. Губернским Судом за половые правонарушения, за изнасилование (ст. 169) было привлечено 52 несовершеннолетних (69,3%), за развращение малолетних или несовершеннолетних путем развратных действий (ст. 168) — 14 несовершеннолетних (18,7%) и за половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости (ст. 167) — 9 несовершеннолетних (12,0%).

Интересно сопоставить здесь данные о несовершеннолетних и взрослых, привлекавшихся Губернским Судом по этим статьям в 1925 и 1926 годах.

	% дел о взрослых		% дел о несовершеннолетних, совершивших правонарушение совместно с взрослыми		% дел о несовершеннолетних	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
Ст. 167 . .	72,2%	77,8%	—	—	27,8%	22,2%
Ст. 168 . .	71,4%	78,3%	—	—	28,6%	21,7%
Ст. 169 . .	88,7%	89,1%	5,6%	6,1%	5,7%	4,8%

Несмотря на то, что по ст. 169 привлекалось 69,3% из общего числа несовершеннолетних, привлеченных за половые правонарушения, все же, как видно из приведенной таблицы, по сравне-

нию со взрослыми несовершеннолетние гораздо реже участвуют в изнасиловании и значительно чаще в развращении и в половом сношении с лицами, не достигшими половой зрелости. Объяснение этому нетрудно найти в недостаточно сформировавшейся психофизической организации подростка, которому в одиночку легче овладеть малолетней или несовершеннолетней, чем взрослой женщиной. Вот почему мы встречаемся с тем фактом, что 42 (80,8%) несовершеннолетних правонарушителей совершили изнасилование совместно с взрослыми или сверстниками и только 19,2% (да и те в возрасте 17—18 лет) совершили изнасилование единолично. Для иллюстрации к сказанному мы приводим данные о возрасте несовершеннолетних, совершивших изнасилование единолично и совместно с другими¹⁾:

	Изнасилование совершено совместно	Изнасилование совершено единолично
14 лет	1 ч. (2,4%)	—
15 лет	2 „ (4,8%)	—
16 лет	4 „ (9,6%)	—
17 лет	22 „ (52,3%)	4 ч. (40,0%)
18 лет	13 „ (30,9%)	6 „ (60%)

В изнасиловании, совершаемом совместно несколькими лицами, принимали участие и подростки более младшего возраста, в то время как в изнасиловании, совершаемом единолично, подростки в возрасте 14—16 лет вовсе не участвовали.

Когда изнасилование совершается совместно с взрослыми, несовершеннолетние 16 лет и моложе чаще всего стоят на страже или удерживают жертву, пока взрослые удовлетворяют страсть, и только в конце очереди допускаются до полового акта. Нередко их же взрослые заставляют нанести первый удар или повалить жертву.

¹⁾ За изнасилование Губернским Судом в 1925 и 1926 г. привлекались 52 несовершеннолетних (29 дел). Правонарушений, подходящих по смыслу к этой статье, на приеме в Клинике мы не встретили; один несовершеннолетний, прошедший через Комиссию, дело (№ 2510) о котором передано в Суд, и 5 индивидуально обследованных воспитанников Трудового Дома при подсчете отнесены к Губернскому Суду, по приговору которого они содержались в Трудовом Доме. Таким образом, наш материал, относящийся к ст. 169, складывается из изучения 29 приговоров и 6 дел о 52 воспитанниках, из которых 5 были нами индивидуально обследованы.

Чаще всего как изнасилование, совершаемое совместно несколькими лицами, так и изнасилование, совершаемое единолично, имеют место в сельской местности: первое встречается в 73,6%, второе в — 70,0% прошедших через Губернский Суд случаев. В согласии с этим стоят и данные о социальном положении правонарушителей:

	Изнасилование совершено совместно	Изнасилование совершено единолично	Общий %
Рабочих	8 ч. (19,1%)	3 ч. (30,0%)	21,2%
Крестьян	34 „ (80,9%)	7 „ (70,0%)	78,8%

Преобладают крестьяне, из них подавляющее большинство (90,4%) занимались до правонарушения хлебопашеством, 7,2% жили на иждивении родителей и только 2,4% (1 человек) не имели никаких определенных занятий. Среди рабочих: безработных 2 человека (18,2%), чернорабочих 3 чел. (27,3%), фабричных рабочих 6 человек (54,5%).

Интересно отметить, что среди правонарушителей, совершивших изнасилование единолично, мы не встретили ни одного, который бы раньше привлекался к суду, в то время, как среди совершивших изнасилование совместно с другими лицами, 7 человек (16,6%) ранее были осуждены: 5 человек за хулиганство и 2 за кражу. До некоторой степени эту связь хулиганства и группового изнасилования можно усмотреть в том, что только при последнем (и ни разу при изнасиловании, совершенном единолично) мы встретились с издевательством над потерпевшей, когда ей после изнасилования разрывали железным предметом или посыпали махоркой половые органы, стегали ее крапивою или избивали до потери сознания.

Объектом правонарушения при изнасиловании (единолично) в 80% были женщины и лишь 20% девушки, в то время как при групповом изнасиловании в 63,2% — девушки, остальные — женщины, при чем в 12,6% один из правонарушителей до этого жил с потерпевшей половой жизнью. В последнем случае особенно интересна та мотивировка, которая приводится правонарушителями в свое оправдание: или это «товарищеская услуга», так как при половом сношении со многими лицами не наступает беременности (боязнь алиментов), или желание опозорить девушку, чтобы избежать брака, или, наконец, своеобразное, по типу дикаря, «угощение женщиной» своих приятелей.

В тех случаях, когда в групповом изнасиловании принимают участие одни несовершеннолетние в возрасте 17—16 лет и мо-

ложе, об'ектом правонарушения в подавляющем проценте (81,2 %) являются или физически неполноценные или умственно-отсталые девушки, которые иногда толком не умеют рассказать о происшедшем. На вопрос при исследовании, неужели ему было не жалко потерпевшей — дебильной девушки, один из испытуемых довольно простодушно сказал: «кто бы на нее польстился, ее уважили, а она жаловаться пошла».

Из наиболее типичных дел этого вида правонарушения несовершеннолетних мы остановимся на следующем. Двое несовершеннолетних Т. 14 лет и В. 16 лет по предварительному уговору затащили в сарай умственно-отсталую Клавдию С. 16 л., где ее по очереди изнасиловали. В то время, пока насиловал один, другой держал потерпевшую за руки и зажимал ей рот, чтобы она не кричала. Пригрозив девушке избиением, если она кому-нибудь расскажет о происшедшем, несовершеннолетние оставили ее в сарае и разошлись по домам. По дороге к дому Т. стал беспокоиться, как бы не вышло какой-нибудь неприятности, и, желая посмотреть, что делает Клавдия, вернулся снова в сарай. Здесь он увидел, что потерпевшая, приводя себя в порядок, стоит с приподнятым выше колен платьем. Т. вбегает в сарай и вторично насилует Клавдию. Его застали на месте преступления; при допросе он выдал В. и оба были привлечены к ответственности. Комиссия дело Т. передала следователю, т. к. Т. уже приводился 2 раза в Комиссию: первый раз за хулиганство, 2-й — за кражу.

Из акта врачебного осмотра установлено, что у Клавдии С. на правом плече и предплечье в момент освидетельствования имелись следы кровоподтеков, на левом бедре в области тазобедренного сустава следы ушибов, на носу царапины; девственная плева имеет свежие надрывы.

Обоих несовершеннолетних мы имели возможность индивидуально обследовать и наблюдать в течение 4-х месяцев. Оба деревенские парни, держатся особняком от других подростков Трудового Дома, при случае взаимно защищают друг друга от несправедливых посягательств со стороны сверстников. Живут интересами деревни, вспоминая о прошлой жизни; мечтают о том, как выйдут на свободу. Охотно работают в мастерской; в школу ходят, но без интереса, лишь отбывают повинность. Правонарушителями себя не считают и крайне удивляются, за что их здесь держат: «дивы бы украли или убили, тогда понятно. У нас в деревне трое девуку, настоящую девуку, испортили и то им ничего не было», говорит с убеждением В., «а мы разве испортили, что ей, убогой, станется от одного раза. Нет, это на нас злобу имели за Ваньку Т.». Оказывается, Т., напившись на храмовом празднике самогонки, вместе с другими парнями разбил в одном доме окна и колом разворотил забор. Сам Т. об этом рассказывает довольно добродушно: «с парнями загулял, угостили меня винцом, а мне покажем спяну, что я сильный и все могу сделать, все мне ничем. А тут подзадорили, ну и выбил стекла». О том, что его по этому делу привлекали в Комиссию, с усмешкой говорит: «мне

только выговор, а парней на 2 месяца посадили, а за стекла заплатили все поровну. Вот тогда меня нужно было сажать, а не сейчас». О краже рассказывает так: совместно с другим мальчишкой украли двух кур, на ночном их зажарили. «Так бы дело и не открылось, да Петька насплетничал». Петька с удовольствием угощался жарким вместе с другими ребятами, а потом мальчишки стали над ним смеяться, что он с'ел собственных кур. Когда дома действительно не досчитались двух кур, он рассказал обо всем матери. Так как это дело было после хулиганства, то Т. привлекли к ответу вторично. Через месяц возникло настоящее дело, и у Комиссии создалось о Т. впечатление, как о трудно-воспитуемом подростке, в силу чего дело о нем было передано в Суд.

Другой случай касается несовершеннолетних правонарушителей из города. Двое несовершеннолетних, С. 17 л. и Б. 16 лет, ранее судившиеся за кражу, вместе с своим приятелем З. 31 г., тоже судившимся за кражу, заходят в дом к его сожительнице. Последняя, видя, что пришла пьяная кампания, уходит из дому, оставляя в нем прислугу Ф. Та ложится спать, и к ней на кровать ложится З., ранее живший с ней половой жизнью. С. ложится на полу, Б. на другую кровать. З. в присутствии несовершеннолетних совершает с Ф. половой акт, после чего предлагает ребятам проделать то же самое. «Вроде как бы угощал нас,—рассказывает об этом Б. Ф. пытается убежать из комнаты, тогда З. затворяет дверь и не пускает ее, а С. наносит ей удар по лицу и груди и насилует; после С. насилие совершает и Б.». На другой день потерпевшая была осмотрена врачом, которым были найдены у нее глубокие царапины на ягодицах, а также и на внутренних частях бедер.

Из трех обвиняемых мы могли лишь амбулаторно (после вынесения приговора) исследовать лишь Б. При этом исследовании несовершеннолетний держал себя довольно развязно, о происшедшем говорил, как о деле, не стоящем внимания, построенном на сведении личных счетов между З. и его сожительницей, которая ревновала З. к прислуге Ф. (действительно приговор отмечает разногласия в показаниях Ф., которая на предварительном следствии заявила, что ее изнасиловали все трое, на суде изменила свои показания в пользу З., с которым она имела половое сношение по соглашению). Б., не отрицая факта насилия, смотрит на дело таким образом, что З., живя ранее половой жизнью с Ф., имел «полное право переуступить ее на ночь товарищам». В этом Б. не видит ничего плохого.

Снижения интеллекта психологическое исследование у Б. не устанавливает. Два года тому назад Б. ушел из семьи, так как проигрался в карты и, чтобы заплатить долг, украл 55 рублей у отца — рабочего на фабрике. С тех пор в семье не живет, промышляет карманными кражами. «Если бы сразу попался и отсидел», говорит он, «может быть и не стал бы воровать, а то целый год «бегал» (воровал) и ни разу не попадался. Теперь уж я при-

вык к привольной жизни». Пьет Б. немного, только портвейн. Кокаин не нюхает. Одет чисто, любит принарядиться. Половой жизнью начал жить с 15 лет (с проститутками), до этого 2 года занимался онанизмом.

Из случаев, когда изнасилование было совершенно единолично, приведем следующий, который является более или менее типичным для данного вида правонарушения.

Крестьянин К., 17 лет, возвращаясь вечером в деревню, нагнал в поле незнакомую женщину. Поравнявшись с ней, К. повалил ее в сугроб, и под угрозой задушить имел с ней половое сношение. Так как потерпевшая кричала, то К. сначала засыпал ей снегом глаза и лицо, когда же это не помогло, засунул ей в рот варежку. На следующий день он был опознан потерпевшей, оказавшейся учительницей Д. из соседнего села. Привлеченный к ответу К. не отрицал факта полового сношения, которое будто бы было с согласия Д. Когда эта версия была опровергнута, К. стал ссылаться на сильное опьянение, из-за которого он не мог дать себе отчета в своих действиях. На суде эта версия также не подтвердилась.

При исследовании (после вынесения приговора) К. вначале пытался поддерживать версию об опьянении, впоследствии откровенно рассказал, что, встретив в поле женщину и не видя никого поблизости, он решил воспользоваться случаем, рассчитывая на полную безнаказанность т. к. потерпевшая его не знала, а если бы где-нибудь, потом встретила, то из-за стыда не стала бы рассказывать о случившемся. «Если бы знал, что так выйдет, разве бы стал; думал, не откроется».

К. живет в семье, состоящей из родителей и двух младших братьев. Очень жалеет о том, что «из-за его глупости» родителям будет трудно справляться во время полевых работ. К. в 13 лет кончил школу и с 14 помогает в хозяйстве. Физически хорошо развит. До этого случая половой жизнью не жил; правда, два или три раза с знакомой девушкой, с которой гулял в деревне, совершал *coitus inter pedes*, т. к. хотел «ее испортить». Онанизмом занимается с 12 лет, онанируя один-два раза в неделю.

Наследственного отягощения со слов испытуемого не устанавливается. Снижения интеллекта не отмечено. Психика крайне примитивна. Индивидуальное обследование 5 несовершеннолетних, осужденных за изнасилование, не дает нам никакого права на широкие обобщающие выводы, но все же на основании совокупности данных (изучение 29 дел и наблюдения обследованных), мы приходим к заключению, что как в изнасиловании, совершаемом единолично, так и в групповом изнасиловании, причину следует искать не в психопатологических свойствах личности несовершеннолетних, а в тех уродливых формах быта, в котором женщина все еще является настолько обезличенной, что на нее смотрят, как на собственность, которой можно распоряжаться по своему усмотрению.

Вторым моментом, который мы здесь хотели бы отметить, это то, что изнасилование, как вид правонарушения в области половых отношений, не является типичным для несовершеннолетних. Участие в изнасиловании подростков до 16 лет в огромном большинстве случаев обуславливается влиянием взрослых; в этом виде правонарушения подросток играет подчиненную роль.

Если в изнасиловании личность несовершеннолетнего правонарушителя отступает, заслоняемая бытом, на задний план, то при «половом сношении с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженным с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах» (ст. 167 УК), свойства личности несовершеннолетнего уже более рельефно выступают из-за социально-бытовых условий.

По ст. 167 Губернским Судом было возбуждено 9 дел о девяти несовершеннолетних. Правонарушения, подходящие по смыслу к этой статье, мы встретили также в Комиссии по делам о несовершеннолетних (8 дел о 13 несовершеннолетних). На приеме в Клинике за эти же годы было 6 мальчиков педерастов, 2 мальчика приводились на консультацию по поводу рано выявившегося у них полового влечения, которое нашло свое удовлетворение в половом сношении с малолетними. В Трудовом Доме для несовершеннолетних правонарушителей мы могли в течение 1925-26 г. исследовать и наблюдать 15 педерастов, из которых только 3 были осуждены за этот вид правонарушения, остальные, содержащиеся за имущественные правонарушения, уже во время пребывания в Трудовом Доме выявили себя, как активные педерасты. О возрастном составе несовершеннолетних можно судить по следующей таблице:

	Губернский Суд	Комиссия	Труд. дом	Клиника	Общий %
12 лет . .	—	2 ч. (15,4%)	—	1 ч. (12,5%)	6,7
13 „ . .	—	2 „ (15,4%)	2 ч. (13,3%)	2 „ (25,0%)	13,4
14 „ . .	—	3 „ (23,1%)	5 „ (33,4%)	4 „ (50%)	26,8
15 „ . .	—	6 „ (46,1%)	6 „ (40,0%)	1 „ (12,5%)	28,9
16 „ . .	—	—	2 „ (13,3%)	—	4,4
17 „ . .	5 ч. (55,6%)	—	—	—	11,0
18 „ . .	4 „ (44,4%)	—	—	—	8,8

Возраст 14—15 лет является наиболее критическим для подростков: по нашим данным, 55,7% несовершеннолетних совершают правонарушение именно в этом возрасте. По данным Комиссии по делам о несовершеннолетних за 1923 г. по РСФСР (без Москвы), несовершеннолетние в возрасте 14—15 лет составляют 43,2% из общего числа несовершеннолетних, привлекавшихся в этом году за половые правонарушения, в 1924—46,3%. Повторные правонарушения в области половых отношений также преимущественно падают на эти годы: в 1923 г. — 53,9% из числа повторных правонарушений, в 1924 г. — 68,7%.

В эти годы (14—15 лет) для полового влечения, в большинстве случаев удовлетворяемого ранее при помощи онанизма (по анкете 1922 г., обработанной Гельманом, начало онанизма в 40,1% приходится на годы до 14 лет), начинает подыскиваться объект. Таким объектом чаще бывают девочки (по нашим данным, в возрасте от 4 до 10 лет), реже мальчики, более старшего, чем девочки, возраста (начиная с 7—8 лет). Беспризорность и безнадзорность ребят особенно способствуют этому виду правонарушения. Как на одну из причин такой безнадзорности В. И. Куфаев указывает на ослабление (в связи с повышающимся возрастом) присмотра над подростками в домашней и школьной жизни¹). К этому следует добавить, что известный процент подростков в этом возрасте находится по тем или иным причинам вне школы.

В известном отношении, как нам кажется, заслуживают некоторого внимания данные, полученные нами при обследовании социально-бытовых условий несовершеннолетних, происходящих из рабочей среды, учеников фабрично-заводской школы и вспомогательной школы. Данные касаются весьма немногочисленной группы в 180 человек, но все же они показательны в том отношении, что степень участия подростков в домашней работе для мальчиков с возрастом уменьшается, для девочек остается более или менее постоянной. Ученики фабрично-заводской школы в возрасте 13 лет принимают участие в домашней работе в 80% из общего числа обследованных, в возрасте 14 лет — 73%, в возрасте 15 лет — 41,0%, в возрасте 16 лет только 27,3%. Для девочек той же школы этот процент по возрастам колеблется в пределах 90,0 — 95,0%.

Несколько другие соотношения получаются по вспомогательной школе: здесь участие мальчиков в домашней работе с возрастом изменяется весьма незначительно, колеблясь в пределах 65,6 — 70,0%; для девочек в пределах 75,0 — 80,0%²).

Приведенные данные говорят за то, что нормальный подросток с возрастом старается отделаться от домашней работы, и

¹) Куфаев. Л. cit., стр. 162.

²) К сожалению, мы не можем сравнить этих данных с двумя другими школами (школа для подростков и вспомогательная школа), где не произведено разбивки по возрастам, а лишь указано, что девочки школы для подростков принимают участие в домашней работе в 96,0%, мальчики в 73,0%, по вспомогательной школе: девочки в 64,0%, мальчики в 75,0%.

чем он становится старше, тем меньше времени он склонен уделять из своего досуга этому виду работы, находя ему другое применение, чаще всего вне дома. Для дебильного (умственно отсталого) подростка имеется меньше возможностей в израсходовании досуга, а потому даже с возрастом степень его участия в домашней работе остается почти без изменений. О девочках нужно сказать, что они с возрастом все более и более втягиваются в домашнюю работу.

Как на другой пример безнадзорности, укажем на практикуемые случаи оставления в квартире одних ребят. Чаще всего в подобной обстановке впервые проделывается половой акт, просмотренный у взрослых. На приеме в Клинике нам неоднократно приходилось встречаться с подобным фактом, когда дети 6—8 лет совершали половой акт, подражая взрослым, а последних обыкновенно не беспокоили, (когда дело касалось мальчиков), «это пустяки», о которых они говорили вскользь, «между прочим». Во всех индивидуально просмотренных нами случаях безнадзорности, заброшенность несовершеннолетнего выступала на первый план. Загруженность родителей работой, как одна из причин безнадзорности ребенка, объясняет и тот факт, что среди этих правонарушителей мы встречаем категории всех слоев населения.

	Губернский Суд	Комиссия	Труд. дом	Клиника	% Общий
Детей рабочих . . .	1 ч. (11,1 %)	8 ч. (61,5 %)	6 ч. (40,0 %)	4 ч. (50,0 %)	42,6
Детей крестьян . .	2 „ (22,2 %)	—	5 „ (33,6 %)	1 „ (12,5 %)	17,7
Детей служащих . .	—	2 „ (15,4 %)	1 „ (6,6 %)	1 „ (12,5 %)	8,8
Детей кустарей одиночек	2 „ (22,2 %)	1 „ (7,7 %)	—	1 „ (12,5 %)	8,8
Детей лиц свободных профессий .	1 „ (11,2 %)	—	—	—	2,2
Детей торговцев . .	1 „ (11,1 %)	—	1 „ (6,6 %)	—	4,4
Неизвестно . . .	2 „ (22,2 %)	2 „ (15,4 %)	2 „ (13,2 %)	1 „ (12,5 %)	15,5

Сравнительно большой процент (15,5) несовершеннолетних, социальное положение которых неизвестно, объясняется наличием среди испытуемых беспризорных, «не помнящих родства» или скрывающих почему-либо свое прошлое.

Интересно проследить «загрузку» самих подростков учебной или работой: 40 % беспризорных занимаются кражами, 22,2 % —

учащиеся, 20 % — работают на производстве; 13,4 % живут на иждивении родителей, из школ удалены за плохую успешность или скверное поведение, 4,4 % занимаются хлебопашеством.

Из видов правонарушений, предусматриваемых ст. 167 УК или подходящих к ней по смыслу, мы будем говорить отдельно о несовершеннолетних, совершивших половое сношение с лицами женского пола, не достигшими половой зрелости, и отдельно о педерастах.

Половое сношение с лицами женского пола, не достигшими половой зрелости, или совершается совместно несколькими несовершеннолетними, или единолично. В случаях группового полового сношения предварительного сговора между собой, как это бывает иногда при изнасиловании и педерастии, мы не отметили ни разу. Как при групповом, так и единоличном половом сношении потерпевшая заманивается или обещанием подарка или подарком, только в одном случае единоличного полового сношения мы встретились с запугиванием потерпевшей «продать ее татарам». Заслуживает быть здесь отмеченным и тот факт, когда брат в уплату долга за кино предлагает товарищу иметь половое сношение с его 5-летней сестренкой, с которой он сам до этого несколько раз имел coitus. В 3 случаях нами отмечено, когда старшие по возрасту братья жили половой жизнью с своими 7—8-летними сестрами.

Для иллюстрации считаем не лишним привести некоторые из случаев как совместного, так и единоличного полового сношения с малолетними.

Крестьянский парень Л., 18 лет, заманил в баню обещанием подарить куклу 5-ти летнюю девочку; пальцем руки расковырял ей влагалище и, когда показалась кровь, он, испугавшись, оставил плачущую девочку в бане, а сам убежал в поле, где пропадал до вечера. Л. психиатрической экспертизой был признан слабоумным (олигофреном) (Imbecillitas).

Другой случай, лично нами обследованный, когда подросток С. 16 лет, оставшись один в комнате, уговорил 5-летнюю племянницу лечь на кровать и пытался иметь с ней половое сношение. Когда девочка закричала от боли, С. бросил ее и, оставив квартиру не запертой, убежал на улицу. Плач девочки был услышан соседкой, которой девочка обо всем и рассказала. С. всего два месяца, как приехал из деревни в Москву; он был выписан сестрой в качестве няньки. В деревне С. посещал три года школу, но не кончил ее, просидев все три года в одном классе и не научившись грамоте и счету. В деревне мальчик, как слабосильный (по морфологическим признакам соответствует 10—11 г.), был не пригоден для полевых работ, а потому предложение сестры взять мальчика к себе встретило у родных полное сочувствие. Со слов сестры известно, что отец—алкоголик, в пьяном виде два раза из мести покушавший поджечь соседей, драчун и скандалист. Общественно был составлен приговор о том, чтобы его забрали из деревни; под угрозой приговора он последние два года стал более

воздержанным. Дед по отцу—«горький пьяница». Дядя со стороны отца периодически сильно напивался—*abusus spirituosorum*, замерз в пьяном виде.

По материнской линии отягощения не отмечается. Один из братьев С. был идиотом, умер 8 лет от какой-то инфекции.

С. по счету 13 (последний). Рос всегда хилым, слабым ребенком. Поздно научился ходить и говорить. До 12 лет страдал ночным недержанием мочи (*enuresis nocturna*). С 9 лет занимается она-низмом.

Рассказывая о происшедшем, С. то пытается отпираться, то все сваливает на девочку, уговорившую его «так с ней поиграть». Экспериментальное психологическое исследование устанавливает значительное снижение интеллекта. С. — слабоумный, олигофрен (тяжелая степень дебильности на грани с имбецильностью, полным тупоумием).

Следующий случай, о котором мы уже упомянули раньше, мальчик Д. 14-ти лет. Подросток исключен из школы за частые пропуски занятий, за кражи у товарищей, избивание маленьких. В школе был случай, когда он, рассердившись на товарища, ударил его в бок ручкой, сломал перо, которое потом пришлось удалять хирургическим путем.

Д. большой любитель кинематографа, из-за которого он и начал совершать кражи. Сначала воровал у матери-ткачихи, потом стал воровать у соседей в школе. Пробовал добывать деньги игрой в карты, но в игре очень азартен, никогда не может остановиться, и вылезает только тогда, когда проиграется дочиста. Если нет денег на кино, то выманивает их у товарищей, занимает в долг. Однажды, когда его товарищ В. потребовал уплаты долга, предложил ему пойти в комнату, где он уговорил 5-ти летнюю сестру иметь с В. половое сношение. Было обусловлено, что за 80 к. долга половое сношение будет 2 раза. Когда у В. ничего не вышло, то Д., оставшийся все время в комнате, чтобы научить В., при нем проделал половой акт. Мальчиков застала с поличным мать В., разыскивавшая сына.

Со слов матери Д., известно, что отец мальчика был из воспитательного дома, пил запоем, продолжавшимся 2—3 недели; запой в году 3—4 раза. Был болен белой горячкой (*delirium tremens*). Всю жизнь был азартным игроком. Умер он 3 г. тому назад от воспаления легких.

Мать больна туберкулезом легких, состоит на учете тубдиспансера. Дед и бабка по матери умерли в глубокой старости. Два дяди здоровы, женаты, имеют здоровых детей.

У матери 8 беременностей, в живых двое, остальные умерли в раннем детстве от инфекционных заболеваний; один ребенок умер от менингита; другой, умерший от кори, страдал с 2 до 6 лет судорожными припадками. Д. родился в срок, вскармливался до 9 м. грудью матери. С году у него начались судорожные припадки: ребенок синел, закатывал глаза, судорогой сводило руки и ноги. В начале припадки были 2—3 раза в месяц, потом стали реже;

на 5-м году прекратились совсем. До 7 лет ночное недержание мочи (enuresis nocturna). В школу пошел на 9 году, дошел до 4-й группы, просидев во 2 классе по болезни (скарлатина) два года. Плохо давалась арифметика, в остальных предметах успевал. По характеру злобный, раздражительный, не терпит противоречий. В злобе срывает скатерть со стола, бьет посуду. Был случай, когда очень сильно избил сестру за то, что она съела его конфету. Если надо чего-нибудь добиться от матери, то становится ласковым, но очень скоро предупредительность сменяется грубостью, если не будет удовлетворено его желание. Свои вещи бережет, и как-то раз набросился с кулаками на мать, когда она надела его пальто, чтобы принести дров.

На исследовании Д. держится вызывающе, отвечает грубо. На вопрос — «неужели ему не было жалко сестру», отвечает: «а что ей от этого делается, чай, брюхатой не будет». Онанизмом занимается с 8 лет. При исследовании по Binet дал отсталость на 3 г. 2 м.

Диагноз: эпилепсия.

Следующие два случая, при исследовании которых мы не могли отметить у наших испытуемых никаких отклонений от нормы, приводятся нами коротко, с целью показать наиболее типичные групповые правонарушения несовершеннолетних.

Подросток Г. 15-ти лет и А. 9 лет пошли в сарай посмотреть голубей, вместе с ними пошла девочка З. 6 лет. Когда стали подниматься по лестнице вверх, Г., поднимавшийся последним, увидел половые органы З., и тогда же ему пришла в голову мысль иметь с З. половое сношение. Не зная, как З. отнесется к этому, он подозвал А. и научил его «попросить у З.», обещая подарить за это и ему и ей по голубю. Тут же А. выполнил поручение, но «ничего сделать не смог», и тогда Г. стал их учить, как это делается.

Г. — сын служащего (отец-счетовод) в интеллектуальном отношении развит по возрасту. 3 года занимается онанизмом. По ночам ему снятся голые женщины. Онанируя, представляет себе купающихся девочек, которых видел нынешний год на даче. Рассказывая о происшедшем, плачет, объясняет, что «сделал, не подумавши».

Трое несовершеннолетних, К., 14 лет, Б. 12 лет и К. 10 лет сшибали в саду груши. У Б. одна из груш оказалась очень похожей на женские половые органы. С этого начался разговор, оказалось, что никто из мальчиков не видел женских половых органов и знал о них по рассказам других. Когда к ним подошла девочка 4-х лет Б. и стала просить груш, то решили с общего согласия дать ей груш, если она им покажет половые органы. Пошли в сруб, и когда Б. подняла платье, то старший из несовершеннолетних К. предложил всем по очереди иметь с ней половое сношение. Так и сделали; дело открылось, когда девочка стала жаловаться на боль в низу живота. Несовершеннолетние сразу во всем сознались. Все они занимаются онанизмом. Однажды пытались вводить половой член в anus друг другу, но оставили, т. к.

«это было больно». До этого никто из них половой жизнью не жил. Старший из подростков К., оправдывая свой поступок, ссылался на слышанное им от товарищей, что половое сношение излечивает от онанизма, от которого ему очень хотелось отделаться. Все три подростка растут без надзора, т. к. родители, занятые на службе, не уделяют детям достаточного внимания.

Ограничиваясь приведением здесь этих немногочисленных случаев, мы позволяем себе сделать обобщающий вывод, что отсутствие правильного полового воспитания, оставление подростка в опасности в критический момент его жизни, является основной причиной этого вида правонарушения. Случаи, отклоняющиеся от нормы, только подчеркивают высказанное положение, т. к. дело преимущественно идет об олигофренах, физически созревших, но интеллектуально настолько неполноценных, что они не могут правильно оценить ситуации, а потому особенно нуждаются в присмотре и руководстве со стороны взрослых. Высказанный взгляд находит себе подтверждение в приговорах Суда и постановлениях Комиссии, которые, учитывая «опасный возраст» и безнадзорность несовершеннолетних, находят ряд смягчающих вину обстоятельств. В одних случаях выносится выговор, в других — условное осуждение, в третьих — Суд идет даже вразрез с психиатрической экспертизой, признающей подростка хотя и олигофреном, но вменяемым. Этот приговор для иллюстрации к сказанному приводим здесь текстуально (дело № 33404—1926 г.). «Несмотря на приведенное заключение экспертизы, из всех обстоятельств по настоящему делу, из ответов самого обвиняемого, из показаний отца и матери потерпевшей девочки, подлежит притти к несомненному выводу, что преступление Л. было совершенно неосознанно вследствие его умственной недостаточности». Суд определил: «в качестве меры социальной защиты помещение Л. в одно из учреждений для умственно и морально дефективных». Только в 25% всех случаев Суд не находит никаких смягчающих вину обстоятельств и осуждает несовершеннолетнего, в то время, как по ст. 169 осуждено 73,6%, остальные оправданы за недоказанностью.

Если обратиться теперь к выделенным нами из ст. 167 случаям педерастии, то и здесь мы встретимся с правонарушением, совершаемым как единолично (главным образом в семье), так и группой лиц (чаще в интернате).

Остановимся сначала на групповых правонарушениях.

Трое подростков в возрасте 15 лет, находясь в Детской Трудовой Коммуне, систематически насиловали более слабых физически сверстников. Насилие всегда совершали вместе: двое удерживали жертву, пока третий насиловал. В случае сопротивления насилуемого забивали ему в анальное отверстие палку или просовывали туда раскаленную проволоку. Под угрозой расправы заставляли воспитанников сосать у них половой член и требовали, чтобы другие воспитанники в их присутствии совершали друг с другом половой акт через анальное отверстие.

Двое из этих несовершеннолетних, содержащихся в Трудовом Доме по приговору Ростовского на Дону суда, были нами обследованы индивидуально. Один из них Б., три года тому назад ушел от замужней сестры, которая приютила его после смерти родителей. Причиной ухода были постоянные нелады с зятем, тяготившимся «лишним ртом». Убегая из дому, Алексей захватил кое-какие домашние вещи; в отместку зятю повесил на будке собаку, которой тот очень дорожил, т. к. был страстным охотником. Очень скоро Б. свел дружбу с беспризорниками, научился воровать, стал сильно пить. Хмелеет очень быстро, и тогда уж не помнит, что делает. Один раз в пьяном виде перебил все стекла, в другой раз, когда ему показалось, что кругом горит, искусал на улице какую-то девушку, пытавшуюся его задержать. Об этих случаях сам не помнит, а знает о них лишь из протоколов, составленных милицией.

Анамнестические данные и сведения о личном прошлом крайне скудны, т. к. получить объективные данные не представлялось возможным; субъективные же данные, несмотря на желание быть откровенным, были неточны из-за провалов в памяти. Все же удалось выяснить, что отец был алкоголик, а один дядя по материнской линии «страдал какими то буйными припадками», одно время жил дома, в деревне, а потом свезли в психиатрическую больницу. У себя Б. никаких болезней не помнит, но отмечает, что два года тому назад у него был какой-то припадок, когда его подняли на улице и отвезли в больницу, где он пролежал 2 дня. Скитался по многим городам, несколько раз был в арестном доме, где его изнасиловали взрослые заключенные. Онанизмом занимается 5 лет, онанирует раз 5—6 днем и столько же ночью. Рассказывает, что в Воронеже имел половое сношение с 5-летней девочкой, после этого несколько раз имел половые сношения с проститутками, но это ему не нравилось (следует ряд циничных рассуждений о преимуществе половых органов девочки и недостатках половых органов проститутки; акт педерастии напоминает ему о половом сношении с девочкой). Педерастом стал в трудовой коммуне; всякий раз он должен иметь новый объект. Своих жертв мучил так: доносчикам забивал в задний проход ножку от стола или палку (раскаленную проволоку отрицает), чтобы отучить их от доносов; тех же, кто не доносил, лишь слегка щипал, так как этот крик напоминал ему крик насилюемой девочки.

Рассказывает обо всем подробно, с излишними деталями; у него нет ни тени сомнения, что он поступал неправильно; жалеет лишь себя, сетует, что ему дали большой срок. В Трудовом Доме после двухмесячного пребывания стал организовывать компанию для изнасилования младших по возрасту несовершеннолетних.

По телосложению—диспластик: евнухоидный субъект. Женская форма таза, значительное жировое отложение на животе и бедрах. Лоб с боков сужен; резко выраженные надбровные дуги. Большие оттопыренные ушные раковины, асимметрия лица. По

внешнему облику соответствует 17—18 годам, хотя «по делу идет на 14». Татуировка на груди, руках и бедрах. Содержание рисунков: голые женщины, циничные надписи, роза, голубок, сердце и якорь.

Интеллект снижен. Временные и пространственные представления недоразвиты. В основу различения кладется случайный, несущественный признак, сходства не улавливает. Среднее время при ассоциативном процессе удлинено («4»). Осмысление новой более или менее сложной ситуации или вовсе не дается или дается с большим трудом.

За 8 м-цев пребывания в Трудовом Доме зарегистрирован один эпилептический припадок.

Диагноз: эпилепсия.

Другой несовершеннолетний Г., осужденный по этому же делу, играл в правонарушении пассивную роль, подчиняясь более сильному физически Б. «Ни роду, ни племени» Г. не помнит, первые воспоминания относятся к возрасту 6—7 лет, но и тогда помнит себя уже в Детском Доме. На улице три года, занимается карманными кражами. С год как начал пить; пьет когда бывают деньги: раз—два в неделю. Кокаин не нюхает, боится втянуться. «Я вот как-то с куревом втянулся; держался держался, а как закурил, двух пачек на день стало мало». Правонарушение объясняет тем, что привык на улице к половой жизни (живет с 13 лет), «а тут ни денег, ни женщин, ну поневоле и стал огольцами пользоваться». Об избитии жертв вспоминать не любит: «это все Б. придумал, а теперь отдувайся; кабы не это, разве бы нам постольку припаяли». В Трудовом доме с Б. не дружит, держится от него особняком и просил перевести его в другую группу.

Интеллект достаточный. Характерологические особенности в пределах нормы.

Из числа 8 других индивидуально обследованных нами подростков, совершивших правонарушение совместно с другими несовершеннолетними (в интернате), мы не встретили ни одного с патологическими особенностями характера. В большинстве случаев в педерастии принимают участие 2—3, реже большее количество лиц, которые по предварительному соглашению намечают жертву. Нередки случаи уговора несовершеннолетнего путем обещания различных материальных выгод, и только тогда, когда попытка оказывается бесплодной, прибегают к насилию. Полная безнаказанность (если не поймают на месте преступления, т. к. потерпевший не посмеет выдать), узаконенное обычаем право сильного, заражающее влияние других при действии скопом, избыток энергии, не находящей правильного оттока и выливающейся в силу этого в безудержный онанизм, иногда привычка к регулярным половым сношениям — все это вместе взятое чаще всего является причиной групповой педерастии несовершеннолетних, находящихся в интернате.

Часть из только что упомянутой группы факторов играет немалую роль и при педерастии, совершаемой единолично, но все же

в 11 обследованных нами случаях мы только у 4 несовершеннолетних не нашли никаких уклонений от нормы, у 4 других, физически хорошо развитых, было отмечено снижение интеллекта до глубокой степени дебильности (эретические олигофрены), в 3-х случаях была поставлена диагностика психопатии. Можно ли, принимая во внимание специфические условия Клиники и Трудового Дома, лишь одной случайностью в подборе материала объяснить большой процент аномальных личностей среди педерастов, совершивших правонарушение единолично, и почти полное отсутствие аномальных личностей среди групповых педерастов?

Не выявляются ли в педерастии, совершаемой единолично, психопатические свойства личности несовершеннолетнего? Мы только ставим здесь эти вопросы, т. к. разрешить их на нашем небольшом материале не представляется возможным.

Для иллюстрации приведем здесь два случая педерастии, совершенных единолично.

Подросток О., 16 лет, содержащийся в Трудовом Доме за кражу в магазине, на исследовании рассказал о себе, что кражу совершил вместе с братом, 19 лет, который «настоящий псих». Кражами занимается 1½ года. «Бобыли мы с братом, дома ничего нет, вот так помаленьку и промышляем». 8 м-цев temu назад он начал выпивать: «сначала противно было, а теперь ничего, привык». «Кокаин презирал». Когда речь зашла о половой жизни, довольно открыто заявил: «с девочками я жить не собираюсь, аппетита у меня нет на них». «Вот мальчики — другое дело». Пробовал иметь половое сношение с женщинами, но всегда оказывался импотентным, становилось противно и уходил. Первый раз почувствовал половое влечение к мальчикам в возрасте 12 лет, когда лежал на одной кровати с двоюродным братом. Стал прижиматься к его ягодицам *penis'om*, а потом онанировал. Теперь, когда онанирует (онанизмом занимается с 10 лет), то представляет себе ягодицы мальчиков, иногда держит перед собой левую руку, согнутую в локтевом суставе, складки кожи на локте, которые при этом образуются, напоминают ему ягодицы.

Мальчиков доставал среди беспризорных, а т. к. был очень брезглив, то предварительно мыл их в бане и в номере совершал половой акт. Завести более прочную связь не удавалось, т. к. бывали длительные периоды безденежья. Мальчиков брал всегда с выбором, а не первого подвернувшегося.

Из наследственности, известной лишь со слов несовершеннолетнего, устанавливается, что мать умерла от туберкулеза легких, очень часто ругалась с отцом, каталась тогда по полу и рвала на себе волосы. Отец умер от ущемления паховой грыжи. О других родственниках по линии отца и матери сведений нет. Брат, о котором уже упоминалось, в детстве страдал лунатизмом; в настоящее время, когда его расстроят, у него бывают припадки: падает на пол, судороги рук и ног, то плачет, то смеется. Можно думать, о чем несовершеннолетний как-то проговорился, что этим припадкам брата научили в месте лишения свободы.

О. по телосложению инфантилен; с румянцем на щеках. Легко краснеет. Руки тонкие, нежные, волосы слегка выются. Движения пластичные, подчас грациозные; слегка грацирует. Одет всегда чисто, со вкусом; очень занят своей внешностью. В разговоре подыскивает изысканные выражения, но нередко сбивается на «блатную музыку». Легко внушаем, подражателен, крайне неустойчив в своих желаниях. С остальными воспитанниками не сходится, но никогда не позволяет себе держаться с ними грубо. Кое-что читал, но главным образом это романы; любовная интрига — одна из любимых тем его разговора. При эксперименте по Бельскому, заключающемся в том, что испытуемый должен выбрать из ряда специально придуманных заглавий те, которые ему нравятся, он, сильно покраснев, выбрал карточку: «Любовь прекрасной турчанки и рыцаря Карла». Интеллект — не глубок. Очень обидчив и чувствителен. Много ипохондрических жалоб при незначительном физическом заболевании.

Пробыв в Трудовом Доме 2 м-ца, вышел за окончанием срока. Последние две недели очень дружил с одним из воспитанников со смазливой личиком. Садился к нему на кровать, обнимал его, обещал навещать по выходе из Трудового Дома.

Диагноз: психопатическая личность (истерический характер). Гомосексуализм.

Другой случай — подросток И. 15-ти лет, учащийся. В школе у сверстников вызывает к себе насмешливое отношение: на потеху класса прыгает на одной ножке, кривляется, выкрикивает на разные голоса какое-нибудь слово, изводит преподавателей, постоянно задавая им стереотипные вопросы. Одет всегда неряшливо. Неуклюж, медлителен, большое количество лишних движений. Школьная успешность хорошая, легко дается математика, отмечается некоторое литературное дарование: пишет стихи, статьи в стенную газету.

Нелепые выходки отмечались за ним и раньше, когда он в возрасте 7—8 лет вскочит со стула, перевернется несколько раз кругом и снова сядет, не объяснив, почему он так сделал.

Нередко на несколько дней, а иногда и м-цев прилипал к какому-нибудь одному слову, повторяя его во всех случаях жизни. Одно время были навязчивые движения, когда он указательным пальцем описывал в воздухе круг. С детьми ни с кем близко не сходил, хотя и не сторонился их. В возрасте 8 лет отметили, что мальчик онанирует. В последнее время мать стала замечать, что очень часто И, вместе с своим 7 летним братом уходит в уборную. Однажды она застала их в тот момент, когда И. совершал педерастический акт с братом. Обеспокоенная тем, не болен ли И. психически, она привела его на прием в Клинику.

Со стороны наследственности отмечается психическое заболевание (шизофрения) у деда по отцовской линии; отец-человек замкнутый, с некоторыми странностями: не войдет в комнату, пока не убедится, что нет никого из посторонних; садясь всегда

намеренно ударит ножками стула об пол. Со стороны матери патологического отягощения не отмечается. И. — 2-й по счету; за 2 года до него родилась девочка, которая по характеру ему полная противоположность: общительная, веселая, жизнерадостная; кончила школу 2 ступени, в настоящее время учится в техникуме.

И. развивался без запозданий, рос болезненным, хилым ребенком. Как уже отмечалось, странности у него были и в детстве. Характера прогрессирующего болезненного. Изменения личности в заблуждении из рассказов матери установить не удается.

И. астенического телосложения. Интеллект соответствует возрасту. Контакт при разговоре поддерживается до тех пор, пока речь не коснется происшедшего. В таких случаях замыкается в себя, сидит потупившись, перестает отвечать на вопросы. От него, несмотря на повторные посещения им клиники, так и не удалось узнать о случившемся. Школу продолжает посещать, успешность по прежнему хорошая, в классе несколько сдержаннее, на переменах по прежнему строит из себя шута.

Диагноз: шизоидный психопат (*Verschroben*).

Говоря об активных педерастах, следует, как нам кажется, хотя бы мимоходом коснуться той группы пассивных педерастов, которая из педерастии сделала источник дохода. Эту группу несовершеннолетних в количестве 10 человек, обследованных нами индивидуально, в общее число подсчета мы не включили. Все 10 человек — беспризорные, в возрасте от 12 до 14 лет. Только один из них интеллектуально полноценен, 8 — умственно отсталых (олигофренов), один страдает эпилептическим слабоумием. Все несовершеннолетние вначале были насильно использованы более старшими сверстниками, и только после неоднократно совершенного с ними соитуса стали сами предлагать себя. Один из них интеллектуально полноценный, страстный картежник, продает себя только в случаях проигрыша, когда ему нечем платить, и он опасается быть избитым. «На улице я не гуляю», говорит он, «там мне не надо, я и так все добуду». Двое других, пристрастившиеся к кокаину, продаются только на улице, когда у них нет денег и не предвидится возможности украсть. Изолированные от улицы, они перестают заниматься педерастией. Остальные продаются как на улице, так и в интернате. Эта группа совершенно опустившихся подростков, которые отдаются за папироску, за маленький кусок хлеба, а иногда за ласковое слово или заступничество более сильного сверстника. Сверстники их не любят, сторонятся, избегают общения с ними за столом, их заискивания оставляют без ответа. Очень часто их избивают, т. к. у них отсутствует воровская этика, и они, полуголодные (т. к. их паек съедается кем-нибудь из более старших под общий хохот присутствующих), тащат кусок хлеба у товарища. Не легче живется им и на улице, т. к. они мало приспособлены: воровать не умеют, а для выпрашивания милостыни не хватает ни умения, ни сообразительности, да к тому же с наиболее «доходных» мест их прогоняют более изворотливые сверстники. По нужде они и продаются, т. к. попросят в день

5—10 копеек, педерастией же заработают рубль-два в день. Правда, «берут» их не особенно охотно, чаще всего пьяные, занюханые взрослые, которых они выскивают около ночлежек, в скверах, на вокзалах.

Мы далеки от мысли, что группа пассивных педерастов, сделавших из педерастии источник дохода, исчерпывается приведенными нами здесь случаями; мы упомянули о них лишь как о случаях, встретившихся в нашей практике.

Переходим к ст. 168 УК, предусматривающей «развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий». Развратные действия при этом, по замечанию проф. Жижиленко, «заключают в себе физическое, а не одно лишь нравственное развращение»¹⁾. Губернским Судом по ст. 168 в 1925-26 г. привлекались 14 несовершеннолетних (14 дел о них). Правонарушения, подходящие по смыслу к этой статье, мы встретили также в Комиссии по делам о несовершеннолетних (9 дел за 1925-26 г. о 10 несовершеннолетних) и на амбулаторном приеме в Клинике (13 несовершеннолетних). По возрасту несовершеннолетние делятся следующим образом:

	Губернский Суд	Комиссия	Клиника	Общий %
9 лет	—	2 ч. (20,0%)	—	5,4
10 „	—	2 „ (20,0%)	2 ч. (15,4%)	10,8
11 „	—	—	2 „ (15,4%)	5,4
12 „	—	1 „ (10,0%)	2 „ (15,4%)	8,1
13 „	—	1 „ (10,0%)	2 „ (15,4%)	8,1
14 „	—	1 „ (10,0%)	4 „ (30,7%)	13,5
15 „	1 ч. (7,1%)	3 „ (30,0%)	1 „ (7,7%)	13,5
16 „	3 „ (21,4%)	—	—	8,1
17 „	4 „ (28,6%)	—	—	10,8
18 „	6 „ (42,9%)	—	—	16,3

Возрастной диапазон довольно широк (от 9 до 18 лет), обладания какого-нибудь одного возраста подметить не удастся,

¹⁾ Проф. Жижиленко А. „Половые преступления“. Изд-во „Право и Жизнь“. Москва, 1924 г.

в силу чего на нашем материале можно сделать заключение, что этот вид правонарушения свойственен как несовершеннолетним, так и детям.

Здесь у детей и несовершеннолетних мы встречаемся с половым любопытством, которое стремится превратиться в действие. Сначала интерес вызывают собственные половые органы, при чем, по замечанию Стэнли Холла, подросток бывает чрезвычайно чувствителен к их величине и форме, нередко сравнивая их развитие с развитием у сверстников. Появляющееся затем любопытство к органам другого пола сначала удовлетворяется подглядыванием, подсматриванием, пока не претворяется в желание прикоснуться, потрогать их. Осуществление желания в большинстве случаев бывает возможным лишь с согласия лиц другого пола. Получить это согласие у сверстника или лица старшего по возрасту крайне трудно, хотя в отдельных случаях это осуществляется или путем предложения денег или путем взаимного удовлетворения любопытства. Чаще объектом избираются малолетние, что наглядно иллюстрирует нижеприводимая таблица.

	Объект правонарушения	
	Девочки	Мальчики
4 г.	7 чел.	—
5 "	8 "	—
6 "	11 "	1
7 "	3 "	1
8 "	2 "	1
9 "	1 "	—
11 "	1 "	—
12 "	1 "	—

От осмотра половых органов лишь один шаг «до развращения путем развратных действий». Этот вид правонарушения нередко бывает повторным, что мы могли подметить и на своем небольшом материале: в то время, как мы не встретили ни одного несовершеннолетнего, который бы повторно привлекался за изнасилование или за половое сношение с малолетним, за развращение же повторно привлекались 5 человек из 37. Повторно привлекавшиеся были в возрасте 13—15 лет.

По социальному положению родителей, подростки делятся следующим образом:

	Губернский Суд	Комиссия	Клиника	Общий %
Детей рабочих . .	12 ч. (85,8%)	5 ч. (50,0%)	4 ч. (30,7%)	56,8
„ крестьян . .	1 „ (7,1%)	1 „ (10,0%)	—	5,4
„ служащих . .	1 „ (7,1%)	2 „ (20,0%)	3 „ (23,1%)	16,2
„ кустарей . .	—	1 „ (10,0%)	1 „ (7,7%)	5,4
„ торговцев . .	—	—	1 „ (7,7%)	2,7
„ лиц свобод- ных профессий . .	—	—	3 „ (23,1%)	8,1
Неизвестно	—	1 „ (10,0%)	1 „ (7,7%)	5,4

На первом месте стоят дети рабочих, за ними идут дети служащих и лиц свободных профессий; дети крестьян отступают на задний план, что вполне объясняется (при деревенской простоте нравов) большей легкостью удовлетворения полового любопытства и тем самым меньшей возможностью превращения этого любопытства в развратные действия.

На нашем материале чаще всего этот вид правонарушения встречается у детей и подростков из семьи (живет в семье 81,1%), при чем учащиеся составляют 48,6%, ученики на производстве — 16,3%, воспитанники детских домов — 13,5%, чернорабочие — 5,4%, безработные — 10,8%, беспризорные — 5,4%. Несмотря на кажущееся семейное благополучие, все же, как и в правонарушениях, предусматриваемых ст. 167, так и здесь безнадзорность, заброшенность подростков, отсутствие правильно поставленного полового воспитания способствуют этому виду правонарушения, на разборе случаев которого мы здесь и остановимся. Подросток Г., 18 лет, зайдя в дом, где находились четыре девочки в возрасте от 4 до 10 лет и их брат 12 лет, сел на лавку, расстегнул брюки вынул penis и, обращаясь к мальчику, спросил: «а что у Ленки больше?» Когда тот ответил незнанием, Г. рассердился и, подозревая младшую из девочек, приказал ей: «Зинка, хвали; говори, что хорош». После похвалы девочки Г. успокоился, поболтал с ребятами еще некоторое время о различных пустяках; уходя, пригрозил поколотить их, если они будут рассказывать о случившемся. Ребята вскоре рассказали обо всем взрослым, отсюда возникло дело по обвинению Г. по ст. 168. При исследовании Г. оказался физически

недоразвитым (по морфологическим признакам соответствует 13—14 г.), интеллектуально неполноценным.

Свой поступок объяснил тем, что поссорился с парнями, которые постоянно его дразнили, надсмехаясь над тем, что у него penis меньше, чем у воробья. Во время гулянок они отгоняли его от девушек, предлагая ему ухаживать за галками и воробьями. После одной из таких ссор он решил доказать парням, что он не хуже других, и с этой целью побежал к дяде, т. к. отца у него нет, а спросить у матери было стыдно. Не застав дяди дома, он и обратился с вопросом к мальчику, а когда тот не разрешил его сомнений, он обратился к самой младшей из девочек: «она маленькая, не соврет, скажет по правде». Очень удивлен, что его привлекли к ответственности. «В деревне все так делают», и он приводит пример, когда один из мужиков в пьяном виде показал половой член женщинам и погрозился им. «Все тогда смеялись, и ему ничего не было, а меня судили». Родным так и не удалось втолковать ему, что не происки парней были причиной привлечения его к ответственности. Он был очень озлоблен на Леньку, считая его главным виновником позора и все время грозился, что подожжет его.

Более типичным для данного вида правонарушения является следующий случай.

С. 15 $\frac{1}{2}$ лет, ученик школы 2 ступени, оставаясь в квартире вдвоем с 4 $\frac{1}{2}$ летней девочкой, дочерью соседки, заставлял ложиться девочку на кровать, сам укладывался рядом и, онанируя, держался другой рукой за половые органы девочки. Правонарушение открылось случайно, когда вместо С. домовничать осталась тетка девочки. Укладывая девочку в постель, тетка рассказала ей сказку, в которой несколько раз упоминалось про сметану. Девочка рассказала тетке, что она видела, как сметана идет у С. из полового органа, очень просила тетку молчать о слышанном, т. к. Степка не купит ей обещанных куклу и мяч, если узнает, что она проболталась.

Привлеченный к ответу С. после некоторого запирательства во всем сознался.

Данные о наследственности и личном прошлом С. получены со слов его матери, работающей на телеграфе. Часто, уходя на дежурство, она оставляла мальчика одного, на него же оставляли и девочку, т. к. соседка с утра уходила на работу (мальчик занимается во 2-ую половину дня). С. всегда был очень ласковым с девочкой, заботился о том, чтобы во время ее накормить, не позволял ребятам обижать ее на улице.

Отец мальчика убит в 1915 г. на фронте. По характеру был общительным, добрым, крайне беспечным; легко терялся при неудаче. О родственниках со стороны отца сведений нет. По линии матери бабка и 2 тетки умерли от туберкулеза. У матери 2 беременности; первый ребенок умер от скарлатины. С. 2-й по счету. Рос хилым, болезненным ребенком. По характеру добрый, ласковый, застенчивый, при смущении легко краснеет. Жалоб из школы на него нет, учится наравне со сверстниками.

При исследовании С. рассказал, что 2 года он занимается онанизмом, которому его научили товарищи. Несколько раз пытался бросить, но всякий раз неудачно. Правонарушение в первый раз совершил при следующей обстановке: девочка, возвратясь из уборной, не могла самостоятельно застегнуть штаны и просила С. о помощи. Застегивая, он попросил девочку показать *genitalia* и, когда увидел, то заметил, что у него наступила эрекция *penis'a*. Выслав девочку из комнаты, он стал онанировать. В следующий раз он уложил девочку на кровать и, обнажив ее *genitalia*, онанировал при ней. Так случилось в последние два м-ца постоянно, когда они оставались вдвоем. Всякий раз С. давал себе слово больше этого не делать, однажды пытался даже покончить с собой, но не привел в исполнение задуманного, т. к. испугался. Основным мотивом для покушения на самоубийство было то, что он слышал от товарищей об онанистах, у которых высыхает мозг; очень боялся поэтому сделаться инвалидом.

Интеллект С. в пределах нормы. Контакт с ним поддерживается легко, настроение крайне неустойчивое, легко меняется от той или иной ситуации.

Считать С. патологической личностью у нас нет никаких данных; правонарушение его всецело объясняется безнадзорностью и отсутствием правильно поставленного полового воспитания.

Интересны с бытовой точки зрения правонарушения, совершаемые няньками-подростками. Таких случаев в нашем распоряжении имеется всего два, но т. к. подобные правонарушения трудно обнаружить, вскрываются они случайно, то можно думать, что эти два случая являются не исключительными, а скорее рядовыми. Т. к. оба случая совпадают в целом ряде деталей, то здесь мы приводим лишь один из них.

Т., 16-летняя крестьянская девушка, была выписана на зиму сестрой нянчить 8 месячного ребенка. В этой же квартире проживал и мальчик Д. 8 лет, с которым Т. очень часто оставались вдвоем. Т. научила мальчика онанизму, сама мастурбировала его; несколько раз заставляла его ложиться на себя. Правонарушение раскрылось случайно из-за ссоры с подругой В. 15 лет. Ссора произошла из-за ленты, которую Т. взяла надеть при гостях, а потом отказалась отдать ее В. обратно, ссылаясь на то, что лента потеряна. В., которую Т. раньше не только во все посвятила, но и предлагала как-то «полежать с Д.», пошла к матери мальчика и обо всем ей рассказала. Сначала Т. во всем запералась, уверяла, что В. наговорила на нее по злобе; когда же мальчик во всем сознался, она стала сваливать вину на него, утверждая, что он первый приставал к ней.

Т. — *vigro intacta* (невинная девушка). Про себя на исследовании рассказывает, что в деревне на ночном она с подругами баловалась таким образом с ребятами. Онанизмом занимается 2 года. Месячные с 14 лет, раньше болезненные, с год как вполне правильные.

В наследственности, за исключением пьяницы деда по материнской линии, других отягощающих моментов не отмечается. Физическое развитие в детстве без запозданий. Кончила сельскую школу. Интеллект — «низкая норма». Мышление исключительно в пределах конкретного. Большая внушаемость. Психическая жизнь крайне примитивна. Сестра характеризует Т., как упрямую, капризную, своевольную.

Заканчивая на этом обзор случаев, мы хотели бы, избегая, по возможности, обобщающих выводов, лишь несколько суммировать впечатления, полученные нами при обработке материала.

Половые правонарушения несовершеннолетних идут, постепенно поднимаясь, по следующей лестнице: от полового любопытства до изнасилования. Первая ступень лестницы, когда по существу еще нет никакого правонарушения, — половое любопытство, удовлетворяемое при помощи подглядывания, подсматривания или взаимного показывания половых органов. Через эту ступень (без того, чтобы впоследствии стать правонарушителями) проходят все или почти все ребята, что дает до некоторой степени право рассматривать это влияние, как физиологическое.

Вторая ступень — претворение полового любопытства в действие. Всякое проявление в этом направлении (будет ли это ощущение, прикосновение к половым органам, подражание coitus'у или другой близкий к этому акт) можно рассматривать, как развращение малолетних или несовершеннолетних, т. е. говорить о том виде правонарушения, которое предусматривается ст. 169 УК. Этот вид полового поведения в подавляющем большинстве случаев свойственен нормальным детям и подросткам, у которых половое любопытство, не найдя оттока, претворилось в действие. Чем раньше разбужено половое любопытство, тем больше шансов встретить несовершеннолетнего в числе правонарушителей. Обыкновенно преждевременное половое любопытство пробуждается под влиянием рассказов о половых отношениях более старших по возрасту сверстников, иногда из подслушанных разговоров или подсмотренного coitus'a у взрослых; в отдельных случаях из наблюдаемого coitus'a у животных; нередко причиной бывают манящие, дразнящие тени кино и т. д. Безнадзорность ребенка, отсутствие правильного руководства, оставление без ответа ряда его вопросов, касающихся взаимоотношения полов, — облегчают претворение в действие полового любопытства. Одни запретительные меры, к которым так часто и охотно прибегают при выявлении любопытства или претворении его в действие, помочь бессильны; вот почему так част для этого вида правонарушения процент рецидива. Третья ступень — половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости — есть не что иное, как естественное продолжение второй ступени. От развратных действий до полового сношения лишь один шаг: нередко начинают с развращения и кончают половым сношением. На этой ступени мы встречаем несколько приступков, один из которых — половое сношение с лицами противоположного пола.

Здесь, как мы уже упоминали, играют главную роль отсутствие правильного полового воспитания, оставление подростка без помощи на произвол судьбы в критический момент его жизни—в момент полового созревания (напомним, что этот вид правонарушения чаще всего встречается у подростков в возрасте 14—15 лет). «Чувственность, в своем смутном и неясном, однако, часто чрезвычайно бурном стремлении к удовлетворению, не встречает запретов и предостережений», говорит Ашаффенбург: «но когда даже она встречает, то стремление к удовлетворению оказывается сильнее рассудка»¹⁾. Безнадзорность подростка облегчает этот вид правонарушения, в котором, по нашим данным, в подавляющем проценте случаев принимают участие психически полноценные личности; встретившиеся нам аномальные личности лишь более рельефно подчеркивают недостаточную способность несовершеннолетних к торможению чувственных влечений.

Второй приступок — педерастия, совершаемая совместно несколькими несовершеннолетними. Этот вид правонарушения встречается у нормальных, но социально-запущенных подростков и диктуется безнаказанностью, правом сильного, задерживающим влиянием других при действии скопом, избытком половой энергии. Улица, места лишения свободы, плохо поставленные интернаты, обыкновенно являются рассадниками этого вида правонарушения. Стоит только несколько улучшить условия, дать правильное переключение половой энергии, как сразу отпадает вопрос о педерастии, и тогда совершенно невозможно отличить от нормальных сверстников даже тех подростков, которые занимались педерастией в течение ряда лет.

Третий приступок — педерастия, совершаемая единолично. По нашим наблюдениям, этот вид правонарушения более свойственен аномальным личностям, если только речь не идет о привычных педерастах, ранее принимавших участие в педерастии, совершаемой совместно несколькими несовершеннолетними. Повидимому, в случаях педерастии, совершаемой единолично, речь чаще всего идет о повышенной сексуальности у биологически неполноценных, задерживающихся в своем развитии личностей (т.н. гомосексуальный период по Freud'у).

С каждой ступенью повышается и возраст правонарушителей, и на 4-й ступени (изнасилование) мы встречаемся с вполне сформировавшимися подростками. Изнасилование, свойственное психически нормальным несовершеннолетним, по нашим данным (по сравнению с другими видами правонарушений несовершеннолетних в области половых отношений) встречается значительно реже. Здесь же следует упомянуть о роли взрослых, которые, не участвуя вместе с несовершеннолетними в перечисленных раньше правонарушениях в области половых отношений, при изнасиловании подстрекают или вовлекают несовершеннолетних в этот вид правонарушения.

¹⁾ Проф. Г. Ашаффенбург. „Преступление и борьба с ним“. Одесса, 1906.

Какой же вывод из всего здесь сказанного? Со времени Ж. Ж. Руссо говорят, что человек рождается дважды: физически — с появлением на свет и духовно — в пору полового созревания. Если физическое развитие, даже в малокультурной среде, все же обставляется так, что ребенку оказывается хотя бы минимальная помощь, то при духовном рождении он, как правило, оставляется на произвол судьбы. Редко при этом рождении можно встретить опытного акушера — педагога, чаще всего роды происходят с помощью «бабки», роль которой выполняют более старшие сверстники. Надо ли после этого удивляться «преждевременным или неправильным родам», в результате которых рождается хилый плод.

Если на профилактику беременности, родов и первых лет жизни ребенка обращается теперь более или менее достаточное внимание, в результате чего является уменьшение процента смертности, то не пора ли по-настоящему взяться за профилактику путем разумного сексуального воспитания подрастающего поколения, тогда, может быть, излишними явятся статьи о половых правонарушениях несовершеннолетних.

Притонодержательство.

(Социологический очерк).

Как известно, в отдел половых преступлений, которым целиком посвящен издаваемый сборник, относится и преступление, предусматривающее содержание притонов разврата — притонодержательство, вошедшее в Уголовный Кодекс редакции 1926 г., как часть ст. «155». Совершенно ясно, что Московский Кабинет по изучению личности преступника и преступности, поставивший перед собой проблему всестороннего и широкого изучения половых преступлений, не мог пройти мимо притонодержательства. К тому же своеобразный характер этого правонарушения, совершенно незнакомого ни нашей дореволюционной России, ни многим странам Запада и введенного нашим законодателем, как одна из мер к устранению тех моментов, которые питают и обуславливают проституцию, еще более усугубляет интерес к разбираемому нами ниже правонарушению. Задачей настоящей работы является попытка дать краткий социологический очерк притонодержательства в условиях последних нескольких лет. Всю массу вопросов, возникших при социологическом анализе интересующего нас правонарушения, мы старались систематизировать в отдельных частях очерка. Первым вопросом, возникающим при социологическом изучении всякого правонарушения в определенных условиях времени, есть вопрос динамики этого правонарушения, его роста, падения и рецидива. Обращаясь к притонодержательству, нам кажется, что в отношении последнего, наиболее интересным и важным моментом является изучение социально-бытовой физиономии субъекта правонарушения, а также и вскрытие тех причин и условий, которые создают и способствуют росту притонодержательства. Не менее важным вопросом также является и выяснение уголовной политики пролетарского суда, характера его реагирования на данный вид правонарушения.

В соответствии с выдвинутыми нами задачами, очерк разбит на несколько отдельных частей, как то: динамика притонодержательства, притонодержатели, притоны разврата и карательная политика.

Переходя к материалам, имевшимся в нашем распоряжении о притонодержательстве и на основании которых представилась

возможность делания тех или иных выводов, мы должны указать на ряд источников по данному вопросу. Основным и наиболее важным материалом нам послужило изучение 115 приговоров по притонодержательству за последние три года (1924-25-26 г.г.), вынесенные Московским Губернским Судом¹⁾). Изучение приговоров иногда дополнялось и знакомством с целым судебно-следственным делом того или иного, наиболее интересного случая. По указанному 115 приговорам имелось 155 человек, обвиняемых за притонодержательство. Кроме этого основного материала, в нашем распоряжении находились некоторые статистические данные Административного Отдела Моссовета и Московского Кабинета по изучению личности преступника и преступности. Перечисленные данные о притонодержательстве были дополнены нами личным обследованием притонодержателей и рядом посещений, совместно с агентами Уголовного Розыска, ликвидируемых притонов разврата.

Если теперь обратиться к первому вопросу настоящего очерка — динамике притонодержательства, то на основании соответствующего статистического материала можно с удовлетворением констатировать, что, в то время как многие преступления против личности проявляют в последнее время тенденцию роста, рассматриваемый вид преступления — притонодержательство — очень заметно идет на снижение. Так, по данным Милиции г. Москвы и губернии и МУР'а, за последние четыре года мы имеем следующую картину возникновения дел по притонодержательству.

Количество дел возникших по Москве:

Кварталы	Г о д ы			
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Январь — март . .	41	14	38	14
Апрель — июнь . .	52	33	35	4
Июль — сентябрь .	32	38	36	1
Октябрь — декабрь	29	38	26	7
Всего . .	154	123	135	26

¹⁾ В обработке указанного материала принимала участие студентка-практикантка Судебного Отделения Факультета Советского Права 1-го М. Г. У. тов. Дорофеева, за что приносим ей благодарность.

Количество дел, возникших по Московской губернии:

Кварталы	Г о д ы			
	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Январь — март . .	7	—	5	2
Апрель — июнь . .	4	—	—	—
Июль — сентябрь . .	6	6	3	—
Октябрь — декабрь	3	6	4	1
Всего . .	20	12	12	3

Как видим из таблиц, количество возникших дел по притонодержательству падает не только по городу, но и по губернии. Наибольшую цифру дает 1923 год, затем идет снижение, чтобы поднявшись в 1925 году, снова упасть до ничтожных размеров в 1926 году (по Москве — 26 дел и по губернии — 3 дела). То же самое подтверждается и данными о количестве обвинительных приговоров, вынесенных Московским Губернским Судом.

За 1924 год вынесено 36 приговоров.

» 1925 » » 61 »

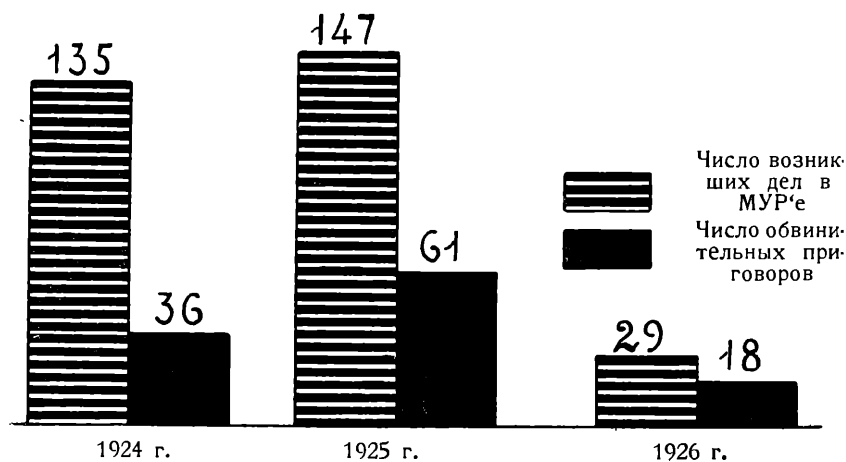
» 1926 » » 18 »

Небез'интересно сравнить количество возникших дел в МУР'е и Милиции с количеством вынесенных за этот же период времени Мосгубсудом обвинительных приговоров.

Нижеприводимая диаграмма дает картину степени интенсивности уголовной политики по разбираемому преступлению.

Диаграмма № 1.

Интенсивность уголовной политики по притонодержательству.

Бросающаяся в глаза разница между количеством возникших дел и количеством обвинительных приговоров объясняется, с одной стороны, прекращением дел в распорядительном заседании Губсуда, как неправильно возбужденных, и большим количеством оправдательных приговоров, с другой.

Наконец, о характере движения притонодержательства можно судить и по времени содержания притонов разврата, прикрытых МУР'ом за последние три года. Так, из 115 притонов мы имеем:

существовавших в течение 1923 и 1924 г.	— 42
„ „ „ одного 1924 г.	— 21
„ „ „ 1924 и 1925 г.	— 11
„ „ „ одного 1925 г.	— 36
„ „ „ 1925 и 1926 г.	— 2
„ „ „ одного 1926 г.	— 3

Мы видим, таким образом, что количество притонов не только уменьшается численно, но и по своему сроку существования становится все менее продолжительным. В самом деле, в то время как масса притонов, существовавших по 2 года, в 1923 и 1924 г.г. измерялась 42, а существовавших лишь один год — 21, то уже в 1924 и 1925 г.г. притонов с двухгодичным стажем мы имеем всего лишь 11, несмотря на общий рост притонов. Наконец, в 1925 г. и в 1926 г. притонов, существовавших 2 года, было всего лишь 2. Таким образом, мы имеем понижение притонодержательства не только количественное, но и качественное. Но, делая вывод из статистического материала о значительном уменьшении притонодержательства, мы все же склонны думать, что это уменьшение должно быть, отчасти, отнесено и за счет ослабления уголовной политики, которое наблюдается в последнее время со стороны уголовно-розыскных органов в отношении притонодержательства.

Обращаясь непосредственно к самим правонарушителям, привлеченным по ст. 155 Уг. Код., или притонодержателям, мы прежде всего остановимся на вопросе участия пола в этой группе преступников. Изученные нами приговоры Мосгубсуда за три года показывают, что из 155 человек, приговоренных на различные сроки лишения свободы, имелось 66 мужчин и 89 женщин. Как видим, взгляд, высказанный одним из авторов работы по притонодержательству о «значительном превалировании лиц женского пола»¹⁾ не совсем верен, ибо процент участия мужчин (42,7%) и женщин (57,3%) в притонодержательстве почти одинаков. Если мы теперь перейдем от чисто количественного соотношения мужчин и женщин среди притонодержателей к их качественному участию в этом преступлении, то здесь и совсем не увидим разницы между представителями обоих полов. Как муж-

¹⁾ Н. Геденов. Содержатели притонов разврата. Сбр. «Проблемы Преступности» Госуд. Инст. по изуч. преступности, вып. I, стр. 142.

чины, так и женщины одинаково играют активную роль. Правда, иногда трудно сказать, кто из них при совместном содержании притона является инициатором этого дела, но участвуют и тот и другой (т. е. мужчина и женщина) одинаково, живо интересуясь доходами от своего «ремесла», заводя знакомства с проститутками и одинаково скрывая свое занятие от уголовного розыска и милиции. Чтобы не быть голословным, опять таки приведу несколько цифр. Так, из 115 приговоров Мос. Губ. Суда имелось 24, по которым одновременно привлекались к ответственности за притонодержательство и мужчина и женщина (между прочим, чаще всего муж и жена) причем по 19 делам мужчина и женщина получили совершенно одинаковую меру социальной защиты. Совершенно ясно, что степень опасности судом была, как и всегда, учтена при назначении мер социальной защиты мужчин и женщин по данным делам и, следовательно, активное участие в содержании притона разврата как тех, так и других, было настолько незначительно, что Суд не нашел возможным назначения различных мер социальной защиты. А по 2 делам (из указанных выше 24) мужчины получили меру социальной защиты в виде лишения свободы на разные сроки, а женщины в обоих случаях были приговорены условно, при чем последнее отнюдь не было вызвано соображениями семейного характера. И лишь в 2-х делах степень активности женщины была установлена большая, чем мужчины, и мужчина получил условное осуждение, а женщина — года лишения свободы. Нельзя также обойти молчанием и еще один довольно своеобразный случай притонодержательства, когда муж и жена вместе привлекались к ответственности за содержание притона, но когда муж был совершенно оправдан, а жена приговорена к лишению свободы на 3 года. Как выяснилось на суде, муж о занятии своей жены притонодержательством узнал лишь во время ее ареста, так как последняя пускала к себе в комнату «гостей» и проститутки лишь днем и в отсутствие мужа, который работал на заводе. Но, повторяем, такие случаи очень редки и, конечно, не дают повода говорить о большей активности женщин в рассматриваемом нами правонарушении, ибо на ряду с этими случаями мы находим и такие, когда притоны содержались одним мужчиной или в компании нескольких мужчин без участия женщин. Так, перед Губернским Судом прошли три дела, где организаторами и хозяевами притона были в одном случае 3 мужчин и в 3-х других случаях по 2 мужчин. Хотя чаще бывает так, что если по делу привлекается два лица, то одно из них мужчина, другое — женщина, в большинстве случаев, как уже указывалось выше, муж и жена, и лишь был один случай, когда притон содержался родным братом и сестрой.

Переходя теперь к возрасту притонодержателей, мы должны констатировать, что, в то время как большинство правонарушителей как против личности, так и имущественных преступлений, рекрутируются из лиц в возрасте от 20 до 35 лет, т.е. в возрасте наиболее цветущем и жизнеспособном, кадр притонодержателей,

наоборот, пополняется лицами наиболее старших возрастов. Ниже-приводимые данные (Мос. Губ. Суда) о возрасте 152 притонодержателей дают нам следующую картину:

Притонодержателей в возрасте от 18 до 20 лет (включительн.) было — 6						
»	»	»	» 21 » 24	»	»	» — 10
»	»	»	» 25 » 29	»	»	» — 13
»	»	»	» 30 » 40	»	»	» — 45
»	»	»	» 41 » 50	»	»	» — 56
»	»	»	» 51 » 60	»	»	» — 18
»	»	»	свыше 60	»	»	» — 4

Мы видим, таким образом, что наибольшее количество притонодержателей падает на возраст от 30 до 40 лет (29,6%) и от 41 до 50 лет (36,84%), в то время как лица более молодых возрастов составляют весьма небольшой процент (в возрасте от 21 до 24 — 6,58% и в возрасте от 25 до 29 л. — 8,55%) среди общего количества притонодержателей. Больше того, мы среди этой группы правонарушителей находим довольно большое число лиц старого возраста (от 51 до 60 лет и свыше — 14,49%), число, которое очень редко встречается среди преступников других категорий. Картина несколько не меняется, если мы обратимся к распределению притонодержателей по возрасту среди мужчин и женщин отдельно.

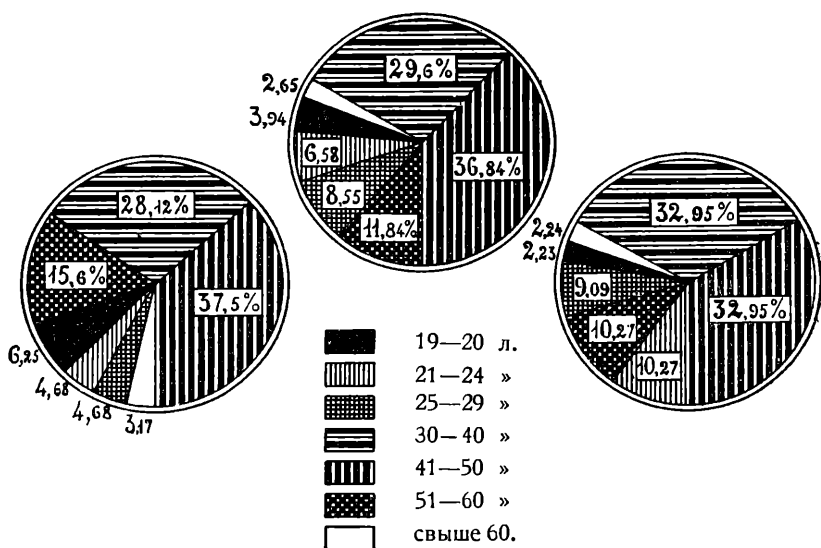
Возраст	Мужчины	Женщины
От 18 до 20 лет	4	2
» 21 » 24 »	3	9
» 25 » 29 "	3	8
» 30 » 40 "	18	29
» 41 » 50 "	25	29
» 51 » 60 "	10	9
Свыше 60 "	2	2

Итак, анализируя цифровые данные, мы прежде всего можем с большим удовлетворением установить, что молодежь в очень ничтожном количестве втянута в столь социально-опасное правонарушение, каким является притонодержательство. Особенно показательна в этом отношении приводимая диаграмма, помещенная на стр. 164.

Конечно, извлеченные из статистического материала цифры возрастов не случайное явление. Прежде всего, содержание притонов разврата по характеру своей работы требует известной жизненной опытности, определенной «солидности» самих притонодержателей и внушение доверия к ним со стороны клиентуры, т.-е. «гостей» и проституток. Все эти необходимые данные для хозяев притона можно скорее найти у людей более старших возрастов, а не у молодежи. Кроме того, нужно иметь в виду, что рассматриваемое преступление, в отличие от других правонарушений, связанных также с извлечением корыстных целей (напр., кража, мошенничество и др.) представляет наиболее спокойный и не требующий особенно большой затраты энергии и сил

Диаграмма № 2.

Возраст притонодержателей.

«заработок». В этом отношении притонодержательство весьма сходно по своему характеру работы с «самогонщиной», которая еще не так давно являлась одним из более злободневных преступлений, и процветающим ныне «шинкарством». Как и в этих последних, так и в притонодержательстве, правонарушителями являются лица более старших возрастов, и нам кажется, что именно характером этих правонарушений можно объяснить тяготение к ним лиц с возрастом, заходящим от 40 до 50 лет. С другой стороны, и степень участия женщин, обыкновенно дающих во всех других преступлениях меньший процент участия, а в настоящем и превышающих количество обвиняемых мужчин, становится также более понятным и ясным.

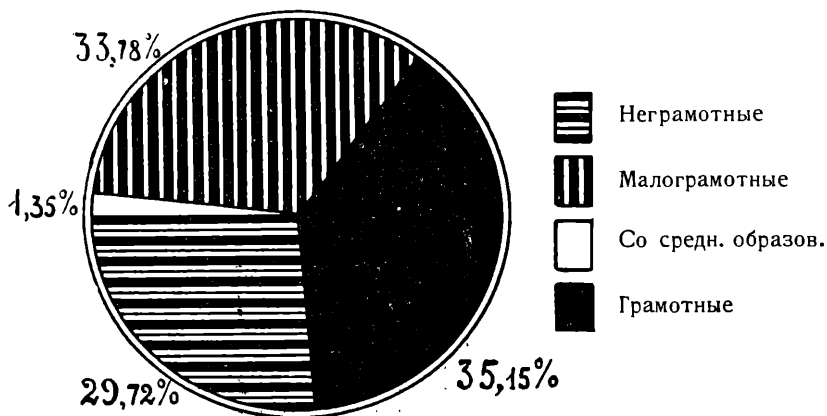
Упомянув о «самогонщине», мы не можем пройти мимо и другой аналогии, напрашивающейся при рассмотрении культурного уровня и грамотности притонодержателей. Как часто можно было слышать искреннее заявление от самогонщиков, что они не считали, что выгонка самогона с целью продажи является преступлением, так еще чаще в отношении притонодержателей можно встретить таких лиц, которые уже и после привлечения их к суду не могли хорошо понять, в чем заключается их преступление. Этого уже одного достаточно, чтобы судить о степени культурного уровня изучаемых правонарушителей. И хотя обработанный нами материал недостаточно полон в этом отношении, так как иногда по приговору нельзя было судить о грамотности обвиняемого, все же полученные цифры весьма показательны и характерны.

Из 74 притонодержателей было:

Совершенно неграмотных . .	22 чел. или 29,72 %
Малограмотных (умеющих только читать или писать) .	25 " " 33,78 %
Грамотных (с сельским или городским образованием) . .	26 " " 35,13 %
С средним образованием . . .	1 " " 1,35 %

Диаграмма № 3.

Грамотность притонодержателей.

Столь большое количество совершенно неграмотных и еще большее малограмотных совершенно определенно указывают нам на то, что темнота и невежество, еще царящие среди населения и являющиеся наследием дореволюционной России, не могут не иметь значения при вступлении мужчин и женщин на путь данного правонарушения. Сознание, что притонодержательство, как потворство такому социально-опасному явлению, каким является проституция, не может быть допущено в Советском государстве, борющемся с проституцией всеми имеющимися в его распоряжении средствами, еще недостаточно, повидимому, проникло и укрепилось в части нашего населения. Насколько большое значение имеет образование и низкий уровень культурного развития в среде этой группы правонарушителей видно уже из того, что из всех 84 притонодержателей мы имеем лишь одного со средним образованием, и то неоконченным, и не встречаем ни одного с высшим образованием. Не нужно также упускать из вида, (а особенно, если принять во внимание возраст правонарушителей), что на лицах, занимающихся притонодержательством, сказалось, быть может, влияние и дореволюционной политики по этому вопросу, которой почти санкционировалось содержание притонов разврата, или, как их тогда называли, «публичных домов». Крутой поворот, произведенный в этом отношении Советским правительством, поднявшимся

на защиту женщины и ее прав, и уничтожение приниженного состояния, в котором находилась в царской России женщина, еще недостаточно осмыслены и поняты частью населения. Темнота, невежество и неграмотность сказываются и в тех запросах, которыми живут притонодержатели. Грубо-примитивные интересы, направленные, главным образом, на приобретение материальных благ (правда, не имеющихся очень часто у них в достаточном и необходимом количестве), отсутствие у большинства из них культурных запросов и полная оторванность от общественно-политической жизни, — вот характерные черты большей группы притонодержателей. Они с большим удовлетворением принимают участие в тех попойках и оргиях, которые устраиваются в их квартирах проститутками и «гостями». Недостаточность развития и малограмотность, благодаря постоянному общению с проститутками и уголовным элементом, который нередко встречается среди «гостей» притонов, еще более притупляет их общественно-культурные запросы.

Обращаясь теперь к социальному происхождению притонодержателей, мы находим, что подавляющее большинство их является выходцами из крестьян и очень ничтожное количество из рабочих и других социальных групп населения. Из 119 человек, о которых мы имеем сведения, происходили:

Из крестьян	104
„ рабочих	3
„ кустарей	1
„ торговцев	4
„ служащих	7

Данные цифры по социальному происхождению вполне соответствуют и дополняют высказанные нами соображения относительно темноты и невежества, столь характерных для группы притонодержателей. Ясно, что не выходцы из класса имущих оказались в дореволюционной России в положении забитых, темных и малокультурных людей, а выходцы из тех слоев общества, которые подвергались наиболее жестокому угнетению, и забитость которых не имела никаких границ — т.-е. из массы крестьянства. Правда, как мы увидим из дальнейшего, среди притонодержателей очень ничтожное количество земледельцев, т.-е. занимающихся и в настоящее время крестьянством, ибо все эти выходцы из крестьянской среды, придя в город, осели в нем и порвали в большинстве случаев всякую связь с деревней, сделавшись рабочими, мелкими кустарями и т. п.

Особенно важным вопросом при изучении притонодержательства является выяснение социального положения правонарушителей, их занятия, работы, службы в момент совершения ими своего преступления. Подробное рассмотрение этого вопроса может облегчить нам отыскание тех социальных причин, которые создают и само правонарушение, притонодержательство, и самих правонарушителей—притонодержателей. Изученный нами материал о 115 притонодержателях и личное знакомство с последними (в местах за-

ключения) позволяет нам прежде всего установить две, совершенно между собой различные группы притонодержателей. К первой из этих групп мы относим тех лиц, для которых притонодержательство являлось подсобным заработком и которые имели основным источником своих средств существования трудовой социально-здоровый заработок (в виде, например, работы на фабрике, службы в советском учреждении, кустарного промысла и т. п.). Во вторую же группу притонодержателей мы относим тех лиц, которые сделали притонодержательство своим основным и единственным заработком и которые склонны рассматривать содержание притонов разврата, как свое ремесло. По своему количественному соотношению эти группы почти одинаковы. Из 137 правонарушителей, на основании данных об их занятии и заработке, можно 60 человек отнести к первой группе и 77 человек — ко второй. Эти цифры показывают, что почти 45 % всех притонодержателей являются как бы случайными преступниками, обратившимися к притонодержательству в виду своеобразно сложившихся для них социальных условий и, чаще всего, тяжелых материальных условий.

Характерным признаком первой группы является то, что лица, составляющие ее, не теряют связи с трудовой жизнью на службе, фабрике и др. местах, несмотря на то, что вступили на путь правонарушения. Остановимся на этой группе притонодержателей, более подробно. По своей основной профессии лица первой группы являют, как и надо было ожидать, большое разнообразие. Так, из 60 человек, занимавшихся притонодержательством, как подсобным заработком, находились по своему основному занятию в числе:

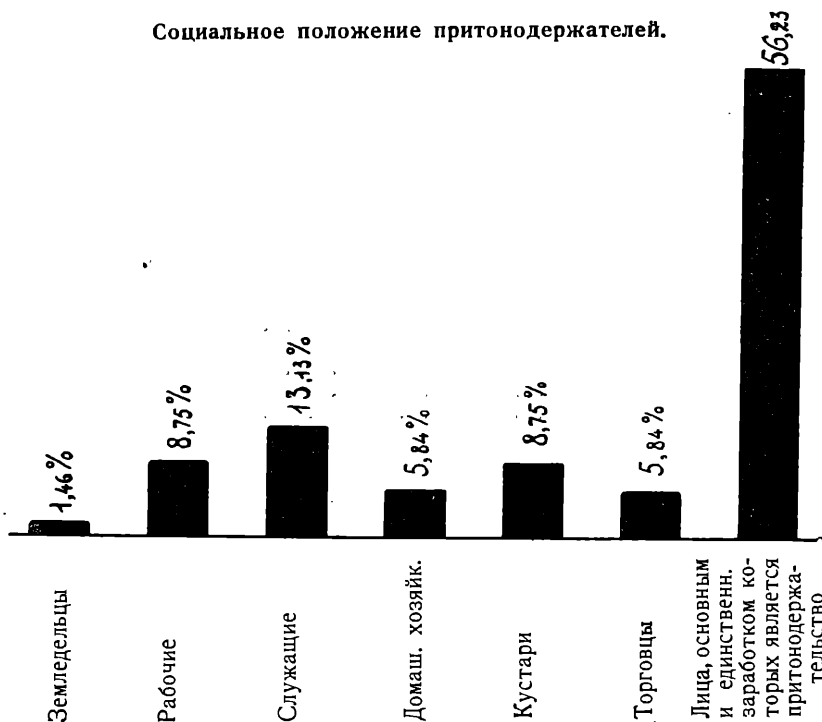
земледельцев	2	челов.
рабочих	10	„
безработных	2	„
служащих госуд. учреждений . .	10	„
служащих ресторанов, пивных и кафе	8	„
домашних хозяек	8	„
кустарей	12	„
торговцев	8	„

Количество занимавшихся крестьянством, как основной профессией, и подрабатывающих притонодержательством, слишком ничтожно, чтобы на нем останавливаться. Рабочих уже значительно больше. Это — лица, имевшие очень небольшой заработок и находившиеся в тяжелых материальных условиях и к тому же нередко обремененные большей семьей. Непосредственным мотивом, побудившим их на путь преступления, мы склонны считать их необеспеченность, а часто и просто полуголодное существование. То же самое можно сказать и про часть служащих, также имевших иногда довольно малый заработок, инвалидов и домашних хозяек. Другая часть служащих (8), среди которых мы находим официантов пивных, буфетчиков ресторана и музыкантов кафе, резко отличается от рассмотренной нами выше. Прежде всего, про этих служащих нельзя, сказать, чтобы они сильно нуждались в мо-

мент совершения преступления. Наоборот, здесь мы находим достаточные доходы и заработок, чтобы на них прожить со всей семьей и тем более одному. Но характер работы тех учреждений—пивные, рестораны, кафе и т.п., где служат эти лица, та атмосфера пьянства, а часто и разврата—весьма отрицательно влияют на эту группу служащих. Окружающее же их общество, среди которого много проституток (особенно в пивных района Тверской ул.) и нередко даже уголовного элемента приобретения клиентуры соблазняет подчас на содержание притона разврата. Все сказанное может быть вполне отнесено и на счет торговцев, состоящих среди притонодержателей, главным образом, из содержателей ресторанов и пивных. И, наконец, в первую же группу изучаемых нами правонарушителей входят кустари самых разнообразных специальностей — плотники, столяры, сапожники и др. Считаю небезинтересным привести здесь диаграмму, ярко показывающую характер социального положения притонодержателей как первой, так и второй группы.

Диаграмма № 4.

Социальное положение притонодержателей.

Обращаясь ко второй группе притонодержателей, т.-е. к лицам, сделавшим притонодержательство своим основным и единственным заработком, мы можем сказать, что эта группа правонарушителей

уже носит на себе как бы налет преступной профессиональности. В то время как лица первой группы, выйдя из затруднительного материального положения, могут и действительно кончают с притонодержательством, среди правонарушителей второй группы мы находим нередко и таких, которые, несмотря на ряд прежних судимостей (по этому же преступлению), упорно продолжают заниматься притонодержательством. Часто представители этой группы начинали свою преступную деятельность с выгонки самогона, затем в связи с продажей водки переходили на шинкарство, и уже впоследствии вступали на путь притонодержательства. И это вполне понятно, ибо, как мы указывали уже выше, «самогонщина», шинкарство и содержание притонов разврата близко соприкасаются друг с другом и часто фигурируют вместе на суде. Наконец, в числе второй группы притонодержателей мы имеем и лиц с большим уголовным прошлым, судившихся по несколько раз за кражу, мошенничество и даже бангитизм, конечно, и про эту вторую группу, основываясь на имеющихся у нас материалах, нужно сказать, что при вступлении их на путь преступления также не малую роль сыграло их тяжелое материальное положение, но выбитые однажды из своей трудовой колеи, эти лица как бы уже катятся по наклонной плоскости — кражи, судимости, высылки, и пр. Они, в противовес первой группе притонодержателей, уже не имеют никакой связи со здоровой трудовой жизнью, и у них меньше поэтому возможностей сойти с опасного пути преступления и вернуться снова к полезной деятельности.

В подтверждение своих соображений приводим процент судимостей, числящихся за лицами первой и второй группы отдельно.

	Число притонодержателей	Число судившихся	% %
I группа	60	9	15
II „	77	39	50,6

Нижеприводимая таблица прежних судимостей по отдельным преступлениям первой и второй группы притонодержателей также дает показательную картину.

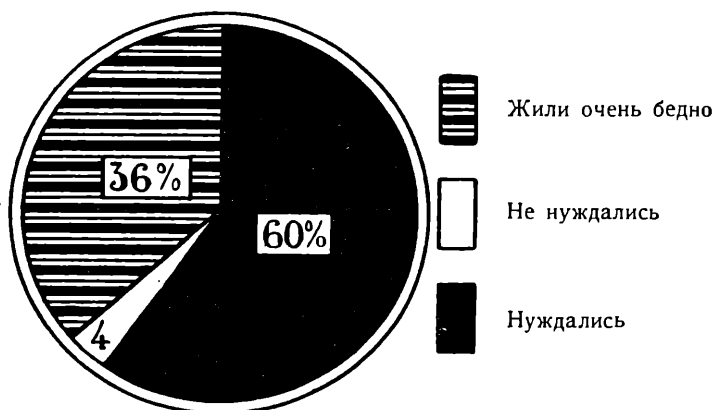
Название преступлений	I группа	II группа	Всего
Самогонщина и „шинкарство“	5	18	23
Кража	3	12	15
Притонодержательство	—	6	6
Убийство	—	1	1
Хулиганство	—	1	1
Взятка	—	1	1
Самоуправство	1	—	1
Всего	9	39	48

Нужно иметь при этом еще в виду то, что судимости за самогонку и шинкарство, имеющиеся у лиц II группы, встречаются как повторные и даже третичные. То же самое с рецидивом за кражу, который встречается лишь у притонодержателей II группы. Цифры, приведенные в таблицах, достаточно ярко свидетельствуют о той большой социальной опасности, которую представляют притонодержатели второй группы, чего, конечно, нельзя сказать про лиц первой группы. Чтобы дополнить характеристику притонодержателей второй группы, следует упомянуть также и о том, что в ней мы находим, хотя правда и в небольшом количестве, проституток. Зарабатывая проституцией, такие женщины, кроме того, представляют свое помещение с корыстной целью и другим проституткам с «гостями» для целей разврата.

Тесно связана с вопросом социального положения притонодержателей и сторона материального обеспечения их, на которой мы уже частично и в разных местах нашего очерка останавливались и о которой теперь скажем всего лишь несколько слов. Материал, полученный нами в этой области, касается 50% всех правонарушителей, но несмотря на свою неполноту, он все же довольно показателен.

Диаграмма № 5.

Материальное положение притонодержателей.

Очень характерно, что жившие очень бедно и нуждавшиеся как раз приходится на первую группу, рассмотренную нами выше, притонодержателей, т.-е. на тех, которые обращались к содержанию притонов разврата лишь как к подсобному заработку. Это обстоятельство лишний раз подтверждает правильность нашего понимания причин вступления лиц этой первой группы на путь право-

нарушения. В самом деле, по своему занятию нуждавшиеся распределялись следующим образом:

	З а н я т и е	Количество нуждав- шихся
I группа (60 челов.)	Рабочих	8
	Служащих	8
	Безработных	5
	Инвалидов	3
	Домашних хозяек	7
	Кустарей	4
	Всего . .	35
II группа (77 челов.)	Лица, основным и единственным заработком которых являлось притонодержательство	19 ч.

Из этой таблицы мы видим, что бедность и нищета встречаются и у представителей второй группы, хотя, правда, реже и не так бросается в глаза, как у лиц первой группы. Но это еще раз подтверждает нашу мысль, что на ряду с невежеством, темнотой, неграмотностью и культурной отсталостью, тяжелое материальное положение является одним из наиболее могущественных факторов, толкающих многих лиц на путь изучаемого нами правонарушения. Правда, на ряду с этим мы находим, хотя и в редких случаях, и полную обеспеченность притонодержателей, это — содержатели ресторанов, гостиниц и кафе — которые используют притонодержательство, как наиболее легкий и часто в их условиях (богатые салоны) очень большой заработок.

Чтобы покончить с притонодержателями и обратиться к самим притонам разврата, мы остановимся на семейном положении притонодержателей. Имевшийся в нашем распоряжении материал показывает следующее:

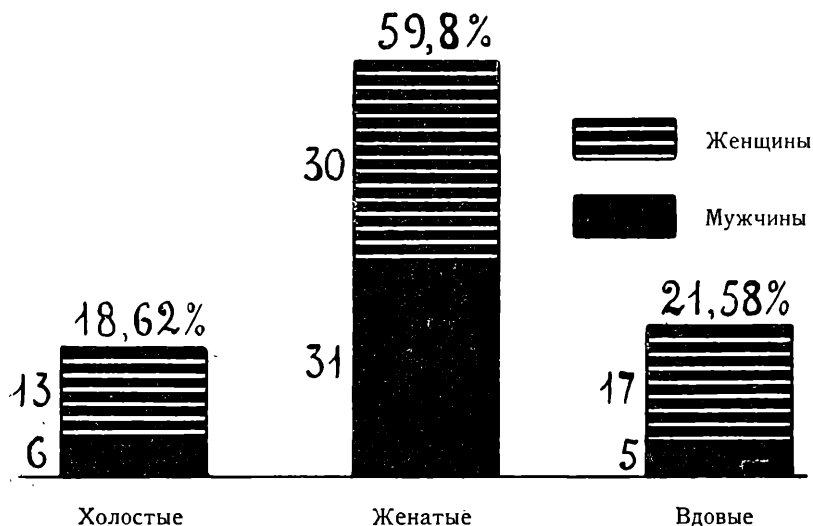
Из 102 правонарушителей было:

Семейное положение	П о л		Всего
	Мужчин	Женщин	
Холостых (девиц)	6	13	19
Женатых (замужн.)	31	30	61
Вдовых	5	17	22
Итого . .	42	60	102

Как видим, наибольший процент падает на женатых и вдовых, что вполне согласуется, во-первых, с более зрелым возрастом притонодержателей и, во-вторых, с тем тяжелым материальным положением, в котором, как мы говорили неоднократно, находится большая часть правонарушителей.

Диаграмма № 6.

Семейное положение притонодержателей.

Совершенно ясно, что возможность тяжелых материальных условий мы скорее встретим у женатых людей, часто обремененных большой семьей, чем у холостых.

Притонодержательство — преступление, свойственное по своему характеру лишь большим городам и центрам. И это вполне понятно, ибо содержание притонов разврата неразрывно связано с проституцией, а последняя находит себе место, главным образом, в столицах и других больших городских поселениях. Обращаясь к притонодержательству Москвы и Московской губернии, мы видим, что подавляющая часть всех притонов приходится исключительно на Москву и ничтожная часть на губернию.

Из 155 притонов было:

в Москве	150
„ губернии	5

Пять притонов, обнаруженных вне Москвы, распределяются так: 2 притона в г. Коломне, 1 — в г. Сергиеве и 2 — в подмосковных деревнях (д. Воробьево и д. Новое-Коптево).

Но и в Москве притоны разврата группируются в некоторых определенных районах, а не разбросаны по всей территории города. Обыкновенно вблизи тех улиц центра города, куда проститутки вечером выходят для подыскания себе клиентуры и заработка и где сконцентрирована главная масса кафе, ресторанов и пивных, ютятся и притоны разврата. Близость расположения к таким улицам притонов дает возможность проституткам по несколько раз в вечер менять клиентов, а хозяевам притона хорошо зарабатывать. К тому же и «гости» охотнее идут в притоны разврата, расположенные недалеко от места встречи их с проститутками и которые не связаны с лишней затратой на передвижение. Конечно, имеются притоны и в других частях города, но уже в очень небольшом количестве. Разбив всю Москву на ряд своеобразных районов, мы получим следующую картину расположения притонов, обнаруженных и прикрытых МУР'ом за 1924-25 и 26 г.г.

Р а й о н ы	Количество притонов	Р а й о н ы	Количество притонов
Тверская ул., от Страстного монастыря с примыкающими к ней переулками до Александровского вокзала	31	Марьино роца	2
Бульвары: Тверской, Страстной, Рождественский, Цветной и др.	9	Бутырки	2
Центр города: Охотный ряд, Неглинный пр., Петровка и др. улицы	8	Петровский парк	2
Грузины	6	Район Солянки	2
Таганка	6	Каланчевская площадь	2
Замоскворечье	4	Хамовники	1
Район Сухаревской площ.	4	Новинский бульвар	1
		Всего 80	

Как и следовало ожидать, главная масса притонов сосредоточена в районе Тверской улицы — центра скопления в вечернее время проституции. Также не мало притонов расположено по бульварному кольцу и в самом центре города. Много меньше притонов приходится на районы Таганки и Замоскворечья и совсем небольшое количество на прочие районы Москвы. Встречаются притоны и загородного типа, напр., в Петровском парке и в деревнях, расположенных вблизи Москвы.

Обращаясь теперь непосредственно к притонам разврата, мы постараемся прежде всего осветить вопрос помещения для этих своеобразных учреждений. Ясно, что для того, чтобы заниматься содержанием притона разврата, необходимо иметь особое, свободное помещение для этой цели. Посмотрим, как справляются с этим квартирным вопросом притонодержатели, а особенно в условиях нашего общего жилищного кризиса. Всю массу притонов, изученных нами, следует разбить в этом отношении на три группы. В первую из них войдут те притоны, хозяева которых имели, действительно, комнату или даже особые комнаты для целей разврата. Содержатели таких притонов разврата являлись, обыкновенно, людьми семейными, имевшими в своем распоряжении две или более комнат, предоставлявшие одну из них для «гостей» с их проститутками, «уплотняясь» временно со своей семьей в другой или других комнатах. Отсюда также и более понятен большой % среди притонодержателей женатых и семейных людей. Такие особые комнаты для «гостей» в некоторых притонах разврата были меблированы сообразно цели их назначения. Но не всегда, конечно, хозяева таких притонов являются людьми женатыми и семейными. Мы не можем не упомянуть об одном очень интересном случае, показывающем к каким средствам иногда прибегают притонодержатели для получения отдельных комнат. Так, одна из женщин, симулируя психическое заболевание, обратилась к районному врачу и, обманув последнего, получила и реализовала право на отдельную комнату, которую в дальнейшем и использовала для притонодержательства. Следует также здесь отметить и те притоны, хозяева которых владели целыми домами. Это, главным образом, притоны в подмосковных деревнях и в уездных городах Московской губернии. Во вторую группу мы относим те притоны, хозяева которых не имели особых комнат, а предоставляли свою собственную и единственную комнату для приходящих «гостей» и проституток. Притонодержатели, находившиеся в таких условиях, принуждены были на время посещения «гостей» уходить из квартиры совсем или же оставаться на кухне, в прихожей и др. помещениях. Наконец, в третью группу следует отнести такие притоны, которые находились при ресторанах, гостиницах и кафе. Здесь уже часто имелось по несколько свободных комнат и даже, так называемые, отдельные кабинеты. В отношении этой группы притонов нужно заметить, что они по своему характеру и обстановке приближаются к типу прежних, дореволюционных публичных домов. В таких притонах подаются дорогие фрукты и вина, и

за «визит» платят по 30 руб. и дороже. Но описанных притонов разврата очень немного. Так, из 115 притонов приходится.

На первую группу	43
„ вторую „	66
„ третью „	6

Как видим, главная масса притонов падает на II-ую группу (т.-е. без «особых комнат») и затем на I-ую группу. И это вполне понятно, ибо современные притоны разврата в отличие от старых публичных домов, этих регламентированных государством учреждений, носят кустарнический характер и, конечно, уже по одному этому, представляют во много раз меньше социальное зло, чем раньше. Вопрос о помещении притонов имеет также большое значение и в отношении характера самого притона. В тех притонах, где имеются отдельные комнаты, посещаемость их во много раз превосходит посещаемость притонов с одной хозяйской комнатой. Так, в первых посещаемость иногда настолько высока, что одновременно бывает по несколько пар. МУР'ом в 1925 году был накрыт притон разврата, где находилось в одно время двенадцать пар «гостей». Количество желающих попасть в такой притон разврата бывает так велико, что в одном из притонов, также прикрытом в 1925 году, среди «гостей» устанавливались очереди (приговор Мос. Губ. Суда от 25 марта 1926 г.). Кроме того, в тех притонах, где нет особых комнат, «гости» и проститутки редко остаются на ночь и лишь бывают в притоне в течение 1—2 часов и уходят. В притонах же с особым помещением посетители их остаются на всю ночь и даже иногда и на другой день. Из 115 притонов, прикрытых уголовным Розыском в течение последних трех лет, мы имеем:

Притонов с ночевкой	42
„ „ без ночевки	50
„ „ неизвестных	23

Как уже ранее отмечалось, притонодержательство очень часто фигурирует совместно с другими правонарушениями — самогонщиной, «шинкарством» и им подобным. И это вполне понятно, ибо результат изучения притонов разврата говорит нам о том, что в большинстве притонов «гостям» охотно продаются наркотики и, главным образом, водка, вино и кокаин. Конечно, спиртные напитки продаются здесь по очень высокой цене, но это несколько не останавливает подгулявших «гостей» от покупки их, а хозяевам дает лишнюю возможность извлечения дохода, иногда во много раз большего, чем от самого притонодержательства. Обращаясь к цифрам, мы можем установить, что таких притонов, где свободно продается водка, было более 45% всего количества. Нужно заметить, что продажа водки в притонах привлекает очень большое количество «гостей» и проституток в такие притоны. Нам встретился притон, где за вечер иногда проходило около 40 пар. Водка чаще всего продается в тех притонах, где хозяева их имеют основным заработком притонодержательство и часто, не довольствуясь доходами от основного своего ремесла, на-

чинают приторговывать водкой и вином не только в притоне, но и на сторону. Но если даже в некоторых притонах хозяева их и не торгуют вином, то во всех почти притонах разрешается распивать водку, в чем охотно принимают участие и сами хозяева. Кроме того, в некоторых притонах имелся буфет, т.е. подача по уговору горячих и холодных закусок. Правда, опять таки за это взимались большие деньги, но приезжавшие «гости» часто не стеснялись и платили хорошо. Своеобразная обстановка с водкой, кокаином и вином—с одной стороны, проститутки и «гости», среди которых не мало бывает людей и с уголовным прошлым, с другой, создают тяжелую атмосферу притона... Скандалы, драки, а иногда и поножовщина не редкое явление в притонах. Опьяневшие «гости», проститутки и хозяева начинают ссору, которая часто кончается грандиозными драками. Чтобы дать приблизительное представление об этой стороне жизни многих притонов приведу выдержку из одного приговора Московского Губернского Суда (от 17 апреля 1925 г.):

«Обстановка, где проживали означенные лица (речь идет о притонодержателях — В. М.) всеми свидетелями по делу обрисовывается, как обстановка, сохранившая все традиции Хитрова рынка с обязательными дебошами, пьянкой, дешевым развратом, поножовщиной, кокаином и др.». Насколько развиты скандалы и драки в таких притонах, видно уже из того, что большая часть дел по разбираемому преступлению возникает по жалобе или соседей притонодержателей или домоуправления. Правда, был один случай, когда домоуправление не так сильно реагировало на притонодержательство, но это объясняется тем, что притон разврата содержал сам председатель домоуправления. Пьянство, скандалы и драки чаще всего мы встречали в тех притонах, хозяева которых относились ко второй, нами условно названной профессиональной, группе притонодержателей. Но пьянство и оргии, процветающие в притонах разврата, часто ведут и к другим последствиям. Посетители притонов иногда так напиваются, а нередко их «подпаивают» и даже пускают в ход «снотворные» средства, что остаются помимо своего желания до утра, а проснувшись утром обнаруживают пропажу не только денег, но иногда и своего платья. Это лишний раз свидетельствует о том, что как среди притонодержателей, так и среди «гостей» не мало лиц подозрительных и с уголовным прошлым.

Давая характеристику современных притонов разврата, мы не можем обойти молчанием и вопрос проживания в них самих проституток. Из 155 притонов, прошедших перед Московским Губернским Судом, мы находим 10, в которых постоянно проживали проститутки. При чем во всех этих случаях проститутки не являлись какими-либо родственницами хозяевам притона, а были людьми совершенно посторонними и все почти находились в материальной зависимости (главным образом из-за жилой площади) от притонодержателей. Здесь мы наталкиваемся нередко на жестокую эксплуатацию хозяевами проживающих.

у них женщин-проституток, которые принуждены отдавать им большую часть заработка под угрозой в противном случае быть выселенными из квартиры (проститутки, обыкновенно в таких случаях проживают на жилой площади хозяина притона без права на отдельную жилплощадь).

Кроме того, мы встречаем здесь же и такие случаи, когда притонодержатели подговаривают женщин к занятию проституцией самыми разнообразными к тому средствами. Ниже мы приводим два таких случая, встретившихся нам при изучении притонодержательства. Женщина 55 лет, притонодержательница, заманивала к себе почти несовершеннолетних девушек под видом устройства их на работу, а затем принуждала последних за предоставленную им квартиру заниматься проституцией и отдавать львиную долю их заработка. Или вот другой случай: приехавшей в первый раз в Москву деревенской девушке, находящейся без работы, притонодержательница предложила поселиться у себя в квартире, но с тем условием, что девушка начнет заниматься вместе с уже проживающими в этой квартире проститутками — проституцией. Находившаяся без работы и без угла и к тому же неграмотная девушка приняла условия и вскоре пошла по пути проституции. Но таких притонов разврата, где постоянно проживают проститутки, очень и очень немного, и это обстоятельство лишний раз подчеркивает ту громадную разницу, которая существует между современными притонами разврата кустарнического характера и дореволюционными публичными домами, где нередко жило по 10—15, а иногда и больше, проституток.

Обрисовав вкратце характер притонов разврата и той жизни, которая в них протекает, нам хотелось бы остановиться на вопросе о том, кто же посещает эти притоны и не является ли часть «гостей» людьми с уголовным прошлым, а может быть и настоящим. К сожалению, разработанный нами материал, имевшийся в распоряжении Мос. Губ. Суда, не дал нам никаких сведений по интересующему нас вопросу. Единственно, что нам удалось установить относительно посетителей притона это: 1) какой характер носят их посещения притонов и 2) какими способами они попадают туда. Вопросы эти не имеют особенно большого значения для самих посетителей, но, как мы увидим ниже, еще раз характеризуют притоны разврата, как рассадники проституции. Из 100 притонов, сведения о которых мы нашли в разработанном материале, 63 притона посещались преимущественно постоянными «гостями» и знакомыми, и 37 притонов имели чаще всего случайных посетителей. Нужно сказать, что такой большой процент притонов, посещаемых исключительно постоянными лицами, является очень плохим симптомом в деле борьбы с притонодержательством. Это обстоятельство показывает нам, что притоны разврата пользуются широкой известностью, а некоторые даже и популярностью. В этом отношении такие притоны разврата имеют сходство с прежними публичными домами, сконцентрированными обыкновенно в одном каком либо районе, о существовании и местоположении которых было многим хорошо известно. С другой

стороны, эти постоянные посетители и сами уже по одному этому признаку характеризуются довольно отрицательно. Переходя теперь к способу посещения «гостями» притонов разврата, мы находим, что из 115 случаев было 33 притона, куда «гости» приводились проститутками и 82 притона, куда посетители приходили сами. Последнее опять таки является нехорошим симптомом в притонодержательстве, ибо нам кажется, что притоны, неизвестные широкой массе населения, куда менее опасны тех, в которые едут без проституток, будучи уверенными, что там найдут вино, женщин и кокаин.

Если мы теперь, в последней части нашего очерка, обратимся к карательной политике Советского Суда по притонодержательству, то должны будем, прежде всего, с удовлетворением констатировать ту жесткую и твердую политику, которая была проявлена Московским Губернским Судом в отношении притонодержателей.

Как Советская власть в целом, так и один из выразителей и проводников ее уголовной политики, Московский Губернский Суд, рассматривают притонодержательство, как деяние социально-опасное, способствующее росту проституции и подрывающее упорную работу, ведущуюся с этим наследием старого быта. Кроме того, можно отметить и единство этой уголовной политики на протяжении всех трех последних лет. Нижеприводимая таблица довольно ярко показывает, как относится пролетарский суд к лицам, привлекавшимся по ст. «171» Уголовного Кодекса, ред. 1922 г.

Из 155 человек, прошедших за 1924-25 и 26 г.г. период Губсудом, было приговорено:

К 6 месяцам	4
„ 1 году	4
„ 2 годам	4
„ 3 годам	125 (80% всего числа)
„ 4 годам	8
„ 5 годам	10

Мы видим, таким образом, что 80% всего числа приговоренных были осуждены на 3 года лишения свободы, т. е. получили наибольшую меру социальной защиты по 1 части ст. «171» УК ред. 1922 г. Кроме этой основной меры социальной защиты, мы здесь чаще, чем по многим другим правонарушениям, встречаем и ряд дополнительных мер социальной защиты.

Так, опять таки из 155 случаев мы имеем:

поражение в правах в	53 случая
высылку „	58 „
конфискацию имущества	17 „

Последнее лишний раз подчеркивает, что лица, занимающиеся притонодержательством, являются социально-опасными для общества, ибо они посягают на достоинство личности, эксплуатируя и используя, быть может, временное социальное падение женщины (проститутки). Прежде всего, такие лица не могут оставаться в наших городах, где им открывается возможность снова заниматься своим ремеслом, и не должны пользоваться правами, предоставленными прочим гражданам Советской России. Здесь

следует также отметить и то, как пролетарский суд зорко стоит на страже защиты молодого и будущего поколения. В нескольких случаях судом было установлено, что притонодержатели в своей работе не считались с малолетними детьми, которые иногда бывали свидетелями разврата приходивших в притон «гостей» и проституток, что, конечно, не могло не отразиться самым разлагающим образом на психике детей. В таких случаях обвиняемые в притонодержательстве лишались родительских прав, а их детей передавали на воспитание в детские дома МОНО. Несмотря на то, что в 80% всех приговоров мера социальной защиты, налагаемая судом, была не ниже 3-х лет, Московский Губернский Суд не мог не считаться в некоторых случаях с особыми условиями, в которых находились некоторые правонарушители и той социальной обстановкой, в которой они жили. И, как подтверждение этого, мы имеем из 155 случаев в 39 — применение ст. 28 УК ред. 1922 г., в которых назначенная мера социальной защиты понижалась:

Степень снижения сроков была такова:

с 3 лет до 2 лет	6
„ „ „ „ 1½ года	5
„ „ „ „ 1 года	9
„ „ „ „ 8 месяцев	1
„ „ „ „ 6 „	8
„ „ „ „ 3 „	1
„ „ „ „ 2 „	1
„ „ „ „ 1 месяц	1
неизвестно снижение	7

Но и здесь мы видим, что в большинстве случаев (в 62%) сниженная мера социальной защиты была не менее 1 года. Безусловно, в тех случаях, когда устанавливается злостный характер притонодержательства (напр., при повторных случаях, при совращении малолетних и пр.) или когда притонодержателями являются лица, способные и привыкшие рассматривать это антисоциальное занятие, как свое ремесло, и видящие в нем основной заработок, такое снижение срока, предусмотренное статьей Уголовного Кодекса, было бы нецелесообразным и даже вредным. Таким притонодержателям, с налетом уголовной профессии, порвавшим всякую связь с трудовой жизнью, нужен продолжительный срок, чтобы попытаться их приучить или, вернее, снова вернуть на истинный трудовой здоровый путь. Мы, с полным удовлетворением можем установить, что применение ст. «28» УК ред. 1922 г. и ст. «36» в действительности, коснулось главным образом тех притонодержателей, которые вступили на путь этого правонарушения в виду или особо тяжелых материальных условий (ничтожный заработок с одной стороны и большая семья, с другой, безработица, сокращение по службе и пр. и пр.) или в силу темноты и невежества, полного неосознания своей анти-социальной деятельности. Своими же мотивировками и обоснованиями применения ст. ст. «28» к «36» УК 1922 г. суд лишний раз подтвердил наши основные мысли по вопросу о мотивах притонодержательства, приводившиеся нами на продолжении всего этого социологического очерка.

О г л а в л е н и е

	Стр.
О т редак ц и и	3
Г. М. Сегал. К проблеме половой преступности	5
Е. К. Краснушкин. К психологии психопатологии половых правонарушений	11
В. А. Внуков и А. О. Эдельштейн. О характере личности правонарушителя и механизмах правонарушений в области половых отношений	23
Б. С. Маньковский. Современная половая преступность	77
А. А. Герцензон. Половая преступность в до-революционной России.	108
Н. И. Озерецкий. Половые правонарушения несовершеннолетних	128
В. Д. Меньшагин. Притонодержательство	158
